1799–1969

ОГОНЁК

№ 23 ИЮНЬ 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Петродворец. Один из фонтанов перед зданием Оранжереи, украшенный скульптурой «Тритон с крокодилом».
Фото А. Гостева.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА „БЕЛАЗОВ"

А. ЩЕРБАКОВ,
собкор «Огонька»

Фото М. САВИНА.

По размерам в праздничной колонне с ним не мог сравниться никто. А ему не с кем было сравниться по возрасту. Исполин появился на свет совсем недавно. Выйдя из цеха, он направился прямо в Минск, где праздновалось 50-летие Белорусской ССР и компартии республики; легко «отшагал» полсотни километров, гордо покрасовался на республиканской выставке достижений народного хозяйства, а затем присоединился к демонстрантам, как нельзя лучше олицетворяя собой буквально сказочный прогресс белорусской индустрии.

Так вступил в жизнь новый самосвал Белорусского автомобильного завода — 75-тонный «БЕЛАЗ-549». Еще одна страница заводской летописи. А первая была написана всего десять с лишним лет назад, когда маленький поселок Жодино провожал в дальнюю дорогу самую большую по тем временам в стране машину-самосвал грузоподъемностью 25 тонн.

До сих пор многие спрашивают: а велика ли нужда в машинах-тяжеловозах? Оправдывают ли они себя? Почему спрашивают, понятно. Обычные грузовики каждый видит постоянно и легко может оценить их усердие, выносливость, трудоспособность. А великаны живут далеко, потому что город не в состоянии предложить им подходящей работы. При исполнении служебных обязанностей их мало кто видит — отсюда и вопросы.

Так вот о назначении и трудоустройстве большегрузных машин.

В последние десятилетия добычу некоторых полезных ископаемых стали все чаще вести открытым способом. Он дешевле: не нужны затраты на сооружение шахт. К тому же под землей слишком тяжелы условия труда. И опаснее. Короче говоря, время утвердило открытый способ. А вывозка? Железной дорогой? Нет, это не рационально: состав не одолевает крутых подъемов, мала маневренность, да еще рельсы надо переносить с места на место по мере разработки пластов. Убедились, что практичнее автомобиля пока ничего не найти. Но самосвалы обычного типа не подойдут: не управятся при нынешних темпах добычи. А потом требовалось учесть, что большинство рудников находится в малонаселенных районах, и чем меньше понадобится шоферов, тем легче наладить дело. Таким образом, все аргументы были в пользу самосвалов-гигантов. Оставалось решить: где обосноваться заводу, который даст им жизнь. Решили: в Белоруссии, в Жодине.

К тому времени там уже был заводик дорожных машин, однако трудностей хватило с избытком на всех, кто приехал развернуть заводик в крупное предприятие. Производственные корпуса, возведенные прежде, оказались новичку не по росту, да и попросту их было мало, службы ютились в тесноте, жилье не делили: нечего было делить,— а насчет всяких городских благ мечтали лишь те, кто надолго запасся оптимизмом. Мечтать не мечтали, а просто строили новый завод, монтировали оборудование, комплектовали базу и одновременно конструировали новую машину.

Трудно сказать, что давалось мучительнее всего. Но вряд ли кто оспорит, что наибольшее количество неизвестных содержала задача, которую решали конструкторы. Ведь до тех пор большегрузных автомобилей страна не производила, «мазовские» и «зиловские» самосвалы в качестве прототипов не годились. Нужна была оригинальная машина, оригинальная от решетки радиатора до формы кузова, от оборудования кабины до принципа подвески.

Когда главный конструктор БЕЛАЗа Заля Львович Сироткин вспоминает ту пору, он обычно повторяет:

— Заводу повезло с конструкторами.

Костяк конструкторского бюро,

75-тонный «БЕЛАЗ». Пока самый младший в «семье».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 23 (2188)

7 ИЮНЯ 1969

Ударник коммунистического труда сверловщик Николай Кучер.

Конструкторы гигантов, лауреаты Государственной премии (слева направо): Э. И. Иванов, Г. И. Терновский, З. Л. Сироткин, А. В. Зотов, Л. И. Добрых.

надежный и перспективный, образовался сразу. Со временем он оброс выпускниками институтов. Работали самоотверженно, не считались с тем, что приходилось занимать очередь у кульманов, «сидеть на диете» — в смысле технической информации, обходиться маломощной экспериментальной базой... И дело двигалось. На листах ватмана постепенно вырисовывались контуры, узлы, детали новой машины.

...В 1961 году появился «БЕЛАЗ-540» — 27-тонный самосвал, сконструированный от первой до последней детали белазовскими конструкторами. Их решения отличались новизной: применили пневмогидравлическую подвеску, обеспечивающую плавность хода и облегчающую работу водителя; гидравлику в системе рулевого управления; обогрев кузова...

«Пятьсотсороковой» хорошо выдержал все испытания, завоевал золотые медали на международных ярмарках в Пловдиве и Лейпциге. Он сразу заинтересовал многих, нашлись купцы в Англии, Канаде, Федеративной Республике Германии, Италии...

В канун пятидесятилетия Советской власти появился 40-тонный самосвал «БЕЛАЗ-548-А» (тоже золотые медали на международных ярмарках и тоже интерес на мировом рынке). А его уже догоняли «БЕЛАЗ-540-В» — 45-тонник с прицепом, автопоезд «БЕЛАЗ-548-В» на 65 тонн, дизель-троллейвоз... И вот в конце прошлого года 75-тонный автомобиль, самый младший — пока! — в семействе. В прошлом году группе ведущих специалистов завода присудили Государственную премию.

...Демобилизованный танкист Сидорович определился на Минский автозавод слесарем. Поступил в вечернюю школу, вырос до контролера ОТК; в Жодино приехал начальником цеха, учился заочно в политехническом институте; выдвинули начальником отдела технического контроля завода, а вскоре доверили пост директора предприятия. И не просчитались. Из Ивана Романовича Сидоровича вышел замечательный директор, умеющий четко отладить сложный производственный механизм, руководитель с талантом организатора, с завидной зоркостью впередсмотрящего...

Я уже упоминал о главном конструкторе Сироткине. Вот еще его слова:

— К нам тянутся конструкторы, которых процесс творчества захватил своей счастливой и беспощадной непрерывностью. На нашем заводе иначе нельзя. Таковы Анатолий Васильевич Зотов, и Генрих Иванович Терновский, и Эраст Иванович Иванов, и Леонид Иванович Добрых.

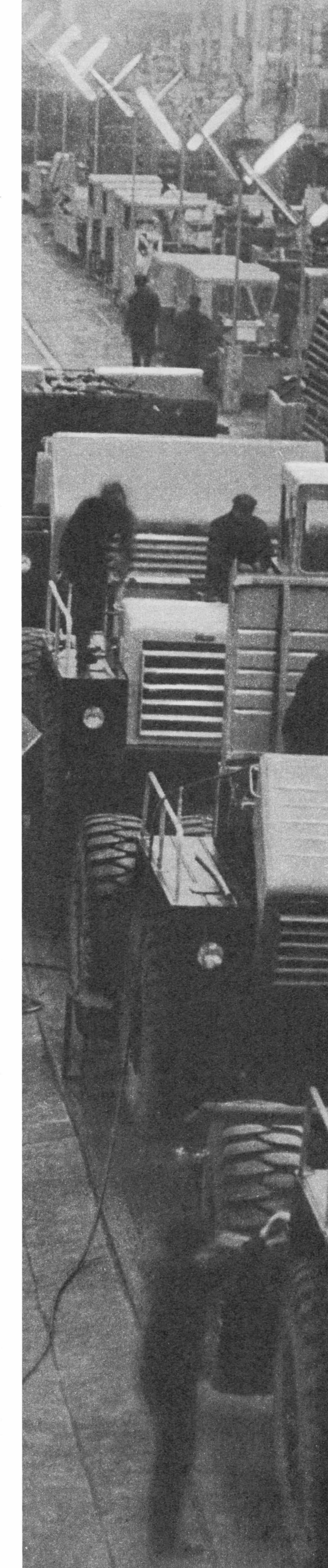
И сам Сироткин такой же — неугомонный, ищущий человек.

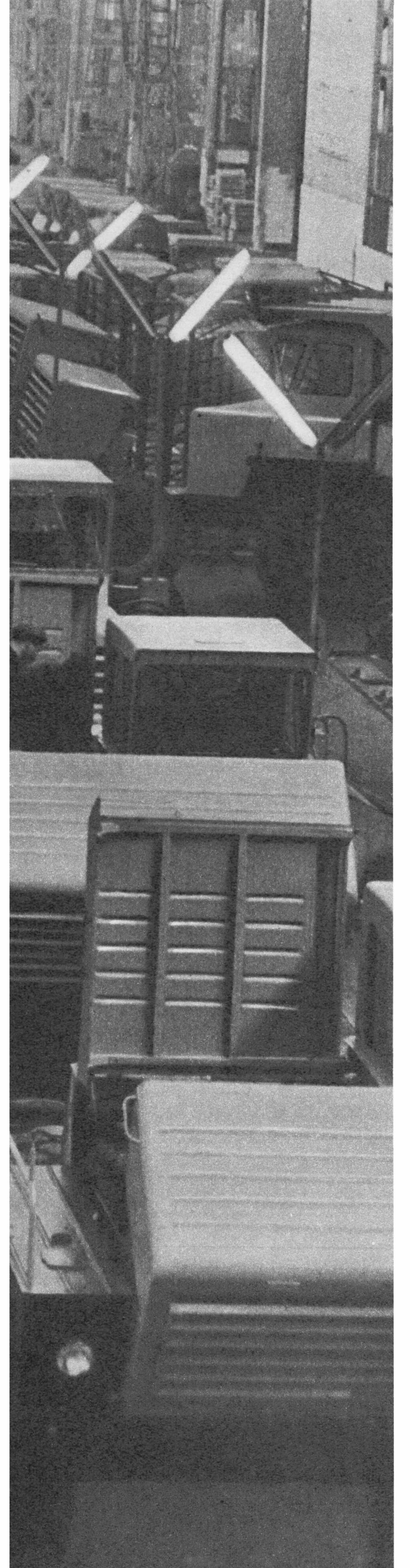
...Виталий Лукьяненко тоже с Минского автозавода. Совсем молодой. Начинал мастером, на БЕЛАЗе стал заместителем главного технолога, потом главным технологом, а сейчас заместитель главного инженера. Его стихия — технологическое осмысливание созданного конструкторами. Ведь после них, конструкторов, сказавших ЧТО, технолог первый должен сказать КАК. А КАК надо найти. И искать без конца, потому что конструкторы без конца «подбрасывают» новые варианты, новые узлы, новые решения... КАК — это и расстановка станков, и подготовка оснастки, и разработка прогрессивных технологических приемов. Трудоемко, хлопотно. Однако в цехах знают: если взялся Лукьяненко, можно не сомневаться: найдет, как говорят производственники, оптимальный вариант.

Отвечать за весь завод каждому, а всем вместе за поставку стране большегрузных машин — так настроены в Жодине. Следующая страница заводской летописи — 120-тонная машина. День рождения «малыша» не за горами.

А завод растет. За чертой предприятия вот-вот во всю ширь размахнутся новостройки. В Жодине закладываются еще два завода — гидротрансмиссий и крупных поковок. Много проблем и на самом БЕЛАЗе. Одна из самых острых — экспериментальная база. Для такого предприятия нынешняя база — как колесо от полуторки к жодинскому самосвалу. Пора, наверное, подумать и о специальном институте тяжелых машин.

...Тяжеловозы очень нужны стране. БЕЛАЗ принимает заказы.

РАЗУМ И СИЛА НАРОДОВ

Викентий МАТВЕЕВ

Закаленные в горниле борьбы за жизненные интересы трудящихся масс коммунисты собрались в Москве на международное Совещание для обстоятельного разговора о том, как успешнее, эффективнее отстаивать эти интересы в свете задач настоящего и будущего. Созидание, движение вперед — девиз этой исторической и весьма своевременной встречи.

Как никогда раньше, обнажились, заострились социальные противоречия в богатейшей стране капитализма — США. Все настойчивее отвергают систему эксплуатации, классового неравенства трудящиеся массы в других капиталистических странах. И мы видим, как старый мир изощряется в отчаянных попытках затормозить поступь истории.

Единство, сплоченность нужны трудящимся не как самоцель, а как обязательное действенное средство в борьбе за лучшее будущее. «Опыт прошлого показал, что пренебрежительное отношение к братскому союзу, который должен существовать между рабочими разных стран и побуждать их в своей борьбе за освобождение крепко стоять друг за друга, карается общим поражением их разрозненных усилий». Так писал Карл Маркс в Учредительном манифесте Международного Товарищества Рабочих в октябре 1864 года.

К опыту, какой имел в виду К. Маркс, ныне прибавился опыт целого столетия — и какого! Парижская коммуна, социалистическая революция в России, разгром гитлеровского фашизма во второй мировой войне, создание Германской Демократической Республики, социалистические революции в ряде других стран и рождение социалистического содружества, крушение колониальных империй... Земной шар обновился, помолодел за истекшие сто лет, но единение, братство людей труда сегодня не менее, а еще более настоятельная задача. Теперь коммунисты стали руководящей силой целого ряда государств на большой части нашей планеты. Возникли межгосударственные отношения невиданного в истории типа. От того, как они развиваются, во многом зависит ход мировой истории, будущее человечества.

О ближайшем и более отдаленном будущем думают, конечно, и владыки старого мира — мира наживы, капитала, эксплуатации, насилия. Было бы наивным полагать, будто они осознали свою историческую неуместность, обреченность и готовы сдать позиции. Вот как, например, рассматривается грядущее в обширном докладе-исследовании «Мировой рынок в 1985 году и планы корпораций», подготовленном в США по заказу капиталистических фирм. Происходящую в мире научно-техническую революцию крупный бизнес стремится использовать в своих интересах. В докладе говорится, что совершенствование электронно-вычислительных машин позволит перейти к созданию международных капиталистических корпораций с операциями на «150 или более национальных рынках». Указывается, что «вычислительные машины — предвестники интернационализма и в другом отношении: чтобы оставаться конкурентоспособным, производство вычислительных машин само должно носить международный характер».

Бизнесмены заговорили об «интернационализме»! Не удивительно ли? Не очень, если учесть, что в их понимании «интернационализм» — это деньги и еще раз деньги, а деньги для них не пахнут. В докладе прямо говорится, что «последствия «технологического взрыва» для бизнеса разные, но... предприятиями и впредь будут управлять предприниматели, обладающие инстинктом к извлечению прибыли...»

Когда во имя выколачивания барышей составители доклада пишут о перспективах использования ядерной энергии, о разработке ионных двигателей, создании электромобилей, коммуникационных спутников Земли, синтетическом мясе и молоке, электронных роботах и тому подобном, то «технический прогресс» становится как бы слугой тугого кошелька. Горбатого могила исправит. Ничего иного от капитализма ожидать не приходится, и если бы некоторые его представители не были одержимы навязчивой идеей слепить весь мир по своему образу и подобию, то историческому состязанию между социализмом и капитализмом не мешала бы угроза разрушительного военного конфликта.

В том же докладе утверждается, что стабильность в мире должна обеспечиваться «благодаря посылке Соединенными Штатами всюду своих войск, подобно тому, как когда-то Древний Рим рассылал во все страны свои легионы».

Ради звона чистогана его жрецы готовы потрясать земной шар разрывами бомб. Наша эпоха, однако, не Древний Рим. Достаточно было Нельсону Рокфеллеру в эти дни ступить на латиноамериканскую почву, как по всему континенту прокатилась волна антиамериканских выступлений. Миллиардер в роли невольного стимулятора антиимпериалистических манифестаций! Над этим стоит задуматься тем, кто ищет опору в бронированном кулаке. Это относится вообще к любителям применения силы для навязывания угодных им решений.

Обновляясь, омолаживаясь, человечество становится мудрее, опытнее, быстрее выводит на чистую воду реакционеров, политических банкротов, авантюристов и шарлатанов, которые хотели бы увлечь за собой массы. Не выйдет! Мраку противопоставляется яркий свет. Невежеству — знание. Лжи — правда. Самовластию тех, кто вообразил себя «центром вселенной», — разум, сила народов.

АССАМБЛЕЯ МОЛОДОГО БАЛЕТА

В новом театральном сезоне на афишах музыкальных театров рядом с иными, нам сейчас, может быть, даже еще и неизвестными фамилиями молодых премьеров балета появится новый титул: «Лауреат Первого международного конкурса артистов балета в Москве».

Кто это будет? Возможно, Анна-Мария Дибдал Нельсен, восемнадцатилетняя балерина из Дании. Или почти столь же юная — ей девятнадцать лет — француженка Нелли Фейе, которой долго пришлось бороться с сопротивлением родителей, прежде чем она пришла на сцену... А может быть, среди победителей будет представительница старшего поколения конкурсантов — Наталия Бессмертнова, талантливая, вполне сложившаяся балерина, вот уже восемь лет танцующая ведущие партии на сцене Большого театра и завоевавшая в 1965 году вместе со своим партнером Михаилом Лавровским золотую медаль на балетном конкурсе в Варне...

Оставаться в неведении нам придется теперь уже совсем недолго: конкурс откроется в Москве, в Большом театре, 11 июня, а выявит своих победителей 23 июня, после последнего, третьего тура.

Эти двенадцать дней станут напряженной порой и для тех, кто будет оценивать талант молодых исполнителей, их степень профессиональной подготовки. В составе жюри много известных мастеров балета: достаточно назвать народную артистку СССР Г. Уланову, чье имя стало эталоном совершенства в искусстве танца. Рядом с ней — Иветт Шовире, прима-балерина парижской Гранд Опера, мастерству и изяществу которой не раз рукоплескала московская публика; народные артисты СССР, прекрасные танцовщики в прошлом, ныне ведущие советские балетмейстеры — В. Чабукиани и К. Сергеев, композитор А. Хачатурян... Вот на таком высоком уровне будет дана оценка искусству молодых.

В программу конкурса не случайно включено обязательное исполнение участниками не только классических па-де-де (для дуэтов) и вариаций (для солистов), но и произведений современной хореографии: это даст возможность и балетмейстерам и артистам проследить тенденции развития современного балета, проанализировать и сопоставить их.

География конкурса широка: молодые исполнители приедут из Польши и ОАР, Румынии и Японии, ГДР и Аргентины и других стран. Кстати сказать, многие танцовщики обучались у себя на родине под руководством советских педагогов — Л. Черкасовой, Е. Дмитраш, Г. Кузнецовой...

Цели, которые ставит перед собой Первый международный конкурс артистов балета в Москве, прекрасно определила в своем приветствии участникам конкурса председатель жюри Галина Сергеевна Уланова.

— Первый международный конкурс по классическому танцу,— считает она,— это — развитие культурно-художественных контактов, это — развитие творческого взаимопонимания, это, наконец, развитие большой человеческой дружбы на благотворной почве искусства.

О. САХАРОВА

Действительность и сионистские мифы

ДВА ГОДА НАЗАД — 5 ИЮНЯ 1967 ГОДА ИЗРАИЛЬ СОВЕРШИЛ ПОЗОРНУЮ АГРЕССИЮ ПРОТИВ АРАБСКИХ СТРАН. ПРОПАГАНДИСТСКАЯ МАШИНА ЗАПАДА СТРЕМИТСЯ ПРЕДСТАВИТЬ ИЗРАИЛЬ «ЗЕМЛЕЙ ОБЕТОВАННОЙ». КАКОВ ЖЕ ИЗРАИЛЬ НА САМОМ ДЕЛЕ?

Юрий СЕРГЕЕВ

Один из героев Шолом Алейхема, касриловский раввин Иозеф, увидев впервые акцию еврейского колониального треста, попробовал ее на ощупь и неожиданно произнес: «Я затосковал по родине...»

Это было давно, примерно в то же время, когда из Баку, Москвы, Питера, Вены, Варшавы, Берлина и других городов шли в Лондон, где обосновался сионистский колониальный фонд, депеши еврейских магнатов с просьбой прикупить в Палестине земли, которую закладывали и продавали промотавшиеся в парижских кафешантанах арабские феодалы...

Откровенно колониальная политика сионистских дельцов, совпадавшая с британским курсом на укрепление зоны Суэцкого канала заселением ее инородцами, нуждалась в ширме, которой могла стать либо легенда, либо ложь. Чтобы оправдать планомерное и насильственное вытеснение арабских феллахов с их исконных земель, сионизм использовал обе возможности: источником легенд стала библия, источником лжи — фантазия сионистских теоретиков.

Задолго до создания государства Израиль сионистский лидер Бен Гурион заявлял, выступая перед британской законодательной комиссией по Палестине: «Для государства Израиль законом будет Тора[1]!» И в самом деле, именно библией прикрываются ныне любые беззакония израильских властей, в то время как для неверующих пускаются в ход разного рода лжетеории.

«Фальшивым демократическим или либеральным принципом,— писал, например, английский «теоретик» просионист Сайдботам,— является положение, утверждающее, что коль скоро данная нация занимает ту или иную территорию, то эта территория принадлежит ей на все времена... Возможно занимать ту или иную территорию,— проповедовал он в трактате «Британские имперские интересы в Палестине»,— лишь тогда, когда нахождение на ней той или иной нации приносит пользу всему миру в целом, в противном случае нация теряет моральное или политическое оправдание своего пребывания там, где она находится».

Израильские сионисты по сей день силятся доказать, что у арабов нет «морального и политического права» на территорию от Нила до Евфрата, которую бог подарил (!) Аврааму. И если с каждым очередным нападением на арабский мир они довольствуются разговорами о «ныне существующих безопасных границах», то в основе основ их ближневосточного курса, как свидетельствует опыт последних двадцати с лишним лет, был и остается «Большой Израиль». (Подчеркнем, что речь идет о политическом курсе бенгурионов, бегинов, даянов и прочих сионистских лидеров.)

Во имя чьих интересов, позволительно спросить, проводится эта безрассудная, ведущая к катастрофе политика? Во имя «детей» Израиля, читаем мы в памятной записке, принятой не так давно «международной» конференцией по репатриации русских (!) евреев. «Мы,— драматически восклицают авторы этого беззастенчиво лживого документа,— свидетели кульминационной точки той человеческой трагедии, которая началась две тысячи лет тому назад... Круг еврейской истории замыкается. Еврейское государство восстановлено. Оно созывает к себе своих детей».

Авторы документа признают, что «судьба не дала (им) знать, когда на зов Сиона откликнутся еврейские общины на Западе». Однако одно обстоятельство известно им с «предельной точностью»: «после войны 1967 года воля к переселению в Израиль охватила русских евреев... Это единственная тема, которую русские евреи готовы серьезно обсуждать. Все другие вопросы отодвинулись на задний план» (!).

Эти неуклюжие маневры сионистской пропаганды, рассчитанные (по самой либеральной оценке) на психологию дошкольников, призваны хоть как-нибудь отвлечь внимание мировой общественности от авантюр, во имя которых израильские правящие круги приносят в жертву и жизненные интересы и жизни простых израильтян.

Зазывая евреев — граждан различных государств — в «страну библии», сионистские лидеры надеются, что в силу обстоятельств эти люди будут вынуждены служить их целям. Насколько эти цели далеки от забот о рядовых израильтянах, забот, столь широко рекламируемых в проспектах для иммигрантов, свидетельствуют факты. О нынешнем действительно тяжком положении трудящихся в Израиле говорит хотя бы одна цифра — 50 тысяч безработных. Если учесть, что в стране насчитывается всего 620 тысяч человек, живущих на заработную плату, то, думается, комментировать приведенные данные излишне.

По сравнению с 1967 годом, по израильским данным, в стране увеличилось число курильщиков опиума. Лишь в 1968 году в Израиле у разного рода владельцев было изъято тысяча сто шестьдесят пять килограммов этого сильнодействующего наркотика. Видимо, не стоит доказывать, что растущая наркомания отнюдь не является признаком процветания страны и уверенности ее населения в завтрашнем дне.

[1] Тора — древнееврейское название первых пяти книг библии.

Идет пресс-конференция.

Фото М. Сорокина.

В прошлом году (по сравнению с 1967 годом) проституция в Израиле возросла на 21,1 процента. В 1968 году зарегистрировано 22 245 случаев взлома квартир и домов, а также 21 669 случаев «других форм ограбления». Число убийств в том же году возросло по сравнению с предыдущим годом на 55 процентов. По сведениям самых различных, в том числе и израильских источников, в «стране обетованной» растет преступность среди молодежи. В 1968 году более трети всех преступлений (включая убийства, грабежи и прочее) было совершено подростками.

Тенденция к разрастанию социальных язв израильского капиталистического общества усиливается в обстановке все большей и большей зависимости страны от американского капитала.

80 процентов иностранной задолженности Израиля приходится на американское правительство, американские учреждения или организации, в которых американцы принимают участие: торговля с США ведется на кабальных условиях, о чем свидетельствует рост внешнеторгового дефицита Израиля за последние годы на 40 процентов; более 50 процентов частного иностранного капитала, инвестированного в Израиле, приходится на американский капитал.

Наряду с США в Израиле укрепляет свои экономические позиции и Западная Германия. Во внешней торговле страны ФРГ занимает ныне второе место и превращается в главного поставщика оборудования и металла.

Политика агрессии и аннексий привела к тому, что военные расходы по бюджету на 1969/70 год, согласно официальным данным, составляют 3,1 миллиарда израильских фунтов, тогда как в 1967/68 финансовом году они равнялись 1,8 миллиарда. Расходы на военные цели, которые составляли 9 процентов валового национального продукта в 1965 году, увеличились до 20 процентов в 1969/70 году. По бюджету на следующий финансовый год на выплату государственной задолженности и процентов выделяется 1,3 миллиарда израильских фунтов. В конце 1968 года государственная задолженность страны равнялась 10 миллиардам израильских фунтов, то есть около 3 700 фунтов на душу населения, в то время как еще в 1967 году на человека приходилось 2 тысячи фунтов.

«Бремя военных расходов и государственной задолженности в конечном счете,— подчеркивал недавно в своей статье в журнале «Проблемы мира и социализма» товарищ Меир Вильнер,— возлагается на рабочий класс и народные массы в виде налогов, принудительных платежей и ведет к инфляции, которая наносит жестокий удар по жизненному уровню израильских трудящихся».

Выходит, что голубы лишь библейские дали. Куда более прозаична жестокая действительность капиталистического Израиля.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ «ЯВУ»?

Корреспондент «Огонька» А. Игнатов взял интервью у представителя чехословацкой внешнеторговой организации «Мотоков» товарища Франтишека Кропачека. Вот что он рассказал.

— Этим летом мы устраиваем в Советском Союзе очередную выставку средств транспорта и сельскохозяйственных машин. Такие выставки уже состоялись в Латвии и Литве, на сей раз мы организуем ее в Таллине во второй половине июля. Осенью нынешнего года мы предполагаем также показать свои машины в Кишиневе. С чем ознакомит на этот раз «Мотоков» советских людей? Разнообразные тракторы, грузовики, вся гамма наших мотоциклов, столь популярных в СССР. Мы устроим также премьеру новому чехословацкому городскому автобусу с автоматической коробкой передач. Я уже побывал на месте, где будет проходить выставка,— на территории Выставки достижений, недалеко от центра города. Я и мои товарищи видели и устраивали выставки во многих странах мира — от Нью-Йорка до Токио и от Каира до Мельбурна. Но ни разу в жизни я не был в таком восхищении от места, предложенного нам эстонскими друзьями. Представьте себе большой современных форм павильон, весь в цветах, на самом берегу моря. Рядом сосны и песчаный пляж. Это «королевские» апартаменты для наших «Яв» и «Чезет».

Кстати, в этом году исполняется сорок лет заводам, выпускающим «Яву», и словацкому заводу мотоциклов «Поважские строярны», а также пятьдесят лет предприятиям «Чезет». Представители предприятий обратились к нам с просьбой отпраздновать эти юбилеи в Советском Союзе в целях дальнейшего упрочения дружбы наших народов.

С помощью советского радио и телевидения мы решили провести в вашей стране во время традиционного месячника чехословацко-советской дружбы в ноябре телевикторину «Знаете ли вы «Яву»?».

Уже сейчас мы объявляем два конкурса — на самую лучшую песню о «Яве» и на самую лучшую фотографию «Явы». Мы знаем, что советские люди очень любят песни и увлекаются фотографией. Так что «Мотоков» рассчитывает на самое широкое участие не только любителей мотоспорта. Победителей конкурсов ждут мотоцикл «Ява», электрогитара, фотоаппарат, чехословацкий хрусталь и другие ценные призы. Они будут вручены во время проведения телевикторины.

У «Мотокова» есть еще одна идея, благоприятно встреченная руководителями ДОСААФ: провести в Крыму встречу советских и чехословацких владельцев «Явы» и «Шкоды». Устроить для них соревнования, туристские поездки... Но это — дело будущего. А пока мы желаем доброго пути всем советским авто- и мотолюбителям, которым близки наши «Явы», «Чезеты», «Шкоды» и «Татры».

Машина из могущественного семейства «Татр». Его представители отлично зарекомендовали себя от Крайнего Севера и Дальнего Востока до Средней Азии и памирских круч.

КРЫЛАТЫЙ ПАРАД В ЛЕ БУРЖЕ

В парижском аэропорту Ле Бурже открылся двадцать восьмой Международный салон авиации и космонавтики. Корреспондент «Огонька» А. Голиков связался по телефону с генеральным представителем Аэрофлота во Франции Г. А. Усачевым. Георгий Андреевич рассказал:

— Сейчас здесь, в Ле Бурже, происходит настоящий крылатый парад: крупнейшие авиационные фирмы мира демонстрируют свою лучшую продукцию. Между ними идет своеобразное соревнование: чьи самолеты больше понравятся посетителям, какая фирма заключит больше торговых сделок.

Наша отечественная авиационная техника вызывает у парижан, пожалуй, наибольший интерес. Вчера, в понедельник, в ясную солнечную погоду, посетителей было много, но и сегодня, когда нет-нет да и брызнет дождик, посетителей не меньше. Внимательно осматривают воздушный лайнер «ТУ-154» конструкции А. Н. Туполева, сравнивают его с «боингами», «дугласами». А ильюшинский гигант «ИЛ-62» встречают, как старого знакомого. В прошлом туристском сезоне французская авиакомпания Эр-Франс арендовала несколько таких машин у Аэрофлота для полетов по линии Париж — Москва.

Интересуются парижане и нашими новинками. Быстро, например, приобретает популярность 14-местный самолет «БЕ-30» — воздушное такси. Его находят весьма элегантным и комфортабельным. Небольшой по размерам, с малой посадочной скоростью, он в то же время обладает всеми качествами современного воздушного лайнера и очень удобен на коротких линиях внутри стран. Обращает на себя внимание посетителей новая работа конструкторского бюро Н. И. Камова — вертолет-геолог «КА-26».

Очень много народа в нашем космическом разделе. Пальму первенства держит сделанный в натуральную величину макет автоматической станции «Венера-4», той самой станции, которая совершила мягкую посадку на планету загадок. Осматривая ее, посетители задают много вопросов о новых советских научных станциях, совершивших недавно посадку на Венеру, интересуются, чем они отличаются от экспоната салона и каковы первые результаты выдающихся космических экспериментов.

В книге отзывов появилось много восторженных записей о советской авиационной технике. Здесь добрые слова в адрес приглянувшегося французам самолета «ИЛ-62». «Отличный корабль! Браво! Оборудование самолета самое современное! Спасибо, что дали возможность ознакомиться с русской авиационной техникой!»

Группа английских, американских и французских самолетостроителей, внимательно осмотрев самолет «ТУ-154», записала: «Это чудесная машина. Уверены, что ее ожидает большое будущее. Просим передать сердечный привет ее создателю Туполеву».

Посетители оставили хвалебные записи о самолете «ЯК-40», вертолете «МИ-8» и о других советских машинах.

Все то, о чем я только что рассказал, происходит на летном поле. А тем временем в кабинетах уже идут переговоры. Представители различных авиакомпаний интересуются условиями приобретения советской авиационной техники и ее эксплуатации. Министр авиационной промышленности СССР Петр Васильевич Дементьев и заместитель министра гражданской авиации СССР Михаил Маркелович Кулик проводят с деловыми людьми пресс-конференции, отвечают на их разнообразные вопросы. Разговор ведется на деловой основе: стоимость, экономичность, надежность, комфорт. Период заключения деловых сделок еще впереди.

ЖУРНАЛУ «ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ» — ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ

После VIII съезда РКП(б), состоявшегося в марте 1919 года, Центральный Комитет наладил еженедельное издание «Известий ЦК», посвященное целиком партийной жизни и распространявшееся вместе с газетой «Правда». Это издание и было началом журнала ЦК ВКП(б), с 1946 года выходящего под названием «Партийная жизнь».

Активным помощником партии был журнал в первые годы становления Советской власти. На его страницах публиковались статьи и выступления Владимира Ильича Ленина и написанные им партийные документы, журнал разрабатывал актуальные вопросы партийного строительства, обобщал и пропагандировал опыт организационной и политической работы партийных организаций, партийного руководства хозяйственным и культурным строительством.

На протяжении всех лет своего существования журнал «Партийная жизнь» главное внимание уделяет всестороннему раскрытию руководящей роли Коммунистической партии в борьбе за формирование коммунистических общественных отношений, воспитание человека коммунистического общества, широко и разносторонне показывает организаторскую и идеологическую работу партийных организаций.

«Организационно-партийная работа», «Руководство хозяйством», «Идеологическая работа», «Трибуна секретаря первичной и цеховой парторганизаций», «Раздумья, предложения, сигналы» — в материалах под этими рубриками читатели находят ответы на многие интересующие их вопросы.

Судя по письмам, читатели проявляют большой интерес к деятельности братских коммунистических и рабочих партий. Чтобы удовлетворить эти запросы, журнал систематически освещает жизнь коммунистических и рабочих партий как социалистических, так и капиталистических стран. На страницах «Партийной жизни», в разделе «Из жизни коммунистических и рабочих партий», рассказывается об опыте революционной борьбы и строительстве социализма в братских странах, о том, как марксистско-ленинские партии борются против империализма, оппортунизма, за единство международного коммунистического движения, за утверждение ленинских принципов пролетарского интернационализма.

В дни подготовки к знаменательному юбилею — 100-летию со дня рождения В. И. Ленина — «Партийная жизнь» из номера в номер помещает материалы, посвященные этой знаменательной дате. В журнале печатается цикл статей «Ленинские принципы партийного строительства», на его страницах выступают старейшие коммунисты, рабочие и ученые, воины и строители, Герои Социалистического Труда, которые делятся своим опытом с более молодыми товарищами по партии, своими мыслями о высоком долге каждого коммуниста — быть активным борцом партии, идейно убежденным и стойким в борьбе за коммунистические идеалы, за претворение в жизнь политики партии. Все эти публикации содействуют дальнейшему совершенствованию организационно-партийной и идейно-воспитательной работы партийных организаций, повышению творческой активности трудящихся.

«Партийная жизнь» выражает коллективный опыт партии, является важным средством партийной информации, трибуной партийного актива и широких масс коммунистов.

Тираж журнала постоянно растет. За последние четыре года он увеличился в полтора раза и составляет сейчас свыше 930 тысяч экземпляров. Широк круг его читателей: это коммунисты, кадровые работники партии, партийный, профсоюзный и комсомольский актив, деятели науки и культуры, преподаватели.

Редакция журнала «Партийная жизнь», отмечающая нынче свой пятидесятилетний юбилей, надеется и в будущем, опираясь на широкий круг авторов, всесторонне освещать проблемы партийного строительства, нести в массы идеи марксизма-ленинизма, настойчиво бороться за торжество великих идей Ленина.

Г. МЕСНЯНКИНА

ВДОХНОВЕННЫЙ ПЕВЕЦ НАРОДА

К 70-летию со дня рождения Джафара Джабарлы

Джафар Джабарлы. С картины С. Шарифа-заде и Н. Исмаилова

В ряде имен, составляющих гордость азербайджанской литературы, таких, как Низами, Физули, Вагиф, Сабир, Мамедкули-заде, имя Джафара Джабарлы окружено особенной признательностью. И этому есть немало причин.

Джабарлы — основоположник азербайджанской советской литературы.

Джабарлы — мастер, поднявший азербайджанскую советскую драматургию на недосягаемую по сей день высоту.

Джабарлы — вдохновенный певец нового, социалистического строя, реалист, отобразивший время, романтик, влюбленный в свой век, лирик, сумевший выразить в своих произведениях красоту души, цельность натуры, величие дел и помыслов современника.

Поразительно интенсивную и плодотворную творческую жизнь прожил Джафар Джабарлы. Высшим благом считал писатель труд во имя народа, во славу родной литературы. Сколько успел писатель, творя и в поэзии, и в прозе, и в драматургии, и как переводчик, и как сценарист!.. Вспомним: в 16 лет, в 1915 году, первые стихи и пьесы, обратившие на себя внимание общественности; далее, в 1919—1922 годах, создаются пьесы «Айдын» и «Октай Эль-оглу», воспевающие братство и человечность, осуждающие мир капитала, покупающий и продающий чувства и красоту; затем — рассказы, поэма «Девичья башня», трагедия «Невеста огня» о борьбе азербайджанского народа против иноземных захватчиков, пьесы «Севиль» (1928), «Алмас» (1930), «В 1905 году» (1931), «Яшар» (1932), «Поворот» (1933), обозначившие рождение азербайджанской советской драматургии.

Джабарлы живет в нашем сознании в нераздельном единстве со своими героями. Мы не представляем их характерами, придуманными драматургом, а воспринимаем как реальных людей, оставшихся для нас, как и облик самого писателя, вечно молодыми, потому что их возраст исчисляется непривычными для смертных мерками времени. И, как реальным людям, Джабарлы давал героям имена, часто придумывая их сам, но придумывал так естественно, что имена сразу обретали права гражданства, брались на вооружение родителями, и те давали своим детям и дают сейчас имена Севиль, Алмас, Яшар. Впечатляющая сила героев Джабарлы была столь велика, что имена стали нарицательными и широко используются не только в литературоведении, но и в быту. Когда говорят о человеке, непримиримом к угнетению и несправедливости, бунтующем и ниспровергающем зло, вспоминают Айдына. Когда, как рассказывают очевидцы, в конце двадцатых и начале тридцатых годов на сцене азербайджанского театра появлялась Севиль, сбрасывающая с головы чадру, символ старого мира, ее примеру, носившему в те годы революционный характер, следовали тут же, по окончании спектакля, многие и многие женщины — они приходили в чадрах и под впечатлением образа, под влиянием реализма характера уходили домой без чадры. Бывало, за такую неслыханную «дерзость» женщина изгонялась из дому; бывало, фанатики из-за угла подслеживали «возмутительницу» устоев и расправлялись с нею... Севиль обрела вторую жизнь в опере, третью — в кино, но главное, она живет в новой женщине-азербайджанке.

Принципиально новым словом в азербайджанской литературе была и остается пьеса Джабарлы «В 1905 году». События первой российской революции дали автору возможность в остроконфликтном произведении рассказать о жизни закавказских народов, их борьбе совместно с русским народом против царизма и помещиков, о корнях и истоках дружбы наших народов, в частности азербайджанского и армянского.

Джафара Джабарлы всю его недолгую жизнь волновала проблема положительной личности в литературе. Практикой он стремился показать такого героя, который бы, выхваченный из гущи жизни, близкий и понятный всем, выражал вместе с тем наступательные черты характера нового человека, своим рождением производил бы переворот в умах и душах, влиял на общество, открывал новую страницу в литературе. За несколько месяцев до смерти, наступившей 31 декабря 1934 года, Джафар Джабарлы произнес на Первом всесоюзном съезде писателей речь, чрезвычайно актуальную и сегодня. Джабарлы отмечал, что «произведение, которое рассчитано только на сознание, а не на чувства одновременно,— это не искусство»; говорил о решающей роли в процессе восприятия действительности мировоззрения писателя — «любит ли он нашу стройку, наш новый мир, радуется ли он каждому его успеху, горюет ли он при каждой временной неудаче, захватывает ли его движение наших социалистических гигантов...»

«Севиль» означает «будь любимой» — родина Джабарлы любима сынами и дочерьми ее. «Алмас» означает «крепкая» — родина Джабарлы, и «малая», Азербайджан, и «большая», вся страна, крепка и нерушима; «Яшар» означает «будет жить» — родина, герои, сам Джабарлы будут жить — жить долго, пока живет народ, давший миру своего вдохновенного певца Джафара Джабарлы.

Ч. ГУСЕЙНОВ

8 июня — ДЕНЬ РАБОТНИКОВ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

САЛЮТ „САЛЮТУ"!

Марк БАРИНОВ

Фото К. КАСПИЕВА.

На московской швейной фабрике «Салют» новости. Целый каскад новостей, которые волнуют, тревожат, радуют рабочих, руководителей, радуют и нас с вами, читатели.

Все началось апрельским днем 1966 года, когда фабрика перешла на новую систему планирования и материального стимулирования производства.

— Прошло три года, каковы же результаты? — спрашиваю я у директора фабрики Владимира Андреевича Родионова.

— Результаты ошеломляют нас самих! — отвечает директор.

Вот послушайте...

...Пробираясь сквозь джунгли показателей, процентов, сложных экономических терминов, постепенно начинаешь понимать, почему за несколько дней до этой встречи в ГУМе, в магазине «Москва», в ЦУМе, в Даниловском универмаге и других крупных магазинах столицы так часто слышался один и тот же вопрос: «Что есть в продаже из продукции фабрики «Салют»?»

Что может предложить фабрика? Выбор большой: драповые зимние пальто с норковыми и песцовыми воротниками, легкие демисезонные пальто из дублированной синтетической ткани, пальто из ткани джерси, пальто из синтетической кожи... Самые дорогие изделия — 170—180 рублей, самые дешевые — 30—40. На всех этих пальто стоит марка фабрики «Салют», а на некоторых, самых лучших, в последнее время появился похожий на звезду «Знак качества» — знак модели, стоящей на уровне мировых стандартов. Словом, салют «Салюту»!

Что же нужно сделать для того, чтобы хороших пальто выпускалось больше?

Два-три раза в году на фабрику собираются гости. Впрочем, не гости, а будущие хозяева продукции. Красивые девушки, манекенщицы фабрики, демонстрируют новые модели своего производства. А в зале идут деловые разговоры, заключаются сделки, составляются заявки на партии зимних, демисезонных пальто, плащей, курток. Это называется «расписание». После «расписания» каждый магазин (а их фабрика имеет около сорока, не считая мелких точек) знает, что, когда и в каком количестве получит от производства.

Потом на фабрике корректируется план производства швейных изделий. И никаких промежуточных баз, никакого вала, никакого «чоха»!

Каждую пятницу большая группа конструкторов и художников, экономистов и плановиков «Салюта» на фабрику не приходит. Отправляются в магазины. Так заведено. Здесь, в торговых залах, они встречаются уже не с руководителями торговли, а с продавцами и покупателями. Здесь тон разговора совсем иной — жаркие споры и оживленные беседы. Записываются пожелания, на ходу даются практические советы. А примерно раз в месяц то в одном, то в другом крупном магазине встречи проводятся «на высшем уровне». В демонстрационных залах покупатели рассматривают новейшие модели, к изготовлению которых приступает «Салют», видят и те модели, которые можно тут же купить, товароведы проводят короткие беседы о главных направлениях современной моды. Это конференции покупателей. Все это вместе называется прямыми связями промышленности с торговлей.

А результат?

Несколько лет назад немало говорили и писали о затоваренности наших магазинов некоторыми видами промтоваров. Сегодня продукцию «Салюта» берут «с колес». 667 тысяч пальто сшито в 1966 году, 689 тысяч — в 1967-м, 810 700 — в 1968 году, 840 200 будет сшито в нынешнем. Беспрерывно обновляется мода, покрой, расцветка тканей. В поиске художники, конструкторы, экспериментальный цех фабрики. 150 новых моделей выпустила фабрика в 1967 году. Вдумайтесь: 150 разных видов женских пальто. А в 1968-м 85 процентов моделей обновилось! «Салют» выпускает партии от 2 тысяч до 7 тысяч штук, не больше. 13 моделей фабрики получили высшую государственную аттестацию — «Знак качества». «Знак качества» — это не выставочная, показная модель. В этом году будет сшито 120 тысяч изделий 28 моделей с высшей государственной оценкой.

Это цифры и факты. Красноречивые и радостные. Но и они требуют объяснения. Оно простое — реформа.

Когда говорится о материальном стимулировании, то речь идет в первую очередь о том, чтобы СПРАВЕДЛИВО оценивать труд каждого работника. Чтобы труженик знал: каждая штука (тонна, метр) созданной им продукции учтена и оплачена, что каждый метр (или килограмм), сэкономленный им, приносит выгоду и государству и лично ему, каждый балл качества приносит радость потребителю, а ему, создателю, дополнительное вознаграждение.

Взглянем на таблицу роста среднегодовой заработной платы трудящегося на «Салюте».

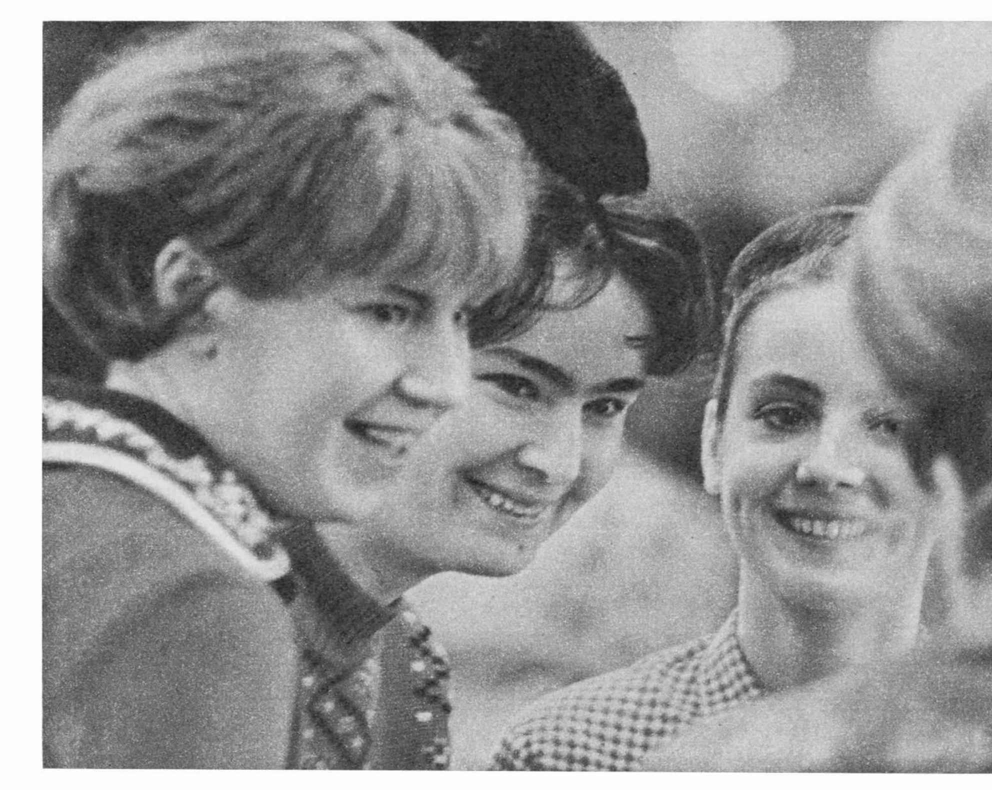
1965 год	1966 год	1967 год	1968 год
1021 р. 40 к.	1072 р. 20 к.	1125 р. 42 к.	1205 р. 24 к.

Растет производство, растет сбыт, растет и зарплата рабочих. Но это не все. С 1966 года появилось новое — фонд материального поощрения. Продолжим табличку, приплюсуем, подсчитаем новую прибавку к зарплате премии и увидим, как это отразилось на доходах рабочих.

1966 год	1967 год	1968 год
122 р. 79 к.	153 р. 23 к.	168 р. 69 к.

Это если говорить о заработках. Но от прибыли отчисляются деньги и в фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства. За счет этих средств «Салют» построил детский комбинат — решена важная для «женской» фабрики проблема. «Салют» в доле с другим предприятием строит жилой дом. Вдвое расширен пионерский лагерь. На десятки тысяч рублей закупаются для работниц путевки в дома отдыха и санатории — вдвое больше, чем прежде.

Прошло три года с того апрельского дня 1966 года, когда фабрика стала работать по-новому. И теперь каждый рабочий, каждая швея твердо знает: шить лучше, больше, экономнее — это выгодно и государству и себе. И тем, кто приходит в магазин.

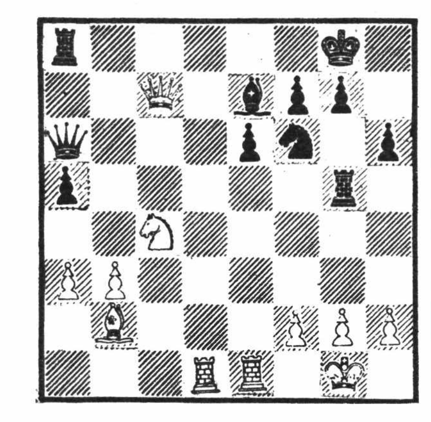
Вот они, девушки с «Салюта». Аня Слепцова, Галя Пермякова, Люда Пензина — бригада четвертого цеха.

Работа раскройщиц — тонкое дело: здесь можно сэкономить сотни метров ткани.

НА ФИНИШНОЙ ПРЯМОЙ

Сало ФЛОР,
международный
гроссмейстер

Итак, идет маленький матч Петросян — Спасский из 8 партий. Мы уже писали о том, что это любимая дистанция претендента. И на сей раз Спасский остался верен себе: в первой же встрече маленького матча он нанес поражение своему грозному сопернику. После 17-й партии лидерство снова захватил Спасский — 9 : 8.

Вот как протекала 17-я партия матча.

Сицилианская защита.

Б. Спасский — Т. Петросян

1. e2 — e4 c7 — c5 2. Kg1 — f3 e7 — e6 3. d2 — d4 c5 : d4 4. Kf3 : d4 e7 — e6 5. Cf1 — d3 Kb8 — c6 6. Kd4 : c6 b7 : c6 7. 0—0 d7 — d5 8. Kb1 — d2 Kg8 — f6 9. b2 — b3 Cf8 — b4 10. Cc1 — b2...

Здесь поклонники Спасского испугались. На первый взгляд кажется, что белые после 10... C : d2 11. Ф : d2 de зевнули фигуру. На самом деле у Спасского находится сильный ответ 12. Фg5!

10... a6 — a5 11. c2 — c3 Cb4 — e7 12. c3 — c4 0—0 13. Фd1 — c2 h7 — h6 14. a2 — a3 Cc8 — a6 15. Лf1 — e1 Фd8 — b6 16. e4 : d5...

Чемпион мира хорошо разыграл дебют, и не видно, какой же план лучше избрать белым. Атаковать? Спасский это бы сделал с удовольствием, но позиция черных прочна. Исходя из этих соображений, Спасский решил разрядить напряжение в центре, что, конечно, упрощает характер борьбы. Кроме того, надо учесть, что матч вступил в такую стадию, когда обоим участникам хочется победить без большого риска, как говорим мы, шахматисты, «играть на выигрыш с ничьей в кармане».

16... c6 : d5 17. c4 : d5 Ca6 : d3 18. Фc2 : d3 Лf8 — d8 19. Kd2 — c4 Фb6 — a6 20. Фd3 — f3 Лd8 : d5 21. Лa1 — d1...

В этот момент Петросян предложил ничью, но Спасский отказался. Чем был вызван этот отказ? Неужели позиция Спасского лучше?

Петросяну позиция могла показаться совершенно равной, но, судя по всему, Спасский придерживался другого мнения. А может быть, после четырех свободных дней ему просто хотелось немного поиграть в шахматы?

21... Лd5 — f5

Естественно, было 21... Лa — d8. Но чемпион мира, возможно, обиделся и полагал, что сможет заставить Спасского пойти на повторение ходов.

22. Фf3 — g3 Лf5 — g5 23. Фg3 — c7...

Но Спасский на повторение не согласен и фактически второй раз отказывается от ничьей. Эта критическая позиция в партии вызвала много споров среди гроссмейстеров. В спор вмешался даже Бент Ларсен, который по телефону из Копенгагена заявил, что ему больше нравится позиция черных.

23... Лa8 — e8

Вот позиция, которая вызвала дискуссию. У черных имелся опасный ответ: 23... Kd5!

Фигуры в пресс-бюро летели налево и направо. Один гроссмейстер утверждал, что выигрывают белые, другой, наоборот, что в этом случае побеждают черные. Посмотрим, что могло получиться: 23... Kd5 24. Л : d5 ed 25. Л : e7 dc 26. Л : f7 Л : g2+, и черные выигрывают. Или 23... Kd5 24. Л : d5 ed 25. Kb6 Cb6! снова в пользу черных.

В чем же дело? Как надо играть Спасскому? Правильное продолжение показал А. Лилиенталь: 23... Kd5 24. Л : d5 ed 25. h4! Лg6 26. Л : e7 dc 27. h5, и для черных не видно лучшего хода, чем 27... Лf6, после чего игра кончается вничью. Все эти варианты показывают, что Петросян напрасно отказался от правильного хода 23... Kd5. После пассивного хода черных позиционное преимущество переходит к белым.

24. Cb2 : f6 g7 : f6

Приходится, как говорят в таких случаях шахматисты, «портить себе прическу», поскольку на 24... C : f6 неприятен ответ 25. Kd6.

25. Лd1 — d7 Лe8 — c8 26. Фc7 — b7 Фa6 : b7 27. Лd7 : b7 Kpg8 — f8 28. a3 — a4 Ce7 — b4 29. Лe1 — e3 Лc8 — d8 30. g2 — g3 Лd8 — d1+ 31. Kpg1 — g2 Лg5 — c5.

Смысл этого хода не совсем понятен. Лучше было 31... Лf5.

32. Лe3 — f3 f6 — f5?

А это уже серьезная ошибка, даже очень серьезная. Необходимо было 32... Kpg7. Позиция Спасского перспективнее. Но после 32... Kpg7 позиция черных была бы вполне защитима. После ошибки 32... f5 черным уже не справиться с затруднениями.

33. g3 — g4! Лd1 — d4 34. g4 : f5 e6 : f5 35. Лb7 — b8+ Kpf8 — e7 36. Лf3 — e3+ Kpe7 — f6 37. Лb8 — b6+ Kpf6 — g7 38. Лe3 — g3+ Kpg7 — f8 39. Лb6 — b8+ Kpf8 — e7 40. Лg3 — e3+ Kpe7 — f6

Тут Спасский в третий раз отказывается от ничьей, что вполне понятно, а повторял он ходы, потому что находился в цейтноте. После опрометчивого 43-го хода в 14-й партии Спасский научен горьким опытом и потому решил записать свой 41-й ход.

Отложенная позиция расценивалась как тяжелая для чемпиона мира, и при доигрывании никакого чуда не произошло: Спасский четко реализовал свое преимущество.

41. Лb8 — b6+ Kpf6 — g7 42. Лe3 — g3+ Kpg7 — f8 43. Лb6 : h6 f5 — f4 44. Лg3 — h3 Kpf8 — g7 45. Лh6 — h5 f4 — f3+ 46. Kpg2 — g3 Лc5 : h5 47. Лh3 : h5 Лd4 — d3 48. Kc4 : a5. Kpg7—g6 49. Лh5—b5 Cb4: a5 50. Лb5 : a5 Лd3 : b3 51. Лa5 — a8 Лb3 — a3 52. a4 — a5 Kpg6 — g5 53. a5 — a6 Kpg5 — g6

Афоризм С. Тартаковера: «Все ладейные эндшпили — ничейные» — к данному случаю не подходит.

54. a6 — a7 Kpg6 — g7 55. h2—h4 Kpg7 — h7 56. h4 — h5 Kph7 — g7 57. h5 — h6+ Kpg7 — h7 58. Kpg3—f4. Черные сдались. Из-за цугцванга они теряют две пешки.

ЗВЕЗДЫ НА ЗЕМЛЕ

Ночь застала нас в горах. Шофер, ощупывая дорогу фарами, медленно вел машину все выше и выше к перевалу. То и дело в белых полосах света возникали предупреждающие знаки, наскоро сколоченные загородки, каменные стенки, свежие наплывы оползней, а под колеса «газика», заглушая порою шум мотора, густо перла тяжелая, темная вода. Только к середине ночи, пробив низкие, повисшие на скалах, рыхлые облака, вырвались мы к перевалу.

— Теперь дома. Дальше дорога — скатерть, — сказал шофер и остановил машину. — Перекурим.

Мы вышли в мокрую темень. Сидели, потягивая сигареты, на придорожных камнях, негромко разговаривали.

— Кажется, залаталось небо, — сказал мой спутник агроном Расул Гафаров и добавил: — Пора, запаздываем, ох, как запаздываем с севом...

А потом, когда шли к машине, придержал меня рукой:

— Смотри-ка, звезды...

Я поднял лицо к небу, еще густо затянутому облаками, и не увидел ни единой крупинки звезд.

— Где ты видишь звезды, Расул?

— Да не там, не в небе, друг. Вот туда смотри. — Расул снова дотронулся до моего плеча рукой. — Вот туда, вниз смотри. Звезды на земле.

«Ну что тут такого? — порою говорим мы. — Дело обычное». Но это обычное становится вдруг необычным в трудные страдные таджикистанские вёсны, когда не в небе, а на земле загораются и мерцают звезды — от зари до зари. Звезды, зажженные трудолюбивыми, сильными руками таджикского землероба.

Они снова вспыхнули этой трудной весной от Пянджа до Курган-Тюбе. Такова уж она, весенняя страда, когда днем и ночью надо отдавать себя без остатка тяжелой и ласковой, трудной и любимой родной земле. И земля эта за труды людские сторицей отплачивает человеку.

Попробуйте осенью, когда в кишлаки Таджикистана приходит большой урожай, или летом проехать от Курган-Тюбе до Пянджа, когда цветет хлопок, когда зреют тяжелые, словно бы излучающие солнечный свет плоды, когда бежит по арыкам и каналам холодная вода и вас приглашают в каждом кишлаке за гостеприимный дастархан с янтарной пиалой чая во главе стола. Попробуйте представить в это время, что в тридцатых годах от Пянджа до Курган-Тюбе тянулась выжженная палящим солнцем пустыня, где и глазу-то отдохнуть негде было, и тогда станет очевидным величие всего свершенного.

Я посмотрел туда, куда указывал Гафаров, и вдруг увидел глубоко внизу, в едва угадывающемся просторе распахнувшейся долины, яркие, перемигивающиеся звезды. Они плыли по земле. Там от края до края работали тракторы. Шел сев.

— Теперь ни минуты терять нельзя. Вот так, пока не отсеемся, будем возвращать украденное у нас непогодой время.

...Было это несколько лет назад. Но с тех пор, когда по журнальной традиции порою улетаешь в командировку встречать весну в Таджикистан, снова и снова вспоминается та ночь, перевал и звезды от края до края на широкой долине, звезды на земле.

Нынешняя весна была трудной в нашей самой южной республике. Неделями не прекращались в Таджикистане дожди. Сводки погоды были скупы и тревожны, как военные сводки сорок первого года. Задерживался сев. Прекращался ненадолго ливень, а на поля не то что трактором — ногой ступить нельзя: в один миг увязнешь в трясине. День за днем, ночь за ночью сплошные потоки воды.

Разбушевавшаяся стихия не только лишила хлопкороба привычного и всегда радостного весеннего труда, она принесла ему и большое горе.

8 мая 1969 года вследствие продолжительных ливневых дождей в кишлаке Гур-Дара произошел обвал горы, погибли люди.

Срочно была создана правительственная комиссия, на место стихийного бедствия устремились спасательные отряды. Горе одних болью отозвалось в сердцах других, поспешивших немедленно на выручку к пострадавшим.

А стихия продолжала буйствовать, продолжала держать самого мирного человека на земле — хлопкороба в постоянной, поистине военной готовности.

И снова от края и до края широких плодородных долин загорались на земле звезды. Снова выходили на поля тракторы и сеялки, снова неумолчный гул плыл над землей. Человек продолжал трудиться, продолжал сеять.

Мы очень быстро привыкаем к свершениям рук человеческих. То, что вчера казалось сказкой, нынче кажется обычным. Никто, пожалуй, не удивится сегодня тому, что долина Вахша — это долина плодородия, долина садов, просторных, красивых кишлаков, с сотнями школ, с больницами, клубами, со стадионами и парками.

Сегодня в Таджикистане высоко поднялись яровые, зреют плоды в садах, смеются дети, улыбаются взрослые, мирно пасутся по шелковым склонам гор (травы нынче знатные) стада, в городах вкусно дымят мангалы, ведут неторопливые беседы за пиалой чая заслуженные аксакалы, делают первые шаги малыши... Все это жизнь, большая, радостная, хорошая жизнь самой южной в стране республики.

Трудная весна позади.

С. ЮРЬЕВ

Амина Шукурова, работница фабрики сувениров «Армугон», в свадебном уборе, которые изготовляет фабрика.

Мастер хлопка Герой Социалистического Труда Махмуд Рахимов. Совхоз имени Куйбышева, Курган-Тюбинского района.

Молодой ученый-ботаник Худоёр Юсуфбеков, недавно избранный членом-корреспондентом Академии наук Таджикистана.

Завуч школы колхоза имени Ленина Рахмат Разиев с ребятами.

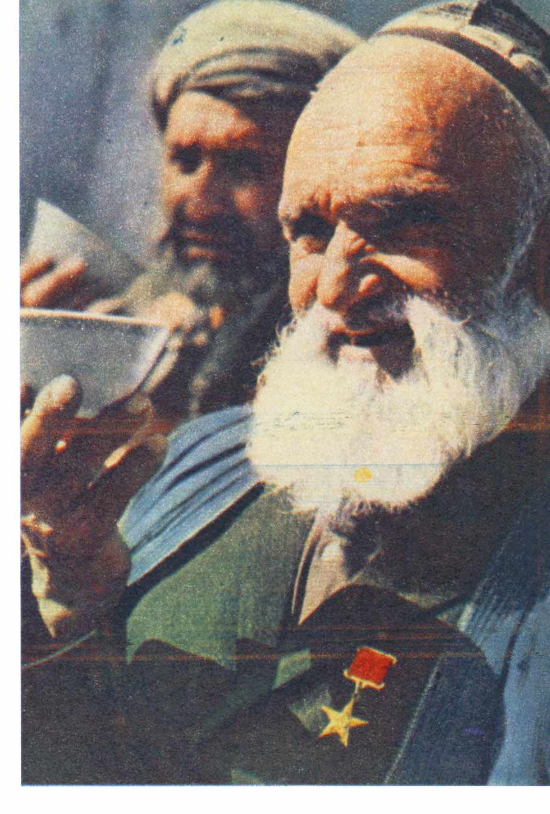
Шашлычная на улице Душанбе.

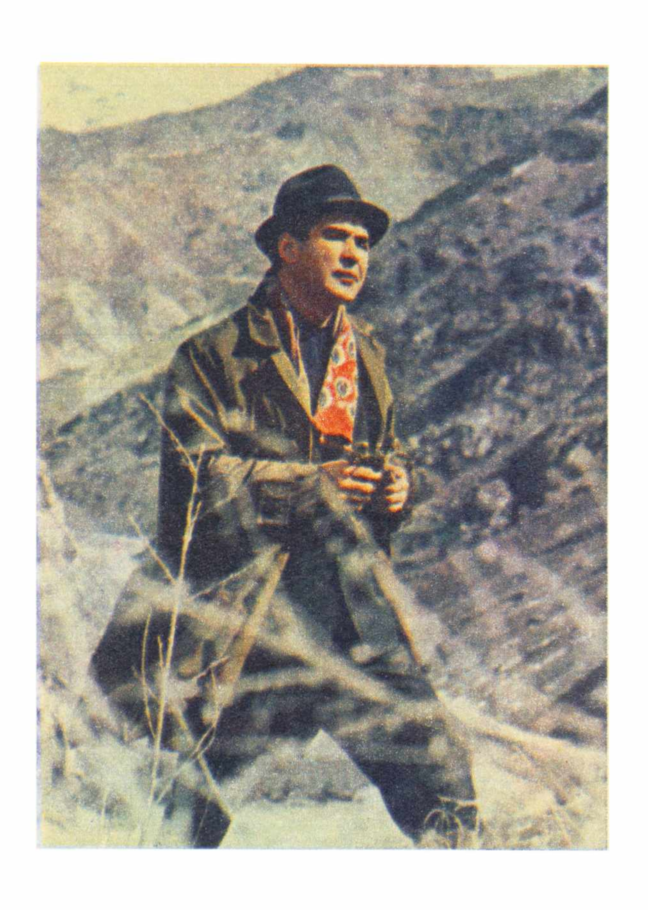
Школьницы из совхоза имени Куйбышева Зеби Аюбова и Момаджон Султанова.

В ногу с отцом.

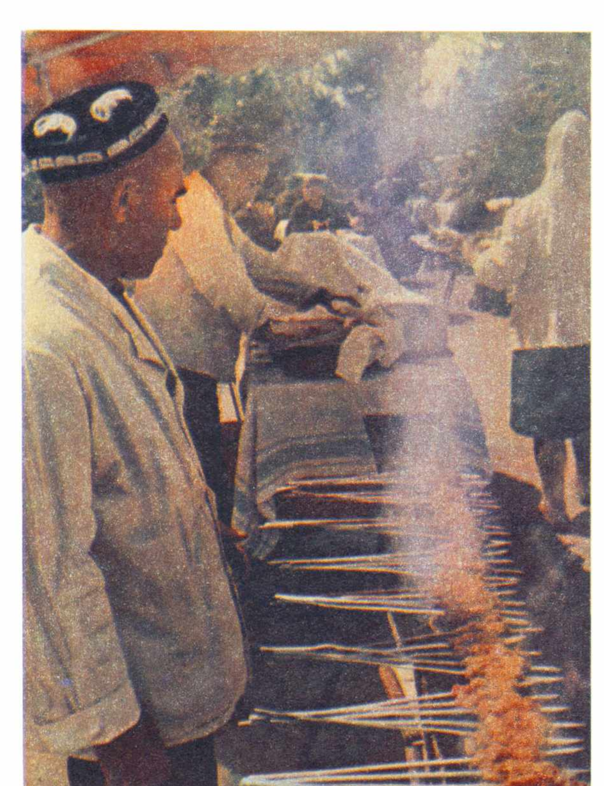
Фото М. Савина.

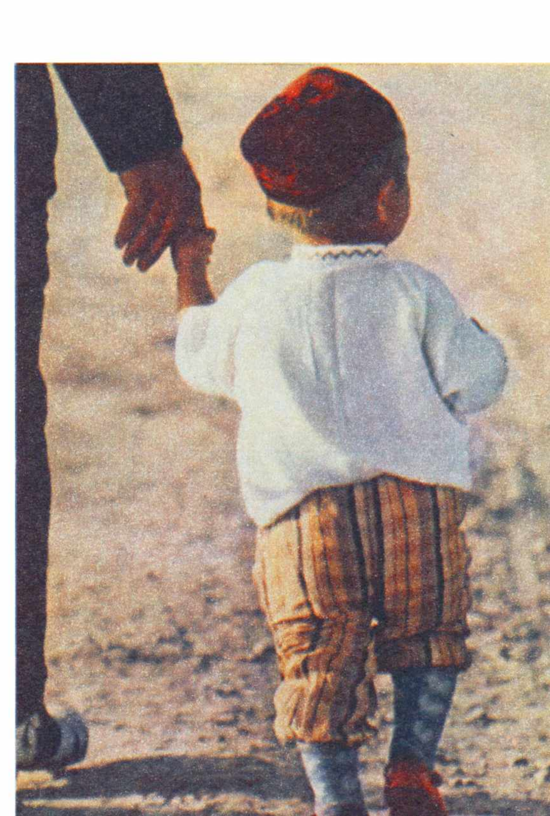

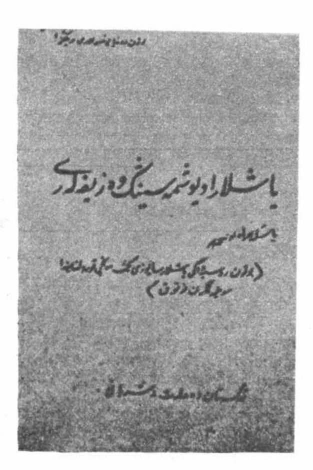

На весенних этюдах студенты художественного училища Адолат Юсупова и Одина Абдуллаев.

Колхозные отары на пастбище.

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

Ленинское слово в Туркестане

Первая книга В. И. Ленина, изданная в 1921 году в Туркестане на узбекском языке,— «Задачи Союзов молодежи».

Уже в начале века рабочие Ташкента и Ашхабада, Красноводска и Кзыл-Арвата читали ленинскую «Искру», большевистские газеты «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь», «Волна». Доходили сюда и отдельные ленинские работы — «Письмо к товарищу о наших организационных задачах», «Доклад об Объединительном съезде РСДРП», «К деревенской бедноте».

26 мая 1906 года ташкентская газета, редактором которой был большевик М. В. Морозов, напечатала статью В. И. Ленина «Крестьянская или «Трудовая» группа и РСДРП». Это была первая публикация работы В. И. Ленина в периодике Туркестанского края.

3 декабря 1917 года узбекские рабочие и дехкане читали в газете «Иль-Байрам» на родном языке Ленинский декрет о мире. А летом 1918 года на страницах газеты «Иштракиюн» («Коммунист») впервые по-узбекски были напечатаны «Очередные задачи Советской власти». Вскоре эта работа В. И. Ленина была издана отдельной книгой. Об огромном интересе к ней свидетельствует отчет агитпропа Ташкентского обкома партии, в котором говорится: «Книга прочитана на предприятиях. Наличные книги... передаются читателям по очереди».

Отдельным изданием в 1919 году вышел и доклад В. И. Ленина на VIII съезде РКП(б) о работе в деревне. В том же году Самаркандский обком партии издал доклад и заключительное слово В. И. Ленина на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов в марте 1918 года. Горячо поддерживая ленинскую позицию в вопросе о заключении Брестского мирного договора, туркестанская «Наша газета» писала от имени трудящихся края: «Имя вождя русской революции тов. Ленина должно быть записано золотыми буквами на страницах мировой истории. Он первым заговорил о мире. Он первым начал подготовку к миру, и можно с уверенностью сказать, что он добьется мира».

В ноябре 1919 года, в связи с образованием Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана, В. И. Ленин обратился с письмом к туркестанским коммунистам, в котором писал: «Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч и миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам». Письмо Ленина опубликовали центральные и местные газеты. Выходившая в Намангане узбекская газета «Иркинлик» предпослала ему заголовок крупным шрифтом: «Собственноручное письмо В. И. Ленина коммунистам Туркестана».

Большое распространение получили изданные здесь труды В. И. Ленина «Государство и революция», «Великий почин». В 1921 году в штабной типографии Реввоенсовета Туркестанского фронта была напечатана статья Владимира Ильича «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках т.т. Троцкого и Бухарина». В этом же году Государственное туркестанское издательство впервые издало на узбекском языке речь В. И. Ленина на III Всероссийском съезде РКСМ «Задачи Союзов молодежи».

Отдельные свои работы, издававшиеся в Туркестане, видел Владимир Ильич. В частности, в кремлевской библиотеке Ленина хранится выпущенная Политуправлением Туркфронта в 1921 году брошюра со статьей «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции».

«Сборник статей Владимира Ильича Ленина» — под таким заголовком в феврале 1924 года вышло первое в Узбекистане посмертное издание избранных сочинений В. И. Ленина. Это был подарок Туркестанского ЦИКа «Красному бойцу Туркестанского фронта в день 6-й годовщины Красной Армии».

Ныне все эти издания ленинских работ — библиографическая редкость.

Ю. ГЛАСС

Аудитория № 302

Сергей Петрович Митрофанов, профессор Ленинградского института точной механики и оптики, провожает нас в просторную комнату. На двери табличка: аудитория № 302. За столиками по два студента. Сейчас как будто начнется обычная лекция.

Но вот нажимается на пульте кнопка и... автоматически закрываются шторами окна, гаснет свет, перемещается доска, появляется экран, включается кино. Все это происходит само собой, и студенты уже знакомятся с цехами, новыми станками, технологическим процессом... Нажимается еще одна кнопка — на экране графики, формулы или рисунки. Преподавателю не нужно чертить их мелом на доске, стоит включить лишь эпидиаскоп или диапроектор.

Этими новшествами, однако, не исчерпываются особенности аудитории № 302. Вы знаете, что такое обратная связь? А вот что: специальная система контрольных вопросов и ответов. На каждом студенческом столике есть устройство, кодирующее любой ответ студента. Ответы поступают в сумматор, который выдает результаты. Таким образом, преподаватель за несколько секунд узнает, усвоили ли студенты прослушанные лекции, учитывает правильные и неправильные ответы, оценивая их по пятибалльной системе. Преподавателю сразу видно, кто из студентов не понял прослушанный материал, кому нужно что-то дополнительно разъяснить. И студент не остается в неведении: на индикаторе появляется оценка его ответа.

У системы есть и полностью автоматизированный режим работы. Он применяется в том случае, если преподаватель заболел, уехал или лекцию нужно повторить. Производится это с помощью магнитофона. Одна его дорожка воспроизводит текст лекции, на другой же записаны импульсы, соответствующие моменту включения или выключения того или иного иллюстрационного материала.

Есть у инициаторов этого новшества профессора С. П. Митрофанова и научного сотрудника И. А. Высокодворского хорошие помощники — студенты Николай Стельман, Слава Озеров и Георгий Делюнов.

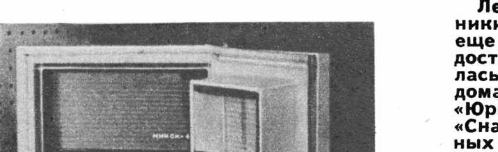
— В будущем,— рассказывает профессор С. П. Митрофанов,— мы создадим еще две таких аудитории. В них смогут заниматься сразу по сто пятьдесят человек.

Н. ТОЛСТАЯ

Научный сотрудник И. А. Высокодворский и профессор С. П. Митрофанов.
Фото А. Гусева.

«Минск-4» и другие...

Лет двадцать назад были известны холодильники «Саратов» и «Газоаппарат». Они тогда еще робко стучались в наши дома. Молва об их достоинствах, однако, быстро распространилась, и на рынок выплеснулось целое семейство домашних холодильников: «Северы» и «Она», «Юрюзань» и «Бирюса», «Памир» и «Муром», «Снайга» и «Ярна»... Десятки заводов различных отраслей промышленности взялись за их изготовление. И все же до последнего времени их не хватало.

Совет Министров СССР принял поэтому недавно специальное Постановление о дальнейшем расширении производства бытовых холодильников и улучшении их качества.

— Уже к 1973 году,— сказал нашему корреспонденту Е. Н. Важнов, начальник Главэлектробытмашприбора,— наши заводы, а также предприятия авиационной, оборонной и машиностроительной промышленности будут выпускать в два раза больше холодильников, чем сейчас. Для этого строятся новые заводы, как, например, в Самарканде, Алитусе, Донецке, и реконструируются все старые предприятия, изготовлявшие холодильные аппараты. Министерствам промышленного строительства и строительства предприятий тяжелой индустрии предложено завершить в течение ближайших пяти лет все строительно-монтажные работы на четырнадцати наших заводах.

— Покупатели стали разборчивы: «Минск» и «ЗИЛ» идут нарасхват, а на некоторые марки не всегда есть желающие. Чем это объясняется?

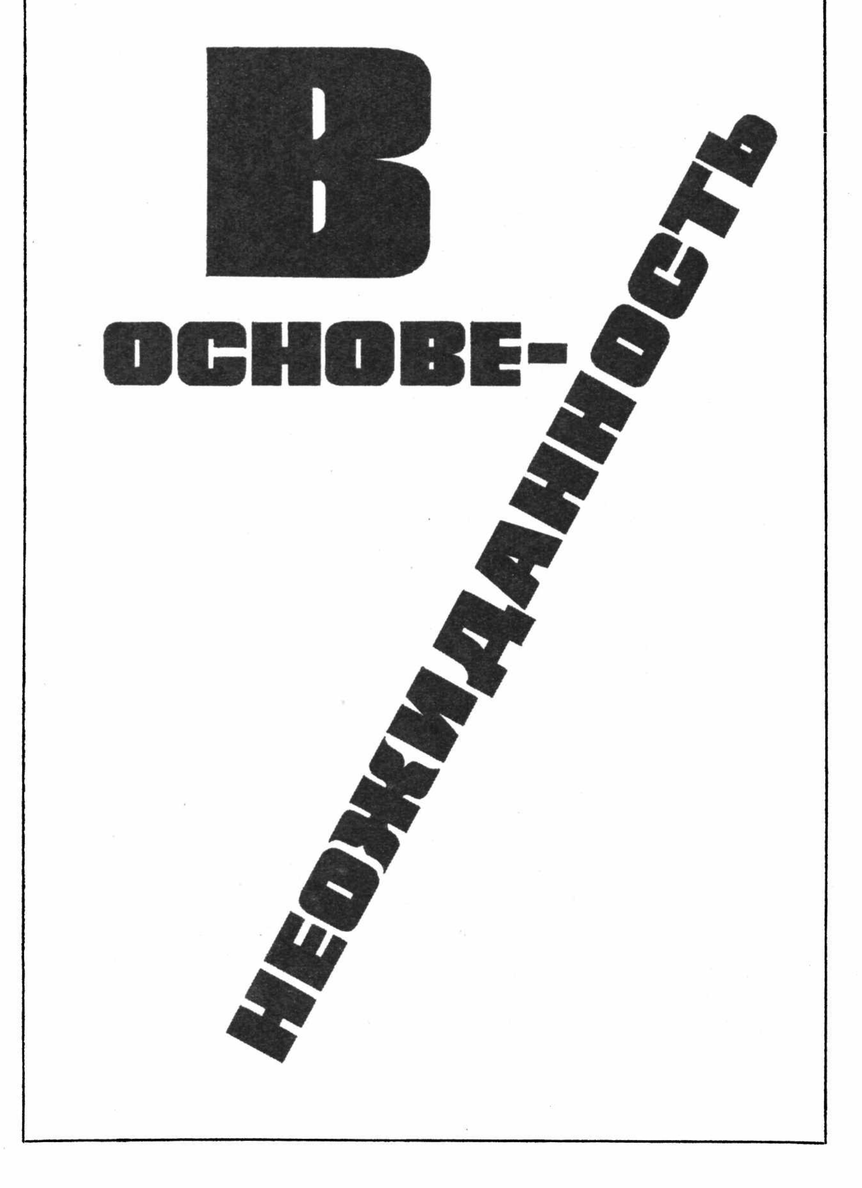
— Разнобоем в производстве, распыленностью конструкторских и проектных сил, низким технологическим уровнем на некоторых заводах. Принятое правительством Постановление положит этому конец. Нам предложено уже в этом году разработать соответствующие государственные стандарты. Сейчас выпускаются холодильники 26 типов, а будут всего две базовые модели, разработанные в Минске. Да, центр производства холодильников переместился в Белоруссию. В Минске и наш базовый завод и наше головное конструкторское бюро. Лидерство за ними. Через два года все предприятия должны перейти на изготовление современных холодильников, отвечающих требованиям нового стандарта. «Минск-4» — первый из холодильников этого типа. Уже во втором полугодии начнется его серийное производство. От своих будущих собратьев он будет отличаться емкостью и оформлением. Все узлы, подобно телевизорам, будут унифицированными, взаимозаменяемыми. Сосредоточиваются и проектно-изыскательские и конструкторские усилия. В Киеве и Кишиневе намечено строительство двух Всесоюзных институтов — научно-исследовательского по электробытовым машинам и приборам и проектно-технологического, а в Душанбе — конструкторско-технологического бюро, которое займется разработкой наиболее прогрессивной технологии. В Постановлении говорится и о наших поставщиках — химиках, металлургах, приборостроителях, которые должны обеспечить нас специальными материалами и приборами. Словом, пути указаны. Теперь — за дело.

Г. ВЛАДИМИРОВА

Ю. КОНЮШАЯ

В первые месяцы Советской власти Владимир Ильич Ленин подписал «Положение об изобретениях». В июне исполняется 50-летие этого ленинского документа. Мы переворачиваем пожелтевшие страницы газеты «Известия», где он был опубликован впервые. Мы находимся в начале мощной реки народного таланта, ума, огромного труда, которая и есть, в сущности, то, что мы называем изобретения и открытия советских ученых.

Об этом мы беседуем с Ю. П. Конюшой, заместителем начальника Отдела открытий Государственного комитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР.

«Положение об изобретениях», которое подписал Владимир Ильич в июне 1919 года, коренным образом изменило социально-экономическое содержание самого понятия изобретения, создало принципиально новые взаимоотношения между изобретателем и обществом.

Изобретение было объявлено достоянием Советской республики. Декрет предоставлял право пользоваться этим продуктом научно-технического творчества всем гражданам и учреждениям РСФСР. Но при этом за изобретателем закреплялись его авторские права.

Принципы, заложенные в ленинском декрете, открыли первую страницу в истории советского изобретательства. Они оказались столь плодотворны и чудодейственны в своей основе, что и по сей день «Положение» сохранило для нас роль и значение основополагающего документа.

По роду своей работы мне довелось познакомиться со многими открытиями советских ученых, этим высшим, на мой взгляд, проявлением научного гения. О них мне и хочется рассказать подробнее.

Открытие — всегда прорыв в царство неизвестности. Ничто так не меняет представление человека о Вселенной, о природе, как научные открытия. Для всех, кроме самих авторов, они приходят неожиданно. И даже самые смелые фантасты не в силах их предсказать. В прошлые века, например, в фантастических романах мечтали и о воздухоплавающих кораблях и о подводных лодках, предвосхищая их появление, но никто не предугадал рождение кибернетики. Ибо решение технической задачи, уже поставленной перед человечеством,— это изобретение, а открытие вскрывает неизвестные ранее законы природы.

Научное открытие — чрезвычайная редкость. Достаточно сказать, что за десять лет государственной охраны открытий в комитет поступило несколько тысяч заявок, однако принята к рассмотрению только десятая часть, а признана открытиями лишь сотая.

Что же такое научное открытие?

В энциклопедиях и справочниках мира вы не найдете однозначного толкования этого понятия. Открытием на Западе часто считают «научную идею» либо отождествляют его с понятием изобретения.

В Советском Союзе с 1959 года были четко разграничены понятия «открытие» и «изобретение». Мы исходим из философского смысла значения открытия, из того удивительно глубокого и всестороннего анализа этого явления, которое содержится в трудах Владимира Ильича Ленина.

Открытием в СССР признается теоретически доказанное или экспериментально подтвержденное «установление неизвестных ранее объективно существующих закономерностей, свойств и явлений материального мира».

«...Понятие **закона,**— подчеркивал В. И. ЛЕНИН,— есть **ОДНА** из ступеней познания человеком **единства и связи,** взаимозависимости и цельности мирового процесса».

История науки знает немало крупных открытий. И одним из наиболее ярких примеров может служить установленный 100 лет назад великим русским химиком Д. И. Менделеевым периодический закон химических элементов.

На его основе за последние годы в Лаборатории ядерных реакций Объединенного института ядерных исследований в Дубне проведены работы, значительно расширившие наши знания о строении вещества. Так, физики Е. Д. Донец, В. А. Щеголев и В. А. Ермаков получили изотоп 102-го элемента, академик Г. Н. Флеров с группой научных сотрудников этого института — 104-й элемент.

Важное открытие сделал в свое время академик В. И. Векслер. Он обнаружил неизвестные ранее закономерности движения заряженных частиц. Благодаря этому открытию стало возможным сооружение синхрофазотронов, современных ускорителей элементарных частиц.

Доктор технических наук Е. В. Александров поколебал установившиеся представления в науке, основанные на одном из законов Ньютона. Он доказал, что при упругом ударе коэффициент передачи энергии зависит от отношения масс сталкивающихся тел только до определенного — критического —значения этого отношения. Эта закономерность теперь учитывается и при расчете новых машин, и в горном деле, и в строительной индустрии.

В одной статье невозможно перечислить все открытия, зарегистрированные комитетом. Их 64, и они принадлежат 168 авторам, но все же я не могу не остановиться на работах членов-корреспондентов АН СССР Д. Н. Насонова и А. С. Трошина. Их исследования в научном мире рассматриваются как выдающиеся открытия в общей физиологии и биофизике.

Д. Н. Насонов установил закон саморегуляции в клеточном возбуждении, а А. С. Трошину принадлежит открытие закономерностей клеточной проницаемости. На основе этих положений стали яснее тонкие механизмы, регулирующие поступление веществ в клетку.

Пока мы говорили лишь об открытиях новых законов природы. Но в развитии естествознания огромную роль играет не только установление закономерных связей между явлениями, но и обнаружение самих явлений, глубокое изучение их. Лишь вскрыв сущность явления, мы можем сделать действительно новый шаг в познании природы. «...Сущность является. Явление существенно»,— записывал Владимир Ильич Ленин в «Философских тетрадях».

Наиболее важные открытия ранее неизвестных явлений в области астрофизики начались 4 октября 1957 года. Выход в космос, который впервые в мире осуществили советские люди, вызвал цепную реакцию открытий. Среди них работы ученых Московского государственного университета академика С. Н. Вернова, члена-корреспондента АН СССР А. Е. Чудакова и других. Они обнаружили неизвестное ранее явление — внешний радиационный пояс Земли. С этим открытием непосредственно связано решение важнейшей проблемы полетов человека в космическом пространстве.

Третья сторона понятия «открытие» — установление неизвестных ранее свойств. Диалектический материализм утверждает, что все свойства вещей присущи самим вещам, то есть они объективны. Изучение отдельных свойств предметов служит ступенькой к познанию их качеств.

Установление законов природы, поиски неизвестных явлений — исчерпывает ли это весь многоцветный спектр работ советских ученых, которые мы по праву считаем открытиями? Конечно, нет. Порой исследователь обнаруживает такое важное новое свойство уже известного вещества или явления, что эту находку иным словом, чем открытие, и не назовешь. К таким случаям следует отнести работу доктора физико-математических наук К. А. Петржака и академика Г. Н. Флерова. Они открыли свойство урана в определенных условиях делиться спонтанно, то есть без всякого внешнего воздействия. Я думаю, что излишне рассказывать подробно о том, что это свойство «работает» и в атомной бомбе и в атомной электростанции.

Как это ни парадоксально на первый взгляд, но воспользоваться результатами открытия для промышленного и научного прогресса сегодня может не та страна, которая сделала это важное научное открытие, а та, которая смогла быстрее найти ему практическое применение. Вот почему так важна правовая охрана научных открытий. Часто еще бывает, к сожалению, когда созданные на основе наших отечественных научных открытий изобретения безвозмездно используются капиталистическими фирмами.

Японские фирмы, например, сделали ряд приборов на принципе открытого советским академиком Завойским явления парамагнитного резонанса. Эти приборы стали предметом японского мирового экспорта и продажи по ли-

ценизиям, в том числе и в нашу страну. Ряд фирм США, ФРГ и других стран безвозмездно использует изобретения, основанные на таких открытиях советских ученых, как явление усиления электромагнитных волн, электрогидравлический эффект, новые свойства полупроводников и другие. Ясно, что все это наносит немалый ущерб государственным интересам!

Я уже не говорю о том, что открытие в наше время является чаще всего не случайной находкой ученого-одиночки, а плодом длительных теоретических и экспериментальных исследований больших научных коллективов. Причем под силу вести такие работы, как правило, в условиях великолепно оснащенных лабораторий и с затратой подчас немалых государственных средств.

Я хочу остановиться еще на одной, чрезвычайно важной, на наш взгляд, проблеме, а именно: что считать критерием истинно научной деятельности — число опубликованных работ или количество открытий и изобретений, эффективно используемых в науке и производстве?

Я намеренно заостряю этот вопрос, ибо иные из числа ученых высказываются, и довольно твердо, в пользу... ненужности правовой охраны и регистрации научных открытий вообще! Их рассуждения по-своему логичны: «Я первый опубликовал, значит, я и первый открыл. Пусть это станет вполне достаточным для приоритета моего открытия...»

Однако подобная логика неуязвима лишь на первый взгляд. И не случайно многие исследователи не поддерживают подобные утверждения. В качестве примера можно привести высказывание заведующего лабораторией космических исследований Физического института АН СССР, доктора физико-математических наук В. В. Виткевича. Сам автор интересного открытия сверхкороны Солнца, он считает, что открытия, как и изобретения, несомненно, следует регистрировать. И не только для того, чтобы закрепить приоритет данного автора и государства, но, между прочим, также и для того, чтобы не употреблять слово «открытие» там, где его нет. С этими словами ученого, на мой взгляд, трудно не согласиться.

Сейчас, в связи с возрастающей ролью науки в могуществе государства, вопрос об охране научных открытий выходит на международную арену. На Стокгольмской дипломатической конференции по интеллектуальной собственности в присутствии представителей свыше 100 стран, в том числе и Советского Союза, была принята конвенция, в которой наряду с охраной прав авторов произведений литературы, искусств предусматривается охрана прав изобретателей и авторов научных открытий.

Оно и понятно. Ничто не способно так поистине революционно двинуть вперед науку и технику, а значит, и упрочить могущество государства, как открытие принципиально новых законов и явлений природы. Это мощный толчок к созданию ценных изобретений, принципиально новых орудий труда, новых технологических процессов и материалов. Именно открытия извечно составляли и составляют основу научно-технического прогресса.

Осенью 1968 года я был на праздновании 150-летия со дня рождения великого грузинского поэта Николоза Бараташвили.

Цикл стихов «Иверия» — это своего рода выражение моей сердечной благодарности грузинским друзьям за чувства братства и гостеприимства.

Автор.

Сергей СМИРНОВ

Иверия

МАТЬ-ГРУЗИЯ

Автору монумента «Мать-Грузия» Эл. Амашукели

Молодая,
Полная сиянья,
Седовласой мудрости мудрей,—
Ты стоишь
в железном одеянье,
Матерь всех грузинских матерей.

У тебя не брови, а излуки,
Строгость наклоненного чела,
Легкий стан,
Натруженные руки,—
В правой — меч,
А в левой — пиала.

Было
только так, а не иначе,
Будет и в грядущие лета:
Меч для супостата предназначен.
Пиала для друга налита.

Дремлют горы в стелющихся
кущах.
Грезят башни стойкостью былой.
И стоит
над совестью живущих
Женщина
С мечом и пиалой.

ЗА СУРАМСКИМ ПЕРЕВАЛОМ

Георгию Мдивани

Умыкнул меня Мдивани
Из гостиничных хором.
Горы высятся в тумане.
Реки плещут серебром.

Тут гурты бредут по тропам,
Режут путь-дорогу нам —
Хоть пиши стихи экспромтом
И читай их чабанам.

Тут клубится по ущелью
Зазывной шашлычный чад.
Тут гончарные изделья
Ксилофонами звучат.

И, куда свой взор ни бросьте,
Без конца
сады стеной.
От грудастой силы гроздьев
Веет магией хмельной.

Тут осенние работы,
Типажа полным-полно —
Хоть снимай его на фото,
Хоть вноси на полотно.

А орла в седом зените,
А чинару при горе,
А живую Нефертити —
Хоть
чекань
на серебре!

ВИНОГРАДНАЯ ГРОЗДЬ

Убей,
не видывал ни разу
Такого дива русский гость:
Как торс красавицы Кавказа...
Мне преподносят эту гроздь.

Она, как ночь, заголубела,
Она в меду,
Она в росе.
И даже имя —
Изабелла —
Звучит под стать ее красе.

НИКОЛОЗ БАРАТАШВИЛИ

Твой прах был трижды
перезахоронен.
Никто не знает твоего портрета.
Но не затмилось
мглой потусторонней
Духовное обличие поэта.

Есть тридцать шесть твоих
стихотворений,
И есть всего одна твоя поэма.
А наше
сверхвзыскательное время
Приемлет их
Восторженно и немо.

ГРУЗИНСКАЯ ОСЕНЬ

Я эту осень
пристально
запомню
И даже по-язычески готов
Молиться
виноградарскому полдню,
Суровости ущелий и хребтов,
Бурленью рек,
Теплу долинной дали,
Толпе садов, где тени залегли,
И коромыслам веток под плодами,
Согнувшимся
до взрыхленной земли.

ИМЕРЕТИНКА

По-горянски смугла,
А в движеньях
быстра по-оленьи,
Села,
Пальцы свела
На полуобнаженном колене.

Улыбнулась
и вниз
Опускает свой взор черноокий.
Из-под тени ресниц
Первозданно
румянятся щеки.

И в заре этих щек
И во всей этой юной натуре —
И призывность,
И рок,
И гортанная тайна чонгури.

ВОЕННО-ГРУЗИНСКАЯ ДОРОГА

Александру Макаридзе

Поют, кружáт
подъемы,
спуски.
Дорога вдаль устремлена.
Летим по ней —
грузин и русский.
Повсюду
Мирная она.

И за воротами Дарьяла
Нам демонстрирует Кавказ
Не то,
что нас разъединяло,
А что
Объединяет нас!

ЛЮДЯМ СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ АДРЕСОВАНО

История пишет свою летопись руками современников. Сейчас, накануне семидесятых годов, мы еще можем пожать руку людям двадцатых годов...

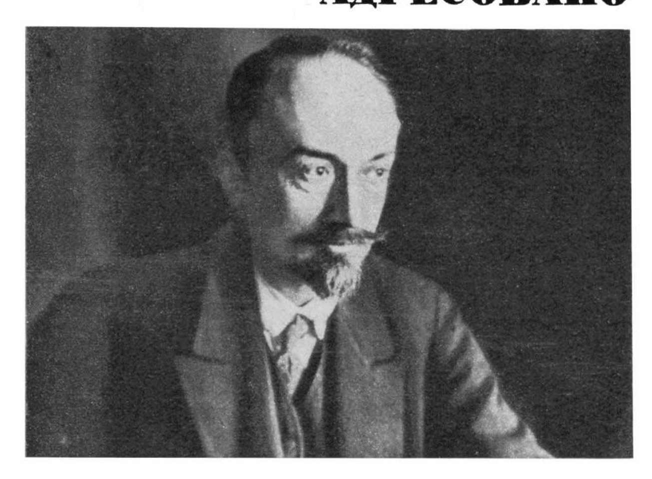
Киносценаристы А. Новогрудский и С. Зенин обратились к подлинным документам, создавая фильм «Гимнастерка и фрак», посвященный Георгию Чичерину, народному комиссару иностранных дел молодого Советского государства.

Режиссер В. Лисакович ведет нас по улицам и площадям городов, где Георгий Чичерин представлял Республику Советов, отстаивал интересы первого в мире государства рабочих и крестьян.

Авторы фильма «Гимнастерка и фрак», ограниченные пределами документальной ленты, естественно, не могли воплотить в ней все богатство жизни и человеческой личности Чичерина.

Думается, отличную работу, начатую московскими документалистами, следовало бы продолжить художественному кинематографу. О людях, подобных Георгию Чичерину, надо создавать фильмы разных жанров,— они нужны потомству, нужны истории.

Н. СИЛАНТЬЕВА.

Г. В. Чичерин. Кадр из фильма.

В. НИКОЛАЕВ

КОМПЛЕКС И ГАНГСТЕРЫ

Как известно, Соединенными Штатами управляет сегодня так называемый военно-промышленный комплекс. Фабриканты оружия не только получают заказы от Пентагона, но и приказывают ему убыстрять гонку вооружений. Крупнейшие фирмы посылают в Пентагон своих опытнейших администраторов и затем получают из их рук баснословные военные заказы. За двадцать последних лет на руководящих постах в Пентагоне (министра обороны, его заместителей, помощников и других) побывало более ста доверенных лиц крупнейших американских концернов и банков.

Любопытен и своего рода обратный процесс: офицеры, выходящие в отставку, занимают тепленькие места в промышленных корпорациях. За последние годы более 1 400 отставных офицеров в ранге майора и выше — в том числе 261 генерал и адмирал — устроились на работу в 100 крупнейших корпораций — подрядчиков Пентагона.

Вот лишь один конкретный и самый свежий пример того, как делается в США военный бизнес. Томас Моррис проявил большое старание на посту заместителя министра обороны, особенно в последний год своей ревностной службы. За эти двенадцать месяцев его напряженного труда доходы компании «Литтон индастрис» от заказов Пентагона увеличились со 180 миллионов до 466 миллионов. Это было в 1968 году. А в 1969-м Моррис стал вице-президентом «Литтон индастрис»! Вот так это и делается!

В результате бурной деятельности моррисов и их хозяев общая сумма средств, выделенных в США на военные цели в 1969 году, составила 80 миллиардов долларов. Есть в Соединенных Штатах еще одна система, кроме военно-промышленного комплекса, финансовые обороты которой соизмеримы с такой астрономической суммой. Мы имеем в виду всеамериканскую преступную корпорацию Коза Ностра. Ежегодный доход этого гангстерского синдиката составляет почти 50 миллиардов долларов!

Коза Ностра в отличие от вполне легальных американских монополий, производящих оружие, пока еще не имеет своих акций на нью-йоркской бирже. Но финансовые интересы военно-промышленного комплекса и гангстерского синдиката уже не могут не сталкиваться между собой хотя бы в силу их соизмеримости (напоминаем: 80 и 50 миллиардов!) и обращения в сфере одного и того же американского рынка. Это процесс неизбежный. И не новый. Гангстеры, например, давно уже вторглись в легальный бизнес, вкладывая в него награбленные деньги. Гангстеры влияют на экономику страны и многими другими способами. Например, ежегодно ассигнуют четыре с половиной миллиарда долларов только на подкуп полиции! Не говоря уже о подкупе политических и государственных деятелей.

Есть в сфере гангстерского бизнеса и военная специализация: Коза Ностра выгодно сбывает устаревшее вооружение латиноамериканским диктаторам. А сегодня гангстеры уже самым непосредственным образом вламываются в сферу военно-промышленного комплекса. В двух словах суть дела такова.

Американская агрессия во Вьетнаме требует все больше и больше оружия. Вот почему в конце 1967 года было решено резко увеличить производство 175-миллиметровых снарядов. Для этого необходимо было модернизировать завод в городе Сент-Луисе, законсервированный было в 1950 году. Этот выгодный подряд отхватила фирма Мейсн-Раст. За выполнение заданной работы ей причиталось восемь миллионов долларов. Сейчас заказ Пентагона все еще не выполнен, но ему пришлось уже выплатить по счетам из Сент-Луиса двадцать два миллиона долларов.

Для умеющей считать деньги деловой Америки такой просчет (восемь и двадцать два!), казалось бы, более чем удивителен. Но дело в том, что речь идет о военных расходах, на которых в США положено греть руки всем и каждому. Речь идет о деньгах простого американского налогоплательщика, которого сам бог велел обирать до нитки.

На сей раз его с помощью Пентагона обобрали не только фирма Мейсн-Раст, но и Коза Ностра.

Разыгравшийся аппетит Пентагона на снаряды продиктовал фирме контракт, по которому было приказано денег не жалеть и как можно быстрее наладить новое производство. Как справедливо отмечают в США специалисты, подобного рода контракты возможны только тогда, когда Пентагону что-либо нужно позарез.

Коза Ностра пронюхала про это выгодное дельце и решила, что она ничем не хуже фирмы Мейсн-Раст. Дело в том, что фирме пришлось нанимать местных рабочих и служащих, так как ее штаб-квартира находится далеко от Сент-Луиса. А вот у фирмы, которая называется Коза Ностра, свои люди есть в каждом американском городе. В Сент-Луисе гангстеры давно свили себе гнездо под легальной крышей местного профсоюза. Этот профсоюз и поставлял людей для фирмы Мейсн-Раст.

Короче говоря, гангстеры оккупировали реконструируемый завод. Под бдительным оком военных представителей Пентагона они вытягивали из него денежки. Этим занимались десятки людей, от гангстеров-вахтеров до гангстеров — производственных мастеров. Начиналось все с фальсифицированных документов о времени прихода на работу и ухода, а кончалось — составлением дутых нарядов.

Местные гангстерские боссы вообще обнаглели. Они зачисляли себя в платежные ведомости под разными должностями и, если судить по их заработкам, трудились день и ночь, не покладая рук. Так, например, Фрэнк Шоулдерс за один месяц «заработал» 2 500 долларов (в два раза больше, чем официальный руководитель всех работ!). Другой гангстер, Уильям Сандерс, получил за семь месяцев более тринадцати тысяч долларов, а его коллега по преступному ремеслу Уильям Спинелли за те же семь месяцев отхватил более четырнадцати тысяч! И таких работничков набралось немало. Помимо личных «заработков» на карманные расходы, они тянули деньги с Пентагона, как могли, и по другим статьям. В этом гангстеры уже набили руку, так как давно вторглись в легальный бизнес Сент-Луиса. В том же духе они «строили» недавно мост через Миссисипи. Участвуя в строительстве моста, местные гангстеры урывали свою долю с частных дельцов, а теперь добрались и до Пентагона.

Итак, можно констатировать, что гангстеры тоже ухитрились присосаться к американскому налогоплательщику непосредственно через доильный аппарат Пентагона. Эту поистине новейшую примету так называемого американского образа жизни нельзя не отметить.

Н. ТОЛЧЕНОВА

...Ты во Пскове

I. ГОРДОСТЬ ВЕЛИКОРОССОВ

Еще в апреле обратилась я к секретарю Псковского обкома партии Георгию Петровичу Веселову с вопросом: как проводится в жизнь, как утверждается в народе известная ленинская мысль, высказанная Владимиром Ильичем в статье «О национальной гордости великороссов». Мысль о том, что, любя свой язык и свою родину, «мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е $^{9}/_{10}$ ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов».

— Можно сказать, что у нас эта работа никогда не прекращалась,— ответил Георгий Петрович.— Идет она по многим направлениям и во многих аспектах. Да и переплетается в ней многое. Сегодняшний день, естественно, вбирает в себя и прошлое и будущее, поэтому сознание нынешнего трудящегося человека, убежденного демократа и социалиста, формируют и «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой», много веков бытующие на псковской земле... Активно формирует его и романтика революции, романтика подготовки к Октябрю, романтика, связанная с именем великого Ленина, который, готовя издание «Искры», более восьмидесяти дней жил в Пскове.

Нового человека, его коммунистическое сознание формирует и героика партизанской борьбы. К примеру, весь Дедовичский район в дни Отечественной войны сохранял в тылу у немцев Советскую власть. Много памятников поставлено героям, любившим землю своих дедов и прадедов, свой язык, свой народ превыше собственной жизни. Истинные это были демократы и социалисты, убежденные патриоты, ленинцы. А то, что мы не забываем о них, оставляет опять же неизгладимый след в душе людей сегодняшних: они чувствуют себя живыми наследниками высоких идеалов.

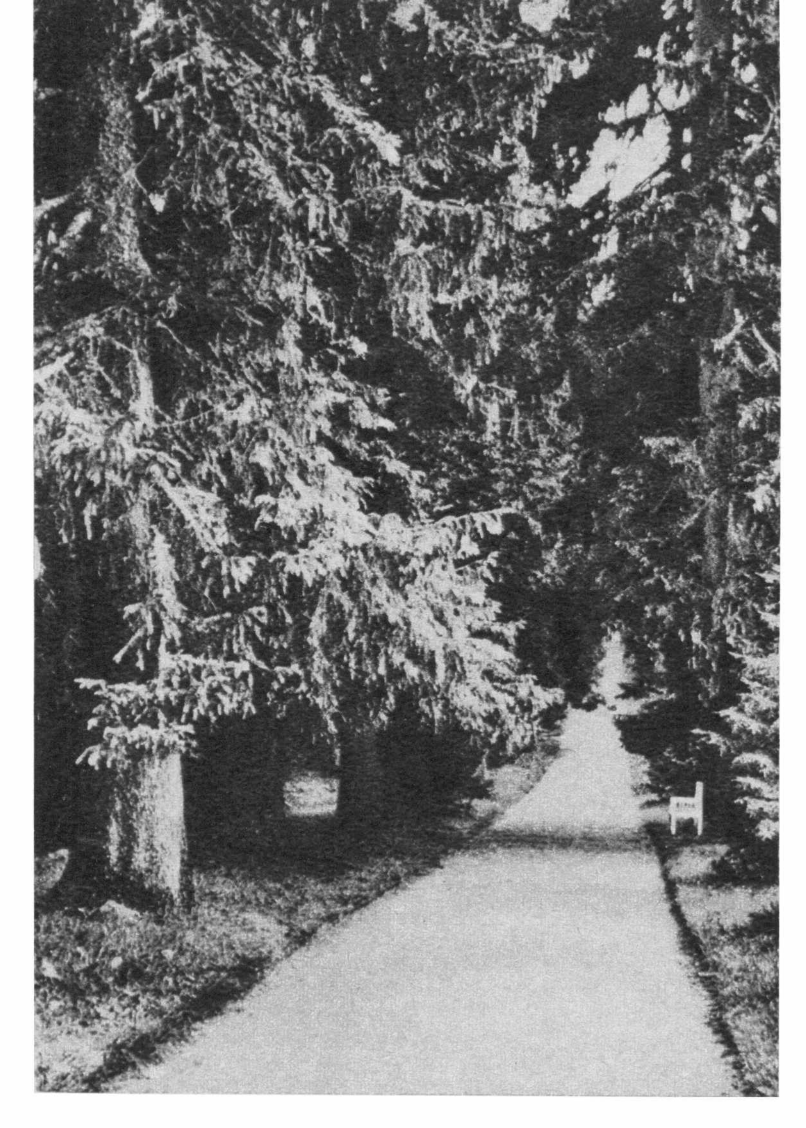
Ну, а сейчас,— продолжает секретарь Псковского обкома партии,— чувство национальной гордости великороссов с особой силой «работает» на дальнейший подъем духовного могущества советского человека. Работает, охватывая, пожалуй, и не $^{9}/_{10}$, а все $^{10}/_{10}$ населения нашей области, от мала до велика: в июне ведь у нас еще и пушкинский юбилей! Торжественная дата, как говорится, «круглая»: сто семьдесят лет со дня рождения поэта. А Псковщина в жизни Пушкина сыграла огромную роль!.. «Ты около Пскова,— писал Рылеев Пушкину,—...настоящий край вдохновения — и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы!..»

Пушкин и впрямь не оставил без поэмы милую его сердцу русскую землю. В Михайловском он написал более ста произведений; среди них «Борис Годунов», центральные главы «Евгения Онегина», «Граф Нулин», «Деревня»...

Вторая мать поэта, русская крестьянка Арина Родионовна силой своей души, своей любви соединила плоть и кровь Пушкина с плотью и кровью родного народа.

Поистине подвиг жизни совершила она, вынянчив и выпестовав Пушкина, а затем подняв его на ноги, когда он, опальный, ссыльный поэт, явился в Михайловское. Опалу, ссылку, тюрьму няня превратила в школу жизни и поэзии.

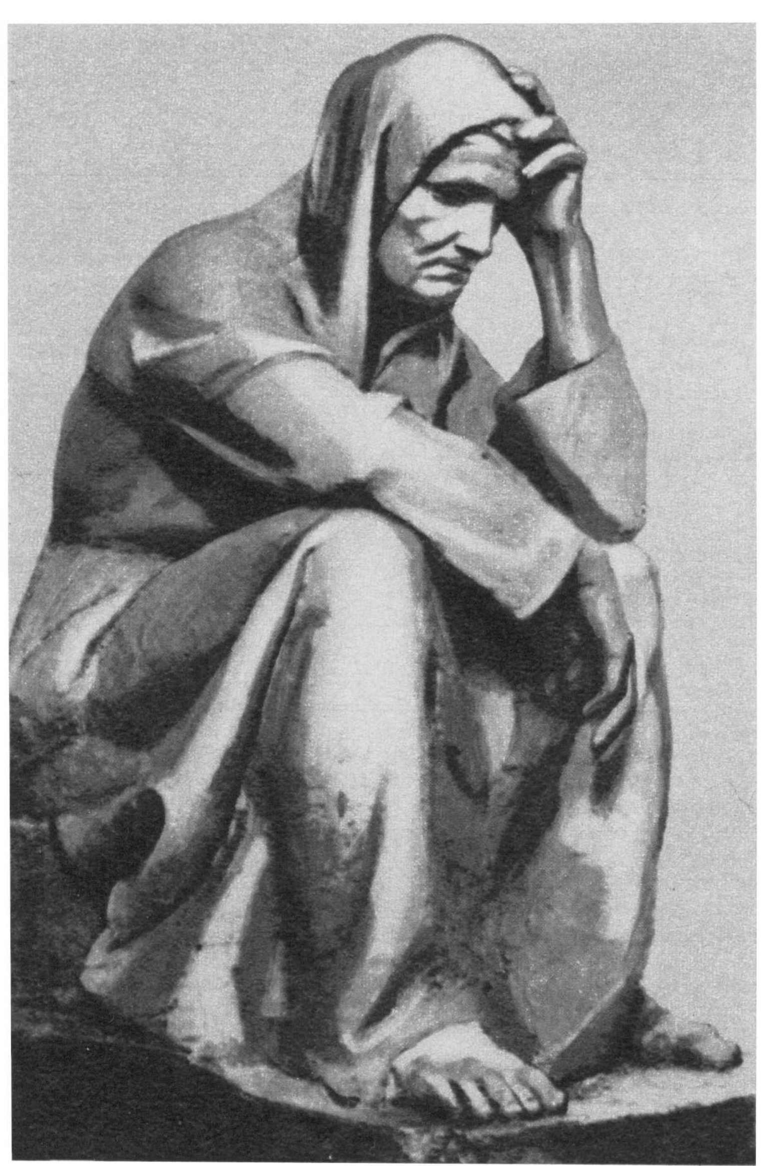
Арина Родионовна физически и духовно укрепила хрупкую нервную натуру Пушкина, обратила его внутренний взор к простому человеку; поэт увидел перед собой не «низшие» существа, не «подлый» народ, а таких же, как он, людей. Закабаленные и обездоленные господами, они не

Еловая аллея в Михайловском...

Л. П. Деримарко, заслуженная артистка РСФСР, и героиня пьесы И. А. Чернышева «Трудное счастье», колхозница Семенова Татьяна Алексеевна, после премьеры.

Памятник русской Матери.

утратили достоинства, не превратились в безликих рабов, сохраняя черты национального русского характера неистребимыми.

«Взгляните,— писал Пушкин,— на русского крестьянина: есть ли и тень рабского уничижения в его поступи и речи? О его смелости и смышлености и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны... Никогда не заметите в нем ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому... Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу...»

В обобщенном, емком портрете русского трудового человека все верно, все метко. Однако же эти смышленые, мирные псковитяне — хлеборобы и лесорубы, камнетесы и плотники,— обороняя от врага родную землю, превращались в ратных людей, грозных воинов. И это свойство тоже воспитывалось веками: белостенные монастыри, златоглавые церкви Псковщины так и строились, как крепости. До сих пор хранит боевые предания знаменитый псковский Кремль, крутым уступом вставший у слияния рек Великой и Псковы. Несказанным величием дышат многовековые башни, оборонявшие Изборск; древние стены Печерской крепости...

Остатки городища Воронич — тоже опорный пункт защиты русской земли в старину — находятся совсем рядом с Михайловским, по дороге на Тригорское. По приказу Ивана Грозного как крепость строился и Святогорский монастырь, где часто бывал Пушкин, где он — по воле поэта — похоронен...

А сколько новых памятников, запечатлевших подвиги партизан, советских воинов, появилось на псковской земле уже в недавние годы...

Разве могли бы мы обойти в нашем краю эти источники дальнейшего духовного роста народа, роста демократического и социалистического сознания?!

Побывайте в районах,— сказал мне Георгий Петрович.— Посмотрите сами.

Так я и сделала.

II. НЫНЕШНИЕ АРИНЫ РОДИОНОВНЫ...

Куда же нам лучше поехать?.. Александр Александрович Разумовский, заместитель начальника Управления культуры, все интересные коллективы области знает не понаслышке и не «по должности». Много лет наблюдает он за ними с любовью и вниманием и хотел бы меня познакомить; но не всюду позволят проехать весенние дожди. Не придется послушать знаменитый ансамбль гусляров Захария Петровича Савельева, дважды награжденного орденом Ленина; не попадем к песенникам «Гдовская старина». Но зато послушаем в Гдовском районе полновский хор; а сегодня же вечером, чтобы не терять времени, отправимся в Печорский район, к Лизавете Федоровне Укатовой. Неистощимая на шутку, песню, сказку, эта старая псковитянка многим напоминает пушкинскую няню Арину Родионовну.

Созвонившись, отправляемся к Укатовой, в Городище, одну из стариннейших деревень Руси. Навстречу нам — до самого горизонта — озимые, набирающие силу, поднимающиеся под весенним дождем; нескончаемые поля, первым пухом покрытые перелески и, наконец, сплошной стеной хвойные леса — темные, островерхие, словно декорация к пушкинским сказкам; такие же сказочные седые валуны по обочинам дороги.

В Городище с нами едет Галина Тимофеевна Ершова, директор Печорского Дома культуры, выпускница Института культуры. У Галины Тимофеевны, которую все зовут Галочкой,— молодой, веселой и общительной,— неистощимый запас рассказов о жизни деревень, мимо которых мы едем. Сейчас в каждой даже самой маленькой деревне по вечерам устраиваются Пушкинские чтения; проводят их учителя, библиотекари, школьники-старшеклассники; многие читают пушкинские стихи и даже прозу наизусть.

Городище — тоже небольшая деревня. Ее темные домики словно нахохлились под дождем. Кажется, ну, кому придет в голову петь в такую погоду, когда на улицу и носа не высунешь!.. Свернув на проселок, Гена Морозов, наш шофер, пробует подъехать к клубу, но первая же встречная женщина что-то ему кричит, выразительно показывая на размокшую дорогу.

Добираемся до клуба пешком, преодолевая канавы, наполненные доверху водой, прыгая по кочкам, перелезая через плетни и изгороди. Клуб — аккуратный деревенский домик — чисто вымыт, окна сверкают; войдя, попадаем в тепло и уют. Гостеприимная хозяйка домика — худенькая, застенчивая Лида Горкина, заведующая клубом,— ахает и всплескивает руками:

— Как же вы доехали-то? А мы уж и не надеялись. Только-только разошлись. Темно стало, так и ждать перестали!..

Галочка Ершова усаживает меня к печке — сушиться, а сама исчезает. Александр Александрович, усмехаясь, говорит:

— Поехала с Геной на хутор: Укатова на хуторе живет.

— О! — восклицает Лида.— Так и я за женщинами побегу! — И хлопает дверью.

Немного погодя в клуб одна за другой начинают заходить прибранные, аккуратно причесанные женщины, почти все пожилые. Лида среди них совсем еще девочка, да вот еще агроном совхоза Клавдия Павловна Бирюкова — моложавая, круглолицая, статная. Остальных старухами не назовешь, да только видно: пришлось им много потрудиться на своем веку... Видно, что и в холодный дождь с ветром — вот как сегодня,— и в снежную бурю, и в палящий зной попадали эти руки, эти лица... Но, вот удивительно, глаза почти у всех остались молодыми, ясными. Войдя, женщины приветливо здороваются. Ни отчуждения, ни неловкости первых минут, а тот самый прирожденный душевный такт, о котором писал Пушкин...

Пока мы знакомимся, в сенях раздается шум, голоса, дверь распахивается, и, словно на сцену, входят улыбающаяся Галочка, победно сверкая глазами, и скромный, как всегда, Гена, где-то в объезд пробравшийся-таки к самому клубу, а с ними Лизавета Федоровна Укатова и ее пожилая родственница.

Кто знал Арину Родионовну?.. Почему можно думать, что Укатова похожа на няню Пушкина? Наверное, похожа только нравом, только русской повадкой, только живым, бойким говором, только добротой и умом, смышленостью и лукавством. Ими так и светится открытое, простое, типично русское лицо, с яркими голубыми глазами. Морщины от них идут, как лучи, во все стороны, будто прорезанные на темной коже острым, тонким ножичком.

Лизавете Федоровне скоро восемьдесят, но поверить в это трудно; разве что вот волосы белым-белы... А вся ее фигура — прямая и ладная, крепкая, речь — быстрая, незатрудненная, находчивая, реакция на обстановку — мгновенная...

— Чего же тихо-то сидите? — весело спрашивает она у подруг, товарок своих.— Чего без меня не поете?..

— Давай споем, Лиза, поди-ка уж вместе с тобой споем,— тоже хитро посмеиваясь, отвечают женщины. Но не поют. Видно, все-таки стесняются...

— Разучились? — поддразнивает Разумовский.

— Ну, научиться этому можно, а уж разучиться никак невозможно! — тут же в рифму, певуче отвечает Укатова.— Пускай-ко вот кто из девочек костюм наденет, я чай, захватили?..

Костюм есть у одной только Лиды. Прямо поверх своего платья она надевает широченную тафтовую юбку колоколом и кофточку навыпуск, в талию. Платок повязывает «повойником», тесно убрав волосы и открыв уши. Укатова помогает Лиде красиво уложить на груди длиннющую витую серебряную цепь с огромной пряжкой впереди. Цепь кажется неподъемно-тяжелой, но, оказывается, легка, будто перышко: так искусно сделана.

— И у вас у всех есть такие? — спрашиваю я.

— У всех, а как же! Только разные...

— Откуда же взяли?

— Да из приданых прабабкиных сундуков... Сохранили вот! Им теперь, как нашей деревне, уж по тыще лет, я чай, не меньше! — уверенно говорит Укатова. И это похоже на правду. Во всяком случае, точно такую же цепь увидела я на стариннейшей иконе «Умиление божьей матери» в одном из псковских соборов.

Нарядившись, Лида сразу становится русской красавицей. И сразу обретает уверенность. «Поднимайтесь-ко, женщины!» — говорит она решительно, и женщины сразу становятся полукругом. Немного поспорили: с чего начать? «Гусарика»,— настаивают одни. «Старика»,— советуют другие. «Лучше давайте «Хохлатку»,— предлагают третьи. И тогда Укатова, взмахнув рукой, запевает что-то свое... Все сразу подхватывают. Поет она уверенно, сильным, несколько резковатым и словно бы надтреснутым голосом, но главное в ее пении вовсе не голос, а внутренняя игра. Укатова да и все женщины не поют, а «играют» песню. И только теперь я поняла, сколько смысла в старинном, теперь уже почти забытом русском выражении: «играть песни».

Укатова играет всем лицом, всем телом: руками, глазами, улыбкой, мимикой. Она притопывает, приплясывает, каждая жилочка в ней «играет».

Моя ута — поплаута,
Мой гус — винорус,
Мой баран — по дворам!..

В Городище сберегли песни свадебные, подблюдные, хороводные, песни грустные и веселые, насмешливые и озорные:

У мово-то мужика
Посконная борода!
Посконная борода
И медвежья похода!..

Сколько же прелести в этой старине!.. Такие-то вот песни и слушал Пушкин: как синица тихо за морем жила, как девица за водой поутру шла... А теперь у ансамбля Лизаветы Федоровны Укатовой появились «соперники». Они тоже будут выступать в Михайловском, на всенародном пушкинском празднике, в день 170-летия поэта. И лишь сейчас я узнаю, что хор Укатовой — лауреат-победитель Всероссийского фестиваля самодеятельности.

— Чего ж было раньше-то хвалиться? А вдруг бы не понравилось? — лукаво замечает Лизавета Федоровна, когда мы в кромешной тьме везем ее на хутор... Лужи из озер успели стать морями; всякий раз кажется невероятным, что Гена сумеет «вынырнуть», но, всякий раз успешно выныривая, он подъезжает к повороту на хутор. И тут Укатова, прямая, с развернутыми плечами, веселая, улыбающаяся, машущая вслед нам рукой, сразу исчезает за сеткой дождя.

III. ТАЛАНТОВ ПОЛНО...

На другой день отправляемся в Изборск. Там перед поездкой в Михайловское репетируют струнные оркестры народных инструментов, певческие хоры и многие другие коллективы. Все посмотреть, со всеми познакомиться — даже здесь, когда все собрались вместе,— и то невозможно!.. В сопровождении Ольги Васильевны Власовой, круглолицей, спокойной, неторопливой в словах и движениях, заглядываем из двери в дверь. У ребятишек, пожалуй, уже угадывается «балалаечный» андреевский вальс, а у взрослых, которыми много лет руководит Павлин Петрович Голубев, этот же вальс звучит покоряюще, со всеми бесконечными своими вариациями, со всеми фортиссимо и пиано...

Сухощавый, подтянутый Павлин Петрович, с волосами, крупно, сильно тронутыми сединой, делится своей мечтой: «подсадить» бы к струнному оркестру еще дудочников да рожочников; может быть, и деревянные ложки пригодятся: в пушкинские-то времена на святогорских ярмарках все это было! И хотя поэт слушал, конечно, не такие народные оркестры, ему все равно были дороги всяческие проявления народного творчества, живое свидетельство неумирающей души народной!.. И Павлин Петрович негромко декламирует пушкинское:

Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака...

— Не у кабацких порогов теперь звучат русские балалайки! И не только трепака умеют играть балалаечники Псковщины...

Заметив среди взрослых оркестрантов девочку в красном щегольском пальтишке, я спрашиваю о ней у Павлина Петровича: будто я видела ее в детском оркестре?

Павлин Петрович согласно кивает:

— Это Валя Башкевич, очень одаренная девочка! В двух оркестрах занимается потому, что бросать ребят не хочет, а способностями их уже «переросла», хотя ей всего одиннадцать. Притом же и в школе отличница. Здесь, в оркестре, у нее вся семья — и отец и дед...

...Прочные «семейные» традиции царят и в коллективе песенниц гдовской деревни Полнá.

До Полны́ едем с приключениями, пожалуй, не меньшими, чем те, которыми запомнилась поездка в Городище. Но тут нас ждут: это воскресный день, а репетировать полновские песенницы хотели начать с утра. Когда мы вместе с инспектором Управления культуры Любовью Никифоровной Соловьевой, оставив машину на шоссе, пешком добрались до Полны́, в клубе было полным-полно: все скамейки в зрительном зале заняты. Но это не зрители. Это знаменитый полновский хор, трижды лауреат.

Без всяких уговоров полновские песенницы вышли на сцену. Полилась широкая, многозвучная и многоголосая песня о Ленине... Поют здесь и старинные: «Не будите молоду раным-рано поутру», «У Катюши муж гуляет» и еще многие другие песни, о которых отзывался с восторгом Пушкин, говоря, что «изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно ими презирают».

Правда, еще и то видел Пушкин, что главное содержание старинных русских песен есть «несчастие жизни семейственной». В песнях «или жалобы красавицы, выданной замуж насильно, или упреки молодого мужа постылой жене».

Изменились времена, изменились нравы, изменилось и содержание песен. А в старинных полновских песнях воскресает век Пушкина...

Мил почаще ходи,
Мне подарки носи!
По шелковому платку
Да золоченому кольцу!..

Под конец немолодая колхозница Анна Семеновна Салакова, невысокая и темноглазая, запевает необыкновенной красоты, высоким колоратурным сопрано «Снеги белы»... Ах, какая же это удивительная песня русская, какие чистые слезы она рождает! А ведь нет в ней вроде бы ничего необыкновенного. И если запишешь только слова, весь аромат уйдет.

Снеги белые, пушистые
Выпадали на моря,
Выпадали на моря,
Покрывали все наши поля,—

жалуется тоскующий женский голос. Ему вторят и более низкие и совсем густые, альтовые:

Одно поле, поле непокрыто —
Поле горя люта моего...
Среди поля, поля есть
кусточек,
Он один да одинешенек стоит...
Он не сохнет, он да и не вянет,
А листочков, ох, да нет на нем...
А я бедна, бедна да
несчастна —
Ох, да все горюю, ох, да
по нему!..

Вот... нельзя это передать; и об этом тоже знал Пушкин, знал Тургенев,— русская песня всегда с «секретом»: надо услышать ее, чтобы полюбить.

По дороге из Полны́ спрашиваю Гену: какой хор ему больше понравился — Укатовой или полновских песенниц?

Гена отвечает:

— Совсем разные. Укатовские — своеобычнее. А эти вроде уж мастера! Одно слово Полна: талантов полно́...

— Разные, спору нет,— комментирует Любовь Никифоровна. — А мастера что те, что эти!.. Мастера, творцы жизни — народ: у них во всяком деле душа!

Права коммунистка Соловьева. И знает, что говорит: она сама псковская крестьянка.

...Именно о живой душе всякого дела, о его великом нравственном содержании думаешь при всех встречах с людьми псковскими... А у меня в Пскове было еще два интереснейших знакомства. Актриса Деримарко Любовь Петровна только что отметила творческий тридцатипятилетний юбилей. А совсем еще юноша Валерий Кучинский, талантливейший руководитель танцевального самодеятельного ансамбля «Юность», показал мне удивительные народные танцы — и свои сольные и коллективные.

Глядя на танцоров «Юности», невозможно поверить, что это танцуют вчерашние крестьянские парни и девушки из псковских деревень! Невозможно поверить и в то, что самобытные, неповторимые танцы, дышащие поэзией пушкинских сказок, созданы Кучинским без всякой посторонней помощи... У него настоящий, большой дар.

...К Любови Петровне Деримарко я пришла в гости; живет она недалеко от Театра драмы имени Пушкина.

— Мало интересных, значительных пьес,— поначалу жалуется актриса.— Спасибо, псковские драматурги выручают. Да еще как выручают-то! «Трудное счастье» на днях пойдет в сотый раз. Для областного города — много! Пьесу написал работник обкома партии Иван Александрович Чернышев.

Героиня пьесы, Татьяна Алексеевна Семенова (в пьесе — Ефимова), не выдумана: это доярка-орденоноска колхоза «Красная заря», Дедовичского района, Герой Труда. Ее жизнь, ее душевную силу, ее трудное счастье и довелось передать актрисе-коммунистке Л. П. Деримарко. Перед тем как сыграть премьеру, она ездила к своей героине в колхоз— знакомиться.

— Я хотела,— говорит Деримарко,— узнать главное у Татьяны Алексеевны: не очень ли мы «драматизовали» ее жизнь? А она сказала, что автор ничегошеньки не «прибавил», наоборот, жизнь была еще сложнее. Но со всеми бедами, утратами, трудностями справилась русская женщина!.. Счастье ее и правда нелегкое, да, видно, легкого-то счастья не бывает. Счастье — всегда победа человеческая, народная победа. Потому-то спектакль будем играть и на земле Пушкина, для земляков Пушкина...

IV. ОТ ТРИГОРСКОГО НА ПСКОВ

В черновом наброске стихотворения «Если ехать вам случится» у Пушкина есть такие строки:

Если ехать вам случится
От . . . . на . . . .
Там, где Л. струится
Меж отлогих берегов...

И лишь недавно ученые-пушкинисты эти строки разгадали:

Если ехать вам случится
От Тригорского на Псков,
Там, где Луговка струится
Меж высоких берегов...

Иного прочтения, очевидно, и быть не может! Тут все сразу стало на свои места, вошло в свои «пазы», все «схватилось» накрепко, как и быть должно. Пушкин действительно ездил дорогой «от Тригорского на Псков», посылал по этой дороге управляющего имением — за почтой и иными «оказиями». Впрочем, за почтой чаще отправляли нарочного в близлежащий городок Остров; в флигельке, где жил управляющий Михайловским, сохранилось пожелтевшее от времени «Расписание, в какие дни из Санкт-Петербургского Императорского Почтамта приходит и в какие уходит белорусская почта с почтовых станций в Острове, Опочке, Новоржеве и Синске»...

А сейчас мы едем от Пскова — на Тригорское и Михайловское.

До Острова дорога пролегает по безлесной, почти плоской равнине, а от Острова, и особенно Святых гор — теперь они называются Пушкинскими,— идет щедро одаренная природой земля, истинно пушкинские по своей поэтической красоте места.

Примчавшись в Остров, Гена молча притормаживает машину на центральной площади, просторной и совершенно круглой. Теперь мне уже известно, что это значит: молчаливый Гена предлагает выйти, постоять возле памятника; не раз уж мы так останавливались... Сейчас перед нами прекрасное в своей строгости изваяние. На гранитном постаменте — высокая, гордая, русская всей своей статью — откинула голову, развернула плечи, сжала пальцы в кулаки юная девушка. Комсомолка Клава Назарова.

Говорят, так стояла она 12 декабря 1942 года посреди этой круглой площади — псковитянка, подпольщица — накануне казни... И умирала, как жила, защищая не себя только и не своих близких, а весь свой народ, весь свой обычай, свой язык, своего Пушкина...

На площади, куда гитлеровцы согнали народ для пущего устрашения, была в те минуты еще одна псковитянка — Мила Филиппова. Были и другие подпольщики, товарищи Клавы. Это им она без слов завещала любить Родину.

Группа Милы Филипповой партизанила почти год. В сентябре 1943 года фашисты схватили комсомольцев, но, казнив, не победили: во главе новой группы разведчиков встала Анна Дзарданова (Демидова)... И снова псковские девушки и юноши передают дальше эстафету национальной и духовной гордости советского человека. Передают новым и новым поколениям великороссов...

Кстати, о нравственных качествах псковитян — об их упорстве, смелости, достоинстве — знал Владимир Ильич Ленин.

Конечно, знал не о Клаве Назаровой, но о ее земляках, а может, и родне ее псковской.

На VII съезде партии Ленин говорил: «Что касается псковских крестьян, то мы привезем их на съезд Советов, чтобы они рассказали, как обращаются немцы, чтобы они создали ту психологию, когда заболевший паническим бегством солдат начнет выздоравливать...»

Вот какую оздоровительную силу несли в себе люди псковские! В советские годы их психология обогатилась еще больше за счет нового, социалистического сознания, за счет высокой демократической культуры, ставшей общенародным достоянием.

...У въезда на территорию Михайловского вновь останавливаемся. Могила Неизвестного солдата.

Есть в ней нечто трогательное, волнующее. Жители сел, окрест Михайловского, не знали человека, погибшего на земле Пушкина. Одно они знали наверняка: человек отдал жизнь, защищая пушкинскую Родину! И поставили на могиле солдата обелиск; в высокой каменной вазе — еловые ветки, белые шарики вербы... Летом дети принесут сюда с полей живые цветы. Оставляют цветы и взрослые люди — тысячи приезжих и сотни тысяч псковитян, идущих с наступлением весны в Михайловское «поклониться Пушкину».

Нынешние «хозяева» Михайловского, пушкиноведы — директор Пушкинского заповедника Семен Степанович Гейченко и его заместитель Владимир Семенович Бозырев,—страстно влюблены в свое дело, в свое призвание. Оба коммуниста долгом жизни считают сберечь для потомков каждую пядь пушкинской земли, каждое дерево на ней, каждую былинку под деревом...

— «Литературная газета»,— говорит Владимир Семенович Бозырев,— писала, что толпы людей «вынуждены» далеко идти пешком, чтобы попасть в Михайловское: к дому поэта нет «подъезда». А мы считаем, что лес и дорога Михайловского тоже заповедны; разве же можно делать тут обычную «автостраду»?!

С давних пор,— рассказывает Владимир Семенович,— у крестьян Псковщины сложилась традиция: навещать также и место захоронения Пушкина — Святогорский монастырь. При жизни поэта там по веснам, «в девятую пятницу», бывали знаменитые на всю Россию ярмарки. Пушкин приходил туда, одетый, «как дома,— по словам его кучера Парфенова,— рубаха красная, не брит, не стрижен, чудно так, палка железная в руках; придет в народ, тут гулянье, а он сядет наземь, соберет к себе нищих, слепцов, они ему песни поют, стихи сказывают!».

Тяготение к народу, к народным привычкам, его платью,— продолжает В. С. Бозырев,— удивляло, даже шокировало иных знакомцев Пушкина. Помните, в «Евгении Онегине»:

...Сим убором чудным
Безнравственным
и **безрассудным**,
Была весьма огорчена
Псковская дама Дурина...

Как и его герой, Онегин, Пушкин подобные «толки презирал». Еще бы! Явись он на святогорскую ярмарку, одетый по-господски, не стали бы ему простые люди на гуслях играть, сказки сказывать, песни петь...

Ярмарки в Святогорском монастыре больше не устраиваются. Зато в Михайловском ко дню рождения поэта ставят множество красивых ларьков, расписных палаток со всякой всячиной. Собираясь «к Пушкину», многие старики и старушки и теперь задолго, чуть не с зимы начинают «запасать» деньги.

Владимир Семенович живет в Пушкинских горах; сейчас он едет туда с нами, чтобы мы зашли в Успенский собор, где — «ближе к милому пределу» — покоится тело поэта...

Над стенами монастыря, над памятником Пушкина неумолчный гомон жизни: птицы вьют гнезда. А внутри собора, великолепно сохранившего черты древней псковской архитектуры, поразительная тишина. Ее хочется слушать и слушать, эту говорящую тишину. В ней отзвуки «Бориса Годунова» и чего-то еще более давнего и близкое, еще совсем живое... Среди немногих экспонатов — простая деревянная дощечка с размашистой, крупной надписью: «Могила Пушкина заминирована. Входить нельзя. Ст. лейтенант Старчеус».

Спасибо тебе, ст. лейтенант Старчеус! И вам спасибо, псковские люди, догадавшиеся сохранить «экспонат»... Снова и снова в нем прошлое, настоящее, будущее переплелись неразрывно, продолжая нравственное воспитание человека.

...В город возвращаемся пушкинским путем: «от Тригорского на Псков». Гена прикрепил в машине, возле переднего стекла, сувенир — крупную еловую шишку... Мы набрали этих шишек на память под могучими елями, видевшими, как бродил Пушкин по берегу озера Маленец...

Вновь я посетил...

Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет.

Гоголь.

Б. ЩЕРБАКОВ

Маленькая станция «Тригорское» на железнодорожной ветке Псков—Опочка. Сейчас уж нет ни станции, ни самой железной дороги, потерявшей свое значение. Но тогда, летом 1935 года, в предрассветный час я вышел на этой станции и, сговорившись с парнем из Новоржева, погрузил на его телегу холсты, этюдник и небольшой чемодан.

Лошаденка трусит мелкой рысцой, телега подпрыгивает по мощенной булыжником дороге. Вдали за холмом синий купол с золотыми звездами и шпиль колокольни — это Святогорский монастырь. Там, у алтарной стены собора, погребен Пушкин.

Здесь каждый поворот дороги, шум сосен над головой, гладь голубых озер, пологие холмы у берегов Сороти — все сопричастно поэзии Пушкина, всего коснулся его гений.

Вот Анастасьевские ворота и лестница из нетесаного камня, ведущая на вершину соборного холма, где скромный мраморный обелиск с надписью: «Александр Сергеевич Пушкин».

Я с трепетом дотрагивался до шероховатых камней ограды.

Живые и вечные свидетели событий.

Невольно вспоминались строки:

Но как же любо мне
Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.

Так все и было, по этим ступеням поднимался в раздумье поэт, и слагались строки, которым дана бессмертная жизнь.

Я поселился в маленькой деревеньке Савкино, на берегу Сороти, между Михайловским и Тригорским.

Пустынно было там в эти годы, но в торжественной тишине «слышнее голос лирный», слышнее шорохи вершин соснового бора, и всплески рыбы в Маленце, и шепот камышей.

Тогда началось мое хождение по пушкинским тропам с этюдником в руках. Начались робкие попытки в живописи передать то, о чем пели онегинские строфы, о чем говорилось с простотой и безыскусственностью необыкновенной во множестве стихов...

* * *

«Вновь я посетил тот уголок земли» лишь через тридцать лет и снова был унесен в мир образов, любимых с детства, снова бродил по знакомым тропинкам, по берегам Сороти, «где светлые ручьи в кустарниках шумят».

Я не мог пройти нескольких шагов, чтоб не вспомнить строки поэта. И «на границе владений дедовских, на месте том, где в гору поднимается дорога, изрытая дождями», и глядя на «холм лесистый», и провожая взглядом уток, с шумом взлетавших из прибрежных камышей.

Вот «пруд под сенью ив густых, раздолье уток молодых», вот вдали виднеется Тригорское. Сколько раз ежевечерне перед Пушкиным открывалась такая панорама. Может быть, уезжая от милых обитательниц этого уголка и оглянувшись в последний раз, он произнес:

Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз!

Все списано с натуры, и все прочувствовано сердцем. Правда жизни слилась воедино с правдой поэзии и образовала тот чудный сплав, который называем мы поэзией Пушкина. Он откликался на всякие явления природы. И «потопленные брега» в пору весеннего половодья, и зимние морозы, и особенно осень, вдохновлявшая на труд.

В этой «глуши лесов сосновых», где так шумно сейчас заявляют о себе толпы туристов, поэт находил спасительное уединение, необходимое для творчества.

Для первых месяцев пребывания Пушкина в Михайловском, начиная с августа 1824 года, характерно настроение, выраженное в послании Н. Языкову:

Давно без крова я ношусь
Куда подует самовластье;
Уснув, не знаю, где проснусь,
Всегда гоним, теперь в изгнаньи
Влачу закованные дни...

Однако уже через несколько месяцев после отъезда родных, оставшись в полном одиночестве, поэт начинает ощущать, что у порога времени, когда «душа стесняется лирическим волненьем, трепещет и звучит и ищет, как во сне, излиться наконец, свободным проявленьем».

И проявление этой великой души было столь ярким и волнующим, что пробудило всю мыслящую и читающую Россию, которая признала Пушкина первым своим поэтом.

Михайловское незаметно превратилось из места ссылки в «приют спокойствия, трудов и вдохновенья». В последующие годы неоднократно возвращается сюда поэт. Общение с природой — одна из самых больших его радостей, здесь «думается стихами», говаривал он.

Человек неисчерпаемого жизнелюбия, общительный и веселый, он бежит из душного Петербурга «и звуков и смятенья полн, на берега пустынных волн, в широкошумные дубровы»...

Стремление это настолько велико, что в 1835 году он дважды приезжает в Михайловское.

Весной в начале мая скачет Пушкин из Петербурга, чтоб лишь четыре дня провести в деревне и сказать обитательницам Тригорского: «Господи, как у вас тут хорошо! А там-то, там-то, в Петербурге, какая тоска зачастую душит меня».

И эти слова произносит самый веселый и светлый поэт русской литературы! Мы знаем, сколь мрачные тучи сгущались над его головой в это время: «Венец терновый, увитый лаврами» уже заготовлен недругами, расставлены сети, чтоб уловить свободолюбие России.

Даже из михайловских рощ, даже в любимую осеннюю пору, когда поэт неизменно испытывал духовные обновления «и с каждой осенью я расцветаю вновь». Этой осенью 1835 года он пишет П. А. Плетневу: «Для вдохновения нужно сердечное спокойствие, а я совсем не спокоен».

Чувство безвыходности все сильнее начинает довлеть.

Мудрые и горькие слова срываются с уст: «На свете счастья нет, но есть покой и воля»,— и мнилось, только в деревенской глуши, среди родной природы можно обрести этот «покой и волю». Увы! Мы знаем, как трагически все оборвалось.

Пушкин немыслим без Михайловского, как Толстой без Ясной Поляны.

Там он непосредственно общался с народом, там его окружала природа, олицетворявшая родину, о судьбах которой болела душа.

Призыву юности, обращенному к Чаадаеву:

Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

Пушкин не изменяет до конца дней. Имя его стало символом торжества света и разума, утверждения человечности!

Поэтому заповедные земли Псковщины, с маленькой усадьбой над Соротью, не просто чудесный уголок нашей Родины, но олицетворение ее души.

Поэт «на темну ель повесил звонкую свирель», и звуками ее полон воздух «владений дедовских».

В тихие часы особенно сильно слышны эти звуки и в перезвоне колокольчиков на лугу Сороти, и в шуме сосен, плотной стеной стоящих над озером, и в молодой поросли, разбежавшейся по склону «лесистого холма»...

Взаимное проникновение жизни в поэзию и поэзии в жизнь.

Наверно, поэтому и тянет нас на берега «сих молчаливых вод», где в тишине летнего вечера так ясно слышен голос поэта, где перед глазами встают одна за другой картины русской природы, такие знакомые и давно любимые.

Поэтому, наверное, и мне с юных лет мечталось создать пейзажи, увиденные в свое время глазами поэта, остановиться там, где останавливался он.

Попытаться передать мотив, состояние, настроение, перекликающееся с какими-то строками Пушкина.

Проходят годы, дни, «и каждый час уносит частичку бытия», а мы не перестаем любить своего поэта, певца простой, не очень эффектной, но любезной сердцу русской природы, и пророческими кажутся слова Тютчева, обращенные к Пушкину:

Тебя ж как первую любовь,
России сердце не забудет.

* * *

...Многогранен гений Пушкина. Мои скромные попытки языком живописи сказать о той природе, среди которой жил поэт, далеко не завершены. После двух с половиной лет работы над пейзажами Михайловского я отправился в Молдавию. Я посетил места, где остался след Пушкина. Был в более чем скромном домике, предоставленном Пушкину по приезде его в Кишинев, и в доме, в полуподвале которого была масонская ложа. Сохранилась церковь, куда по указанию генерала Инзова Пушкин обязан был являться в часы богослужений. Главное же, конечно, природа и исторические места, позволившие поэту в свое время сказать, что Молдавия «славой русскою полна»...

Б. Щербаков.

«ПОТОПЛЕННЫЕ БРЕГА».

«ПРУД ПОД СЕНЬЮ ИВ ГУСТЫХ».

Б. Щербаков. ПУШКИН В МИХАЙЛОВСКОМ.

Б. Щербаков. ЗДЕСЬ ПУШКИН ПОГРЕБЕН.

ВЕЧЕРНИЙ ЧАС. ВДАЛИ ТРИГОРСКОЕ.

Михаил АЛЕКСЕЕВ
Рисунки И. ПЧЕЛКО.

ТРАКТОРИСТКИ

В студеное январское утро 1942 года Феня с маленьким Филиппом Филипповичем — против ожидания у нее родился сын — перебралась в районный центр, поселилась у знакомой старухи, дальней материной родственницы, известной почти всему Завидову под именем тетеньки Анны (кто бы ни приезжал в район по делам, обязательно перед тем, как отправиться в обратный путь, остановится у тетеньки Анны и побалует себя чайком). Старая изба, притулившаяся на окраине большого поселка, для завидовцев давно уж стала вроде Дома колхозника, с тою лишь разницей, что тут не надобно было платить: тетенька Анна не брала с постояльца ни копейки, разве что ведерко картошки кто подкинет — она и тому рада-радехонька. Трех сыновей проводила тетенька Анна на войну, об одном получила похоронную, наплакалась досыта, а теперь уж не плачет, только вздохнет долго и прерывисто, помолится, попросит о чем-то пресвятую богородицу и опять примется за дела, которых теперь прибавилось: нужно было «простирнуть» Филипповы пеленки, просушить, прогладить их, скипятить молока (мать давно отняла от грудей, да и откуда в них взяться молоку — работа мужская, не бабья, все жилы вытянула, всю кровь высосала, шуточное ли дело, всякий день двадцать верст сюда да столько же обратно, то пешком, то на энтих зас...ных бычишках, давно бы перебралась на зиму-то ко мне, и мытыса, вот она, рядышком, ходила б и ремонтировала эти трахтуры проклятые. Эх ты, Хитлер, Хитлер, анчихрист ты нечистый, и какая только сучища тебя на свет породила на нашу-то голову!). По ночам, лежа на жарко натопленной печи, тетенька Анна все ворочалась да вздыхала. Феня как-то посоветовала ей:

— Что ты все вздыхаешь, тетенька Анна? Лучше бы поплакала: легче же будет, от сердца-то отвалит...

— Нет уж, доченька, погожу. У меня на войне еще два сокола. Поберечь слезы-то материнские надоть...

Потрясенная и самими этими словами, и тем, каким спокойным, ровным голосом они были сказаны, и тем, что старая эта женщина приготовляла себя к худшему и как бы загодя распределяла душевные силы свои, чтоб хватило их на всю войну, но более того тем, что сердце тетеньки Анны не закаменело, не ожесточилось, как это нередко бывает, когда человек замыкается в себе после первого страшного удара судьбы, а было по-прежнему добрым и отзывчивым на чужую беду,— потрясенная всем этим, Феня не смогла заснуть до самого утра, хотя все тело было разбито тяжкой работой.

Ремонт тракторов приходилось делать, по сути, во дворе, при лютой стуже,— не назовешь же помещением длинный навес с крышей без стен! Под открытым небом, верно, было бы лучше: не свистели, не завывали бы по-волчьи, не лютовали бы сквозняки. Чтобы установить в разобранном тракторе малую деталь, то и дело приходилось снимать рукавицы или вязаные шерстяные варежки, и тогда пальцы прикипали к седому от мороза металлу.

Теперь-то женщины наловчились: присосется палец к подшипнику ли, к клапанам ли, к заводной ли рукоятке, они подышат на него, отогреют и вызволят таким образом из ледяного капкана. А первое время вгорячах испуганно отдергивали руку и на железках оставляли куски живой кожи. Обожженная страшной болью, долго прыгает тракторист в юбке возле растелешенной машины, трясет по-ребячьи пострадавшей рукой в воздухе либо так же по-ребячьи дует на руку, на пальцы, пытаясь угомонить, утишить боль. Умывшись слезами, вновь принимается за дело, что-то ковыряет то ключом, то отверткой, то плоскогубцами в тракторовых внутренностях, а опыту-то вот столечко, сделает, глядишь, не так, придет бригадир, забракует всю работу, начинай тогда все сызнова. Ему, бригадиру, что?.. Сидит в теплой курилке, караулке, значит, в компании других «бронированных» над картой боевых действий и судит-рядит о войне, генерал несчастный. А девчата мерзни тут, мучайся. Иногда Феня не выдерживала; видя, как ее подруга Маша Соловьева мается одна, подбегала к ней, подсобляла, как могла, а когда и вдвоем не могли справиться, врывалась в караулку, набрасывалась на бригадира:

— Ты... Тишка, долго будешь тут? А ну, марш к девчатам, грыжа вонючая!..

Тишка не на шутку струхнул, подхватился и мигом оказался возле девчат и солдаток.

— Ну что, девоньки, приозябли?.. А нука, комсомолочки, дайкося я погрею вас!..

Встав на одну правую ногу, а вторую подняв и отведя в сторону, Тишка по-кочетиному, боком, боком подходил то к одной, то к другой, толкая трактористок в плечо, в бок.

Девчата, однако, не приняли заигрывания, зашумели на Тишку, обозвали разными нельстивыми словами, а в довершение свалили в сугроб, расстегнули ватные штаны и насыпали в них сухого, как песок, жгуче холодного снега, так что пришлось бригадиру вновь бежать в караулку и отогревать место, особо чувствительное к холоду. Девчата же долго хохотали и от хохота собственного малость даже угрелись и дружно принялись за дело. Тишка вышел к ним вновь и теперь был несокрушимо серьезен и подчеркнуто суров в отношении молодаек. Те приняли его личину, подстроились к ней с поразительной быстротой и точностью. Одна за другою подзывали к себе, чтобы получить толковый бригадирский совет. Отовсюду слышалось:

— Тиша, родненький, кольца чтой-то не подходят.

— А у меня карданный вал...

— Тиш, глянь, ради Христа. Смотрю в эту схему, а ничегошеньки-то в ней не смыслю. Помоги, не гневайся на меня!

— Тимофей Петрович, ты б отпустил нас на денек домой в баньке попариться, шоболы постирать. Обовшивели мы тут вконец! Не девки, а бабы-яги сделались, глазыньки бы не глядели на всех нас. А у Феньки дите малое, дал бы ты ей передохнуть!

Тишка важничал. Ему отродясь не приходилось начальствовать над людьми (даже собственная жена ни во что не ставила его), с тем большим удовольствием делал он это сейчас, нечаянно вознесенный на бригадирский престол. И этот новый обязывающий пост, и отсутствие душеприказчика Пишки, да и не в последнюю голову нуждишка, быстро поселившаяся по всем подворьям и не обошедшая своей немилостью его дом,— все это, объединившись, вернуло Тишку на какое-то время в лоно малочисленного племени завидовских трезвенников. Махорка осталась для него единственной усладой: цигарка размером в добрый мужицкий палец не покидала его рта, кажется, ни днем, ни ночью, так и висела, приклеившись к нижней губе, оттянув ее книзу и обнажив синие, с редкими желтоватыми зубами десны. С тлеющей цигаркой во рту подходил он и к трактору, совался иной раз туда, где сочилось горючее, и женщины испуганно выдергивали у него папиросу, бросали в снег и торопливо затаптывали.

— Это же керосин, дуры! Разве он от папиросы загорится! — говорил при этом Тишка и начинал строго отчитывать иную: — Што же ты, шалава, трубку-то не продула? Ай не видишь, что засорилась?!

— А ты сам продуй! Губы-то толстые... можа, останутся на энтой медяшке!

Как ни торопились с ремонтом тракторов женщины, до весеннего разлива все-таки не успели. Весна в том году на Саратовщине тоже, видать, торопилась и упредила эмтээсовцев. К концу февраля уже явственно чуялось первое ее дыхание. К полудню с соломенных крыш начинала ниспадать капель, образовывая на потемневшей наледи крохотные лужицы, в которых — сперва напившись — уже пробовали купаться воробьи. Встопорщив перышки, они по-мальчишечьи барахтались в прозрачной водичке, чулюкали, оживленно говорили о чем-то на своем воробышкином языке; накупавшись и наговорившись, улетали к конюшням, бойко копошились в теплом, долго не замерзающем навозе. По всем подворьям забеспокоились куры; громко квохча и кудахтая, они приглядывались к хлевам, к сараям, к чердакам, загодя примечая, где бы вскорости положить яйцо; в предчувствии праздничной поры пребывали и кочеты: пламенно-оранжевые, серебристые, жгуче-черные, с еще не совсем зажившими прихваченными морозцем гребешками, бойцовски оттопыренными шпорами на длинных чешуйчатых ногах, они величественно, в сознании безгра-

---

Глава из романа «Ивушка Неплакучая». Полностью это произведение будет опубликовано в журнале «Молодая гвардия».

ничной своей власти расхаживали среди собственных гаремов, ревностно оберегая их от внезапного вторжения нахальных соседей. Время от времени — чтоб покрасоваться, что ли,— петухи взлетали либо на плетень, либо на крышу хлева и, встряхнувшись, околесив шею, громогласно возвещали миру о своем земном существовании и для того еще, чтобы соседские кочеты не заблуждались относительно того, что их может ожидать в случае, ежели б им вздумалось наведаться на чужой двор. Скотине же сделалось совсем невтерпеж стоять по хлевам и закуткам, коровы и овцы норовили убежать либо на колхозный двор, либо к соседскому стожку сена, более чем наполовину скормленного; что же касается коз, то их и вовсе никакие плетни, никакие ворота удержать не могли; можно было видеть, как то на одной, то на другой крыше, на самом ее коньке, неподвижно стояло некое бородатое, куцехвостое существо, четко прорисовываясь на как бы заново подсиненном полотне небес; человек может приблизиться к избе, раз и два обойти вокруг нее, измерить глазами высоту от земли до крыши, но так и не отыщет ответа на вечный, всякий раз встающий перед сельскими людьми проклятый вопрос: «Как ее угораздило (или его) взобраться на такую вышину?» В задумчивости человек еще раз запрокинет голову, встретится с устремленным на него с крыши бесьим, чуть прижмуренным глазом, непременно матюкнется и уйдет восвояси. Тут бы и надобно вспомнить про весну, о приближении коей бессловесные существа почему-то догадываются намного раньше, чем человеки, и ведут себя соответственно неповторимой этой, загадочной поре года, когда не то что на крышу, но, понукаемый неведомой, горячей силой, внезапно поселившейся в крови, кажется, взлетишь и на самое небо.

Хоть и купались воробьи в первых лужицах, хоть и важничали пуще прежнего кочеты, хоть и взбрыкивали сверх положенной им нормы козы, хоть и свисали поутру красноватые от соломы рубчатые сосульки, хоть и вторглось что-то неизъяснимо волнующее в затрепетавшее, сладко сжимающееся сердце, никто в Завидове по-настоящему-то не верил в столь раннее приближение весны. По прежним опытам завидовцы знали, что и в середине марта, не то что в феврале, может еще завьюжить, завихрить, да еще и морозы могут приударить ночью и под утро так, что не хватит дневного солнышка, чтобы растопить, разрушить ледяную твердь: не без боя отдает зима свои рубежи, она еще постоит за себя, подметет все на гумнах и в закромах раньше, чем двинется в общее отступление.

И все-таки на этот раз люди ошиблись. Может быть, потому, что война, сделавшись хозяйкою на огромной части планеты и будучи сама по себе явлением совершенно противоестественным для здравого смысла, которым в высшей степени обладает природа,— может быть, война ввела свои нормы, свои порядки, вмешалась дерзко и злобно и в законы природы? Как бы там ни было, а весна 1942 года пришла нежданно-негаданно быстро, и в начале уже марта по оврагам, балкам и дорожным колеям побежали стремительные потоки воды — сперва хрустально-прозрачной, затем все более мутнеющей и под конец оранжево-желтой. Львиный рев стоял у плотин, в тесных проранах рек, в сваях у мостов и всюду, где вода встречалась с каким бы то ни было препятствием. В одну ночь вскрылись реки. Крошечная и безобиднейшая летнею порою Баланда, путь которой прослеживался лишь по омутам, соединенным чуть шевелящимися, невидимыми в камышах и талах ручейками, сделалась неузнаваемой. Пушечным грохотом заявила она о себе, когда с гор, лесов и лугов под толстую кромку льда у ее берегов хлынули ручьи и, скопившись, резко подняли полутораметровую толщу льда, разломали его на части и понесли вниз по течению. Теперь, если б зима и собралась со всеми своими последними силами, то не смогла бы уж ничего поделать: весна, черпая свою мощь в подвигающемся где-то далеко позади лете, как наступающая армия из глубинного неиссякаемого резерва, бесстрашно двинулась вперед, и теперь для нее сам черт не брат. Вешние воды не могли поместиться в русле реки. Баланда вырвалась за свои пределы, в несколько часов распространилась на много верст окрест, затопила ближайшие луга, леса и даже селения. Захваченное врасплох Завидово оказалось по окна в воде в низинной своей части — в Поливановке, на Хуторе и на восточной окраине. Село огласилось криками людей — всполошным визгом женщин, блеянием и ревом овец и коров, жутким, леденящим душу воем собак, кудахтаньем кур, тотчас же оказавшихся на крышах изб, хлевов, поветей и сараев; по затопленным улицам поплыли первые лодки с домашней поклажей — это низовские вывозили свое добро к знакомым и родственникам, избы коих были на возвышении и не затоплялись. Коровы, овцы, свиньи и козы добирались до сухого места вплавь и, едва ступив на твердую землю, всем скопом устремлялись на первый по пути двор и жадно набрасывались на дармовой корм; вкусив хозяйского кнута или дубины, покидали это подворье и сейчас же всем сроднившимся за зиму стадом штурмовали следующее — и так до тех пор, пока не насытятся и не улягутся на пригретом солнышком бугре, целиком отдавшись блаженно-дремотному занятию — пережевыванию жвачки, или серки, как говорят в Завидове.

Всякую весну низовские несли определенный урон в своем хозяйстве и, поселившись в Поливановке, на Хуторе ли, сознательно шли на такую «втрату»: наступившее вслед за весной лето сторицею возвращало им понесенные потери — заливные огороды и сады приносили двойной или даже тройной урожай против того, что получали завидовцы верховские. Если к тому еще взять в соображение то обстоятельство, что в двух шагах от низовских находятся луга и лес, то Поливановка и Хутор по главной сути своей более всего соответствовали названию самого поселения — Завидово.

Основание Поливановки положил Артем Платонович Григорьев, прозванный Апрелем как раз за то, что именно в этот месяц его изба — в ту пору единственная — всякий раз погружалась по грудь в студеные вешние воды с понятными для всех людей последствиями. В первые-то годы его в глаза и за глаза называли сумасшедшим, но затем присмотрелись, примерились, взвесили, что к чему, и примолкли: не такой, оказывается, он дурак, этот их длинноногий Апрель! Помимо огорода, на полметра покрытого плодоноснейшим илом, помимо лесных и луговых пастбищных угодий, как бы просившихся на его двор, по весне прямо перед окнами Апрелевой избы возникало еще одно пастбище, не менее прибыльное,— рыбное. Пока жена и дети переправляли на сухое место худобу, сам Апрель плавал на челноке перед окнами, на задах, за хлевами и одну за другой расставлял связанные за зиму или починенные сети, а по канавам, на быстром течении,— вентери и верши: знал рыбак, что в самый разгар половодья встречь бурным потокам двинутся метать икру щука, жерех, сазан и язь, а по спокойным плесам пойдет пастись лещ.

Нынешняя необычайно скорая весна не застала врасплох, пожалуй, одного лишь Апреля. Всю ночь, пока ломался, трещал, ухал и охал лед на реке, он просидел с сыном Егором над рыбацкими снастями — проверял сети, вентери (не погрызла ли мышь на чердаке-то), отлаживал, ощупывая прутик за прутиком, верши, заклеивал дырки в резиновых сапогах. В первый, второй и третий день не выплывал на лодке, а все смотрел в окно на воду, что-то там выслеживал, ждал чего-то. И лишь на четвертый день, при виде того, как на спокойном зеркале воды во все стороны побежали пузырчатые строчки, обозначившие подводный ход леща и крупной густеры, старик встрепенулся. Мало кто из завидовцев мог видеть его в такую минуту, а ежели б увидал, то не признал бы Апреля. Медлительный в движениях, в речах, в делах на огороде и у себя дома, по хозяйству, более всего любивший пословицу относительно того, что тише едешь — дальше будешь, сейчас Апрель был действительно неузнаваем. Весь он как-то напряженно вытянулся, нескладная фигура неожиданно обрела стремительную легкость гончей, почуявшей близость добычи, задышал он чаще, даже из ноздрей вымахивал горячий дымок. В один миг собрал снасти, и вот уже выгребал со двора в сад, ставил там одну сеть, от первой тянул далее вторую, третью, а вентери и верши увез в лес, к Кривому озеру, где было много вымоин, образовавшихся от старых дорог, углубленных полою водой и превращенных ею в небольшие овражки,— там теперь бесновалась щука. Лес на такую пору представлял собою зрелище редкостное. Деревья, как ранние купальщики, по грудь забрели в воду и вздрагивали то ли оттого, что озябли, то ли от страха, что могут утонуть вовсе, то ли от льдин, покинувших берега Баланды и теперь беспризорным стадом разбредшихся по всему лесу, тыкаясь в стволы осины, пакленика, вяза, ветлы, карагуча, дуба. Каждое дерево вело себя при этом по-своему. Осина и без листьев тряслась, точно в лихорадке, тонкими вершинными ветвями, жалобно постанывала; пакленик резко и низко нагибался, а затем со свистом принимал прежнее положение и тотчас же умолкал; вяз, ежели он был молод, чуть пригибался влево ли, вправо ли, уступая льдине дорогу, лениво помахивая тонкими и гибкими ветками, как бы желая страннице доброго пути; карагуч лишь недовольно шуршал своею шершавой, плохо выдубленной шубой; по дубу же и вовсе нельзя было определить, касаются ли его плывущие там и сям чки[1] — гордые, величаво-спокойные и независимые, стояли они посреди моря, будто знали, что оно, море это, временное и что роптать, собственно, нечего, а надо набраться терпения недельку-другую — всего-то и делов. Вода уйдет, куда ей полагается уйти, а дубы останутся на своих местах, не будут торопиться и с листвою — пускай это сделают ветла, осина, тополь, а дубу-то зачем спешить, когда в запасе у него вечность? На сухих осиновых стволах вовсю трудились дятлы — рассыпчатый

[1] Чка — местное название льдины.

треск слышался по всему лесу, сливаясь с русалочьим криком сорок, торопившихся со строительством своих мудреных гнезд; пестрое, перевернутое отображение дятла виделось где-то глубоко в тихой прозрачной воде, и мнилось, что дерево о двух вершинах и растет одновременно вверх и вниз, а плоскость воды — место, откуда начинается этот рост.

Если б у Апреля было время, если б хоть на минуту он занят был не своим рыбным промыслом, он, верно, обнаружил бы, что плывет не один, а под его лодкой точно такая же лодка и на ней точно такой же Апрель, только стоит вниз головою на опрокинутой лодчонке и почему-то не тонет. Но старику было не до лесных сказочных красот. Дела земные заботили его. Пятую и, сдается, самую большую щуку вбросил он сейчас в свое корыто и, расправляя запутанные ячейки снасти окоченевшими, непослушными пальцами, косится глазом на рыбину, раскрывшую страшную свою зубастую пасть и, кажется, собирающую остаток сил, чтобы взвиться вверх и попытаться вырваться в родную стихию. И, может быть, ей бы удалось это, да упредил Апрель. Он вовремя разгадал замысел хищницы, наступил на нее резиновым сапогом, а когда управился с вентерем, совершил еще одно злодейство — о борт лодки переломил щуке шейный позвонок, сказав при этом в свою редкую седую бороду: «Что, успокоилась? Давно бы так-то...» На обратном пути проверил сети, а в полдень пришел в правление колхоза, обождал, когда председатель остался один, сообщил таинственно:

— Улов у меня ноне, Левонтий!

— И большой?

— Да как тебе сказать... Подходящий.

— И что же ты собираешься с ним делать?

— С кем? — не понял Апрель.

— С уловом. На базар али тут откроешь торговлю?

— Не обижай старика, Левонтий. Ай позабыл, какое время теперь? С какими бы это я глазами продавал рыбу нашим солдаткам? Чай, не злодей. И пришел я к тебе с просьбой: забирай весь улов и отправляй в МТС девчатам. Голодают, слышь, они там. И прозябли все. До Панциревки-то я лодкой рыбу переправлю, а там уж пущай твой Павлик попросит у председателя ихнего лошадь, отвезет в район.

— Спасибо, Артем Платоныч! Ты вот что. Займись-ка этой рыбой всурьез. Возьми Егора своего да моего Павлушку в помощники, и ловите на здоровье. Сев скоро, надо ж будет бабам чтой-то в приварок. Мяса не будет, уйдет оно все, как есть, на фронт, красноармейцам. Так что выручай, Артем. Трудодни будем вам писать.

— Рыбу ловить буду, а трудодней мне лишних не требуется. За огороды ставите две палочки — ну, и довольно с меня. Все одно на них ни хренинушки мы не получим, чего уж там. Давай твоего Павлушку. Кажись, он у тебя смышленай парнишка.

— Ничего. С головой шкет,— с тихой отцовской гордостью подтвердил Леонтий Сидорович.

— Известное дело, в Угрюмовых,— польстил еще более Апрель.

Леонтий Сидорович просиял внутренне, но виду не подал, сказал озабоченно:

— Сообщил мне ноне Тишка: ремонт завтра они заканчивают, а вот как пригонишь тракторы? Мост у Панциревки под водой, а половодье схлынет, сам знаешь, недели через две, а то и две с половиной. А в поле можно выезжать хоть завтра: снега и в оврагах-то осталось чуть-чуть.

— А через Гайку да бугром, полем?

— Гайка тоже не сошла. Мост там и вовсе порушен.

— Вот что, председатель, повезем мы с Павлушкой рыбу, пощупаем у Панциревки шестом, глубоко ли остался под водою мост, можа, трактору по брюхо толечко будет, тогда...

— Нет. Опасная это штука. Лучше подождать.

— А земля просохнет, и оставим мы голодными и солдат на фронте и своих детей,— сказал Апрель, тяжело глядя на Леонтия Сидоровича.

— Что же делать? — развел руками тот.

— Подумать надо. Я ж говорю — промерим глубину, и там видно будет.

К Панциревскому мосту они приплыли втроем: Апрель, Леонтий Сидорович и Павлик — и один за другим, по очереди, сокрушенно свистнули: не видно было не только нижней, проезжей части моста, но и его перил, о последних можно лишь догадываться по водяным бурунам, вскипающим слева и справа на одной линии, да по четырем глубоким воронкам, жадно захватывающим разный хлам и мгновенно проглатывающим его,— там, поближе к правому и левому берегам. Река успела уже наработаться всласть, у кромки ее, по ту и эту стороны, вздымались клубы желтоватой пены, как в пахах загнанного рысака, а немного выше дыбились кучи мокрой, черной и тяжелой куги, пахнущей глубинной водяной сыростью, рыбой и лягушатником. Панциревские ребятишки прыгали на ней, как на резине, и радовались странному, неожиданному ощущению. Апрель не мог не заметить и двух мужичков, промышлявших у омута наметками нерестившуюся на его отмелях красноперую плотву. Руки его непрошено вздрагивали, в груди накапливалась нетерпеливая ревность рыбака, лишенного возможности немедленно присоединиться к тем двум. И Апрель был даже рад тому, что первые закидки у мужичков получились холостые, а за последующими — чтоб не теребить душу — он не стал уж следить. Сказал с притворной и поспешной, выдающей его с головой озабоченностью:

— Ничего, пожалуй, не получится, Левонтий. Не пройдут тракторишки.

— А я о чем тебе калякал? — буркнул тот.

Они перебрались на панциревский берег, раздобыли подводу и отправили Павлика в район — угостить трактористок свежей рыбой. В правлении малость поговорили о том о сем с местным председателем, а часом позже вернулись в Завидово.

Не успел пообедать — зовут в правление, к телефону. Знакомый скрипучий голос:

— Что думаете делать с отремонтированными тракторами?

— Подождем малость, Федор Федорович. Вот вода чуток сойдет.

— А не опоздаете с севом?

— Не должны.— В голосе Леонтия Сидоровича не было, однако, уверенности. Это уловил Знобин и еще более скрипуче прокричал в трубку:

— А вот твоя дочь не хочет ждать!

— Дура она, моя дочь,— в сердцах молвил Леонтий Сидорович.

— А говорят, она в тебя,— насмешливо прозвучал где-то надтреснутый голос.

— Стало быть, и я дурак. Только не простой, а старый. Известное дело, яблоко от яблони...

— Ну, ты вот что, друг, не сердись. И пословица твоя мне известна, только она тут ни при чем. Скажи лучше, что будем делать? А точнее — что ты собираешься делать? Трактора-то час тому назад выехали.

— Как... выехали, куда?! — испуганно закричал Леонтий Сидорович.— К... куда?

— К тебе, к тебе, председатель. И, пожалуйста, без паники. В мирное время она плохой помощник, а в войну и подавно. Ты вот что: наскреби-ка с десяток стариков и поспешай с ними к Панциревскому мосту. Я бы и сам подскочил к вам, да в область вызывают. Боюсь, как бы вас всех подчистую у меня не забрали. Девчатам своим скажи, чтоб особенно-то не рисковали. Теперь каждый трактор на вес золота. Ну, успеха вам! Ночью позвоню из Саратова. Бывай!

Повесив трубку, Леонтий Сидорович некоторое время стоял в тяжкой задумчивости.

«А ведь это она надумала — Фенька. Ну, постой, запорю сукину дочь! И Тишка, ему у баб не бригадиром, а подстилкой быть. Тряпка!»

Нахлобучив шапку, председатель быстро вышел на улицу. У крыльца еще постоял, решая, кого бы первого потревожить. Ну, конечно, дядю Колю, тем более что он и сам вот подвернулся, вышел из школы, после очередной, видать, своей лекции. Только бы не пьяный! Да нет, кажись. Вроде бы тверезый. Впрочем, издали-то и не поймешь. Надо покликать.

— Что случилось, председатель? — подойдя, спросил дядя Коля.

— Слава богу, не принял...

— Ты это о чем, Леонтий?

— Трезвого вижу, вот и возношу хвалу всевышнему.

— А-а,— протянул дядя Коля и пояснил: — Не до выпивки теперь. Ты зачем меня звал?

— Девчата трактора гонят. Позови Апреля, Тихана, еще кого там и живо к Панциревскому мосту. Апрель доставит вас всех. Я сейчас туда двинусь. Уже вечереет. А их нелегкая понесла! Успеть бы до темноты.

Четыре колесных трактора — один «Универсал» и три СТЗ — медленно двигались по разбитому, раскисшему грейдеру, сплошь почти залитому взбаламученной тракторами и автомашинами водою. Первым шел «сталинградец» Фени, а замыкала малую эту колонну машина Степаниды Луговой. Рядом со Стешкою, на крыле, примостился Тишка. Маша Соловьева пристроилась в хвост Фениному трактору и старательно держалась его колеи, тотчас же заливаемой водой. Когда на дороге попадались ямы, седловины, наполненные водою, и машина погружалась по брюхо, Маша страстно умоляла свой трактор: «Миленький, родимый мой! Не подведи, не остановись посередь этой проклятой лужи — пропаду я, ни за что не заведу, а просить Феньку стыдно будет... Миленький, ну, ну, ну, давай, давай!» — Маша невольно отрывалась от сиденья, приподымалась на ноги, и так вся напружинивалась, будто помогала трактору, будто ему легче становилось, при этом газовала так, что машина чертом выскакивала из ложбины, выбросив в небо черные султаны вонючего, неперегоревшего дыма.

К Панциревскому мосту подъехали еще засветло. Но уже синее, пока еще прозрачное, покрывало сумерек повисло окрест. Вспугнутое ревом моторов, полчище грачей поднялось с ближних старых ветел и носилось в воздухе; в чистой, почти спокойной воде омута заметались черные тени. Где-то в лесу, сплошь залитом водой, раздался ружейный выстрел. Оттуда тотчас же взвилась высоко в небо станица чирков, издали похожая на облако, и минутою позже с тонким режущим темнеющий ситец небес свистом пронеслась над мужиками, вышедшими из Завидова навстречу трактористкам. Дядя Коля не удержался, чтобы не дать оценки в общем-то пустячному этому событию:

— Архип Колымага пуляет, жирный кобель. Не в чирков бы ему палить. Есть теперь иная дичь. Туда б его!

— Дойдет и до него очередь,— глухо сказал Леонтий Сидорович, вспомнив про разговор недавний с секретарем райкома. Увидав, что дочь его уже подъехала к мосту и приноравливается с ходу перемахнуть по бушующему потоку на этот берег, закричал хрипло и страшно, не своим, испугавшим всех голосом: — Фенька, остановись!

Однако Феня едва ли смогла услышать голос отца, а если и слышала, то все равно ничего уж нельзя было изменить. Сотни раз проезжала она прежде по этому мосту, отлично знала его очертания; приглядевшись хорошенько с бугра, она сейчас даже отчетливо увидела под водой низенькие его перила и поняла, что вода может доходить лишь на высоту передних колес и, стало быть, до свечей не достанет, и мотор не заглохнет. Знала Феня и про другое: начни она долго размышлять, советоваться с Тишкою, с подругами и с теми, что пришли их встретить, то потеряешь лишь время драгоценное, ибо все начнут доказывать, что затевает она дело гиблое, что ее надо выпороть, или посадить в сумасшедший дом, или еще что-нибудь в этаком же роде. А потом приспеет темнота, и ночевать придется под открытым небом (не бросишь же машины), а наутро ничего ведь лучшего не придумаешь, не ждать же в самом-то деле целых две недели, пока вода убудет: земля не ждет, видела Феня своими глазами, как курится она паром, как быстро отдает солнцу золотую влагу.

Леонтий Сидорович, дядя Коля, пастух Тихан, Апрель, почтальон Максим да еще с пяток старичков суетились по берегу, что-то кричали, размахивая руками, но Феня никого не видела и ничего не слышала. Трактор ее уже был на середине исчезнувшего под водою моста, гнал перед собою высокую и упругую волну, по обоим бокам его, впереди, там, где бешено вращались лопасти вентилятора, вскипали радужные, пронизанные солнцем закатным фонтаны; с левой стороны, откуда было течение, вода подымалась все выше и выше, и Феня, судорожно вцепившись в сделавшийся вдруг горячим под ее ладонями стальной обруч руля, не мигаючи глядела на свечи: стоит захлестнуть их, и мотор умолкнет, а там... там... лучше не думать, что будет там. Теперь уже она точь-в-точь, как ее подруга Маша давеча, на дороге, стала умолять, упрашивать свой трактор: «Миленький, родненький мой... поскорее же, поскорее!» — и так же, как Маша, привстала, приподнялась над сиденьем, напружинилась, вытянулась сама в струнку; по лицу ее, наполовину закрытому растрепавшимися темными и мокрыми волосами, бежали струи — и не поймешь чего: пота ли, воды ли, распыленной и разбрасываемой вентилятором, слез ли, исторгнутых испугавшимся на какой-то там миг сердечком. Внутри все похолодело, когда увидела, что вода проникла уже под сиденье, что через короткие голенища сапог потекли ледяные струи. Но, глянув на резко поднявшийся вверх радиатор, она поняла, что это — спасение, машина, опустившись задом, подымалась вверх, вон уже передние колеса покатились по песчаному берегу. Обрадовавшись до крайности, Феня до предела выжала газ, и трактор, кашлянув раз и два, шустро выбежал наверх, на ровную дорогу.

Мужики, шарахнувшиеся было в стороны («Задавит сослепу-то чумная бабенка!»), теперь окружили трактор, роняющий на дорогу капли радужной от керосина и солидола воды, по-прежнему кричали что-то Фене, а она по-прежнему не слышала их. Теперь уже определенно счастливые слезы текли по ее лицу, и она, будто и вправду чумная, громко хохотала, уронив голову на баранку руля. Разрядившись таким образом, быстро соскочила с трактора и побежала к мосту:

— Маша, чего же ты? Давай!

Но, бойкая в делах иного свойства, тут Маша проявила несвойственную ей осторожность. Сперва она сделала вид, что не слышит подругу, а потом все-таки откровенно и прямо призналась:

— Боюсь я, Феня. Вот, можа, Стеша, а потом уж и я...

Степанида Луговая не стала ждать, что скажет ей Тишка, который все еще сидел на крыле ее машины, включила первую скорость и медленно пошла к мосту. До этого она напряженно наблюдала за Феней и учла ее промашку: Феня решила преодолеть водное пространство на второй, более высокой скорости, и то был неразумный в общем-то риск: высокая скорость вызывала бо́льшую ярость водного потока, и от одного этого мотор мог заглохнуть. Степанида же спокойно скатилась на мост, прошла по нему как бы ощупью и прибавила газу только тогда, когда передние колеса достигли противоположного, завидовского, берега. Ее переход был столь удачен, что ни председатель колхоза, ни те, что пришли сюда вместе с ним, ни Тишка уже не сомневались в благополучном исходе всего более чем рискованного предприятия. В холодных, свинцового отлива, тяжелых глазах Леонтия Сидоровича на мгновение появилось подобие улыбки.

— Ну, что же, дочка,— крикнул он Соловьевой,— давай и ты! А ты, Тимофей, плыви обратно, на «Универсал» пересядь. Сам поведешь. Настенька — совсем еще дитя малое. Куда ей.

Маша, перекрестившись, пробормотала про себя молитву, о которой давно забыла уж и теперь вспомнила с пятого на десятое, невзначай включила сразу третью скорость и не успела опомниться, как трактор оказался где-то посреди моста, вздыбив высоченные гребни воды. Выжав резким нажимом ноги муфту сцепления, Маша остановила трактор, начала туда-сюда дергать рычажок переключения, но он заклинился; советы, послышавшиеся с обоих берегов, не могли помочь ей; вконец отчаявшись, Маша громко и откровенно разревелась и в смятении так толкнула рычажок, что включилась задняя скорость, и машина, пятясь, ткнулась задом в невидимые перила, легко сломала их и в минуту с тяжким уханьем ушла под воду — так, что был виден теперь лишь малый кончик выхлопной трубы. Маша успела, однако, по-обезьяньи цепко ухватиться за сучок раскинувшейся над водою старой ивы и повиснуть на нем. Ей с великим трудом удалось найти опору на другом толстом сучке и для ног, и теперь, прилипнув к стволу дерева мокрой телогрейкой, она дала уж полную волю своим слезам; рыдания молодой солдатки перемежались страшными проклятиями по адресу подруги, заманившей ее, Машу, в эту ловушку. Обида была тем более велика, что Феня же лучше других знала, какой из нее, Машухи Соловьевой, тракторист, и документ-то на курсах ей выдали, взяв грех на душу, потому как на экзаменах, если говорить правду, ни на один вопрос преподавателей Соловьева не ответила (они, конечно, пытались выручить ее, давали множество наводящих вопросов и, видя ее полную беспомощность, сами же и отвечали на эти вопросы, сделав вид, что ответила она).

Феня, ахнув, кинулась было в воду, но старик Апрель успел подхватить ее своими железными, цепкими пальцами за ошкур ватных штанов и выбросить на берег.

— Куда те нечистый понес?! С ума спятила!

В десяти шагах вверх по течению у него была привязана лодка. Апрель подбежал к ней и минутою позже был уже возле Маши. Помогая ей спуститься, с притворной строгостью бормотал:

— Ишь куда те занесло! Эт ить и кошка так-то скоро туда не вскочит. Как только тебя угораздило?

— Жить-то, чай, хочется. Молода я,— отвечала Маша, все еще судорожно всхлипывая.— Что же, дедушка, судить теперь меня будут, а?

— Судить? — удивленно переспросил Апрель.— Эт за что же?

— Трактор-то сгубила.

— Гитлера будем судить, дочка,— очень тихо и очень серьезно сказал смешливый обычно Апрель. С этими словами он осторожно взял на руки молодую здоровенную солдатку и посадил на дно лодки. Не успел подплыть вплотную к завидовскому берегу, как Маша подхватилась, выпрыгнула прямо в воду, несколькими прыжками достигла земли и мимо опешивших, растерявшихся мужиков и женщин с невероятной быстротой побежала к селу.

— Беги за нею, Фенюха,— сказал раньше всех пришедший в себя Леонтий Сидорович,— как бы руки не наложила на себя с испугу-то. Трактор твой Тишка пригонит. Сейчас Апрель привезет и его и Настенку на своей лодке. «Универсал» до утра постоит. Попрошу панциревских, чтобы надглядывали. А ты беги, не ровен час...

Уже в селе Феня узнала — сообщили встретившиеся женщины,— что Маша Соловьева побежала прямо к ним, к Угрюмовым, и очень обрадовалась этому. Еще в сенях услышала, что в избе их стоял сплошной вой. Три женщины, две старых и одна молодая, обнявшись, безутешно рыдали, а с печки им помогала тонюсеньким и жалобным всхлипыванием Катенька, младшая Фенина сестричка. На какое-то очень короткое время Феня вспомнила про своего сына, обрадовалась, что его нет тут, что он у Тетеньки и не слышит жуткого этого бабьего завывания и что всю посевную будет там, Тетенька обещалась подержать его при себе. («Милая, родная, природная Тетенька, как бы я была теперь без тебя?!» — думая так, Феня, как и многие в Завидове, не отдавала себе отчета в том, что все и уже давно не называют тетку Дуню по имени и отчеству, для всех она просто Тетенька, и, когда спросишь кого, где останавливался в районе, скажет: «У Тетеньки»,— и всем было ясно, ибо уже давно пожилая эта женщина

стала для завидовцев их родной тетенькой, а они для нее — племянниками и племянницами.) Порадовавшись, что ее Филипп Филиппович в надежных руках, Феня принялась за плачущих. Где гневным, где ласковым словом, чаще же всего поцелуями, которыми осыпала то одну, то другую, то третью, Феня в конце концов успокоила всех и только тут обнаружила, что причины горестных слез у всех были разные. Ну, Маша — тут для Фени с самого начала было все ясно — ревела оттого, что потопила, неумеха, трактор, и теперь плачет и от обиды и от страха за возможное наказание; тетка Авдотья час тому назад получила извещение о том, что ее сын, Авдей, пропал на войне без вести,— услышав об этом, Феня и сама едва удержалась на ногах, что-то горячо, остро и больно пырнуло ее под самое аж сердце, она непроизвольно схватилась за него, коротко застонала и белая, как стена, тяжело опустилась на лавку. Видно, не зря сказывают люди: беда не любит приходить в дом в одиночестве: коли явилась одна, за нею жди и другую, а потом, глядишь, и третью. Но Фене в ту минуту было не до горького этого поверья, сердце под рукою часто и испуганно дергалось, будто хотело вырваться. И белый свет — кажется, первый раз это в ее жизни — померк в ее глазах; устало, медленно оглядев всех, остановилась скорбным взглядом на матери, спросила хрипло:

— Ну, а ты-то что, мам?

Мать с удивлением подняла на дочь красные, мокрые глаза, обиженно сказала:

— Как это что? Ты ить и не спросишь, жив ли твой братец-то. Тебе, видать, чужие дороже...

— Мама! — закричала Феня таким страшным голосом, что Аграфена Ивановна тотчас же оборвала свою речь. И Феня, видя, что перепугала мать до смерти, уже тише, добрее спросила: — Что с Гришей?

Обиженно поджав губы, мать какое-то время молчала, потом сообщила:

— Вторую неделю нет писем.— И губы, и щеки, и все сухонькое тело Аграфены Ивановны опять затряслись от подымающегося рыдания.

— Ну, мама, половодье ведь, почту-то не привозят.

В другую минуту Аграфена Ивановна могла бы возразить дочери, она бы вспомнила, что в словах ее нету правды, ибо тетка Авдотья получила худую свою бумагу не вчера, не позавчера, а сегодня, час тому назад принесла ее Елена Рябая.

Аграфена Ивановна ухватилась за дочернины слова, как за единственно нужные ей на ту минуту, и, всхлипнув еще раз, досуха вытерла глаза, которые теперь чуток посветлели и как бы уж начинали жить. Боль в сердце самой Фени не утишилась, и она была рада, что Машенька вдруг заговорила и отвлекла ее от того, что и было ее главной болью,— от мыслей об Авдее. Маша спросила подругу о том же, о чем спрашивала Апреля там, у моста:

— Скажи, Фенюха, судить меня будут ай как?

— Чего ты выдумала! — зло прикрикнула на нее Феня.— Завтра подцепим тросом и вытащим твой трактор — только и делов. А ты — судить.

Они ушли в горницу, уединились там, разделись, легли в мягкую Фенину постель, крепко обнялись, и тут уж Маша выплакалась окончательно, облегчила душу и вскоре заснула. Феня же, боясь потревожить подругу и высвободить из-под ее отяжелевшей вдруг головы свою онемевшую руку, не спала, широко распахнутыми глазами тревожно смотрела в потолок, и глаза ее были сухи и потому не блестели, как бывало с ними, когда она напряженно смотрела в темноту. Она лежала и горько и обидно думала про то, зачем это судьба так жестоко поступает с нею, двадцатилетней, никому не сделавшей зла, желавшей себе и всем людям на свете одного лишь счастья. Отчего? Чем прогневала она, девчонка, судьбу? С гибелью Филиппа Ивановича — хоть Феня ни за что на свете не призналась бы в этом — у нее тем не менее глубоко припрятанная в сердце все-таки жила, оживляя ее, согревая изнутри, пускай хрупкая, пускай еле ощутимая, но все-таки надежда. Теперь и ее она лишилась. Зачем же так?! «Что я такое сделала? Ведь как я люблю всех!» — И Феня, чтобы еще раз убедить и себя в этом и еще кого-то, для нее самой непонятного, но все-таки всесильного (не бога, конечно, она в него не верит), Феня прижалась губами к спящим и горячим губам подруги и жарко поцеловала ее.

Так и не заснув, Феня и подругу разбудила ни свет ни заря, со вторыми петухами. Долго и настойчиво стучались в окна и двери бригадировой избы, пока не выжили Тишку из теплой жениной постели. Хозяин откинул изнутри крючок и четко обозначился в белых своих исподниках и белой рубахе в черном зеве двери. Похоже, он надеялся увидеть в ранний этот час кого-нибудь из мужиков и потому не застегнул кальсон и лишь теперь торопливо и неумело, точно пьяненький гармонист клавиши, отыскивал пальцами правой руки пуговицы, а левой рукой поддерживал исподние, чтобы они не соскользнули вовсе вниз.

— Иди оденься, а мы во дворе обождем,— выручила Феня.

— Подняла вас нелегкая,— буркнул Тишка и с тем сгинул, пропал в темной пасти сеней. Слышалось, как уже в задней избе, кухне то есть, он что-то объяснял ревнивой и недоверчивой своей жене Антонине, как от полушепота перешли на крик и как в конце концов хозяину пришлось прибегнуть к более сильным выражениям, единственно способным охладить ярость не в меру разбушевавшейся супруги. Выйдя к трактористкам, перекипая все еще праведным гневом и будучи совершенно уверенным в том, что они слышали происходившее в доме, как бы подводя итог только что закончившемуся представлению, промолвил с неподдельной искренностью:

— Не из ребра Адамова вас, бабы, бог изделал, а из...

Последнее слово, которое еще не привыкла терпеть бумага, но столь ходкое и емкое в деревенском мужицком обиходе, сорвалось с Тишкиных уст так просто, легко и радостно, что солдатки весело расхохотались. Маша Соловьева сказала:

— Видать, здорово она тебя, Тиша!

— Здорово, ничего не скажешь,— чистосердечно подтвердил Тишка. Помолчав, спросил: — А вас кой черт поднял в этакую рань?

— Тиша, милый! — горячо заговорила Феня.— Трактор надо как-то вытаскивать. Не дай бог, нагрянет днем милиция, прокурор. Акты, допросы, следствия. Засудят девку! Тиша, родненький!

— Ладно, ладно. Все понял. Не тараторь. Бегите заводите твой, Фенька, трактор, да и Степаниде передайте, чтоб тоже на своем к мосту подъезжала. А я трос поищу. Где-то у меня в сарае припрятан. Покамест больше никого не булгачьте. Лишние советчики нам ни к чему.

— Трос и у меня и у Стешки есть.

— Всем найдется дело.

К утру вода чуть убыла; кроме трубы, теперь виднелась и часть баранки от руля. Тишка, Феня, Маша и Степанида ходили по берегу и никак не могли приступить к делу. Пробовал Тишка подплывать к трактору на челноке, оставленном вечор Апрелем, глубоко погружал руку, отыскивая, за что бы зацепить трос, но до рамы и до крючка было еще далеко, к тому же вода была так студена, что руки мгновенно коченели.

— Дай-ка, Тиша, я попробую,— сказала Феня нервно и быстро, и, если бы бригадир не был занят растиранием онемевшей, сведенной судорогой руки, он бы различил в ее голосе нечто такое, что непременно насторожило бы его, и он едва ли отпустил бы молодую женщину. Но Феня уже выгребала к утопшему трактору. Накрепко привязала лодку к дереву, на котором вчера повисла по-обезьяньи бесталанная ее подруга, опробовала ногами устойчивость челнока, и не успели там, на берегу, ни о чем и подумать и ничего предпринять, как Феня выпрыгнула в воду и оказалась в ней по самую шею. И лишь теперь по воде, точно кнутом, хлестанул режущий крик Маши Соловьевой:

— Феня-а-а!

Тишка не мог даже кричать. Как всегда в крайнем испуге, рот его открывался и закрывался, губы беззвучно шевелились, пробуя что-то вымолвить, но не хватало воздуха. Он суетился по берегу, размахивал руками, и накопившаяся в груди матерная брань буйно прорвалась у него только в тот момент, когда Феня вновь взобралась на лодку. Она слышала крики женщин и бригадирскую ругань, однако знала, что самое лучшее и верное в ее положении — это ни на что не обращать внимания, а быстро и, главное, спокойно делать задуманное дело. Сбросив шерстяной платок, она опять погрузилась в воду — и на этот раз с головой, утянув туда и конец толстого проволочного троса.

— Феня-а-а! — вновь хлестнуло по воде, но это было уж совсем ни к чему: под водою голос Маши не был слышен, да и не мог быть услышан, ибо человек, к коему обращались, был занят серьезным делом, а в таких случаях лучше ему не мешать...

Простоволосая, тяжко опрокинула она свое тело в лодку, долго глядела в светлеющее небо, набираясь сил. С великим трудом поднялась затем на ноги, не спеша отвязала лодку и, отталкиваясь длинным шестом, поплыла к берегу. Вбежавшие прямо в воду Тишка, Маша и Степанида подхватили, вынесли ее на берег. Женщины принялись целовать в посиневшие, дрожащие, холодные губы, в такие же ледяные щеки. Феня вяло, устало, плохо слушающимися ее губами сказала:

— Я пойду. Как бы того... не простудиться. Оставлю Филиппушку сиротой... Трос-то я тоже закрепила. Вы только кустарник подрубите да сройте крутой берег, а то не вытащите.

И быстро пошла в сторону Завидова. Потом оглянулась, попросила:

— Маша, а ты забеги потом!

Аграфена Ивановна, не успев даже испугаться по-настоящему, постаскивала с дочери мокрое, помогла взобраться на печь, закутала ее там в сухое, горячее тряпье, пахнущее знакомой с детства поджаренной пыльцой, и, только дождавшись, когда Феня перестала дрожать и стучать зубами, принялась охать и ахать. В короткие промежутки между аханьем и оханьем успела все-таки сообщить, что отца вызвали в правление к телефону, и вот уже другой час, как его нет и нет, а испеченные давно блины стынут, и баньку бы надо протопить для Фени, пропарить хорошенько, глядишь, бог и милует, а его, нечистый бы его побрал совсем, нету и нету.

— Как бы в район не укатил. Там, чай, переполох теперя.

В район Леонтий Сидорович не укатил, но переполох там действительно подняли боль-

шой. И к телефону Леонтия Сидоровича пригласил сам районный прокурор. И очень подробно расспрашивал, как потонул трактор. И когда председатель поведал, как и что, на том конце провода строгий голос спросил:

— Ну, и как вы думаете, по чьей же вине?

Леонтий Сидорович промолчал.

— По чьей, я вас спрашиваю?! — закричала трубка.

Леонтий Сидорович отвел ее от уха, зачем-то посмотрел на другой ее, точно бы в оспинках, издырявленный конец, поднес близко к губам, сильно дунул и лишь потом четко, с нужной в таких случаях паузой меж слов, громко сказал:

— Виновата моя дочь.

— Лубянская?

— Она... Она показала дурной пример.

— М-да... Ну, хорошо! — И где-то далеко щелкнул рычажок, на который энергической рукой прокурора была брошена трубка.

— Тебе-то, может, и хорошо...— Леонтий Сидорович все еще держал трубку в руке и чувствовал, как она потеет. Рев тракторов на улице отпугнул невеселые думы, председатель выбежал на крыльцо и увидел, как два трактора, запряженные цугом, волокли за собою третий, с которого продолжала капать радужная водица. За рулем этого, последнего, гордо восседал Тишка с приклеенной к нижней губе самокруткой и улыбался ему.

— Мать честная, вытащили! — закричал Леонтий Сидорович.— Степанида! Машуха! Стой!

Стешка резко остановила трактор, так что Маша едва не наехала на нее.

У председателя не хватило терпения на то, чтобы выслушать доклад Тишки. В один миг вернулся он в правление и начал отчаянно крутить рукоятку телефона.

Рядом в ожидании стояли трактористки и тихо улыбались.

Однако прокурора на месте не оказалось. Он успел уже перебраться в кабинет первого секретаря райкома и теперь, вооруженный сведениями из самого что ни на есть первоисточника, сообщал обстоятельства завидовского дела. Федор Федорович в продолжение всего доклада ни единым словом, ни разу не перебивал прокурора и кивком головы как бы даже поддерживал его доводы. Оставалось выслушать решение, которое намерен принять прокурор.

— Дело, Федор Федорович, яснее ясного. Трактор в канун самой посевной... в канун второй военной весны, когда каждая машина... Одним словом, трактор погиб.

— Погиб?

— Да, погиб. И погиб по вине Федосьи Лубянской. И, естественно, она должна нести ответственность по законам военного времени.

— «Естественно»,— повторил Федор Федорович и поморщился.— А вы с нею говорили?

— Я говорил с ее отцом.

— Ну и что? Что отец?

— Угрюмов сам сказал, что во всем виновата его дочь.

— Так. Ну, а как вы думаете, зачем она торопилась?

— Не знаю. Говорят, ребенок у нее малый в Завидове.

— Что ж, и тут можно было бы ее понять. Только это неправда, товарищ прокурор. Сына своего Лубянская оставила здесь, в районе, у родственницы. Итак, что же ее толкнуло на безрассудный с логической точки зрения шаг? Ну-с? Молчите? Так-то, дорогой мой! Ну, вот что. Вы продолжайте расследование, и об одном вас прошу самым настоятельным образом: не торопитесь с выводами. Подумайте. И тоже... по законам военного времени.— И вдруг широко, как-то домашне, свойски улыбнулся, голос помягчал, утратил неприятную, знобящую скрипучесть.— Женщин-то беречь надо, голубчик! Еще годик повоюем, одни только они с малыми детьми да старики останутся на селе. А ты — судить! Эх, голова, голова! Ну, ну, не дуйся. Иди, расследуй. Я б на твоем месте в Завидово все-таки съездил бы. Или погоди завтрашнего дня — поедем туда вместе.

Пока говорились эти слова, в самом Завидове дела шли своим порядком. До вечера пострадавший трактор был разобран, раздет до последней возможности, и теперь детали его, обсохшие на солнце за день и тщательно промытые в керосине, лежали на подстилке в сарае: все было приготовлено, чтобы с завтрашнего утра начать сборку. За то время, пока трактористки возились с машиной, Леонтий Сидорович вместе с главным теперь своим помощником по дому, Павликом, жарко протопили баню. И сейчас озорная, пришедшая в себя окончательно Машенька Соловьева нахлестывала взобравшуюся на поло́к подругу дубовым, хорошо распаренным и крепко пахнущим веником. Широко, по-мужичьи расставив ноги, Маша ожесточенно секла красное, упругое, извивающееся под ее ударами тело и все время приговаривала:

— А ну, поворачивайся вот так, так! Ище, ище! Так, так! Грудь-то руками прикрой, а то исполосую, любить мужики не будут! Ну, ну, еще немного! Не ори! Спасибо потом скажешь!

Феня ворочалась, задыхалась сухим, нагнетаемым с каменки обжигающим воздухом, просила, умоляла Машу пощадить, отпустить ее, не губить, а та знай хлещет да приговаривает: «Ничего, ничего, девонька! Постеля-то у нас теперь холодна, хоть тут погреемся! Ух, ты! Кажись и я умаялась! Ну, будя с тебя, слезай, недотрога! Ох, и худющая ж ты стала, Фенюха, на одних бедрах только и осталось чуток мяса, а то — кожа да кости. На такую ни один мужик и глазом не глянет...»

— А мне и не нужны твои мужики,— проговорила Феня, с величайшим блаженством развалившись на скользком, как бы куда-то уплывающем из-под ее горячего, распаренного тела полу.

— А я вот — ты уж не осуди, подруга милая,— грешная, поглядываю украдкой. Федька-то мой... ну, сколечко мы с ним пожили вместе? Неделю одну. Растревожил, а утешить в волюшку и не успел. Боюсь, не дождуся его, изменю...

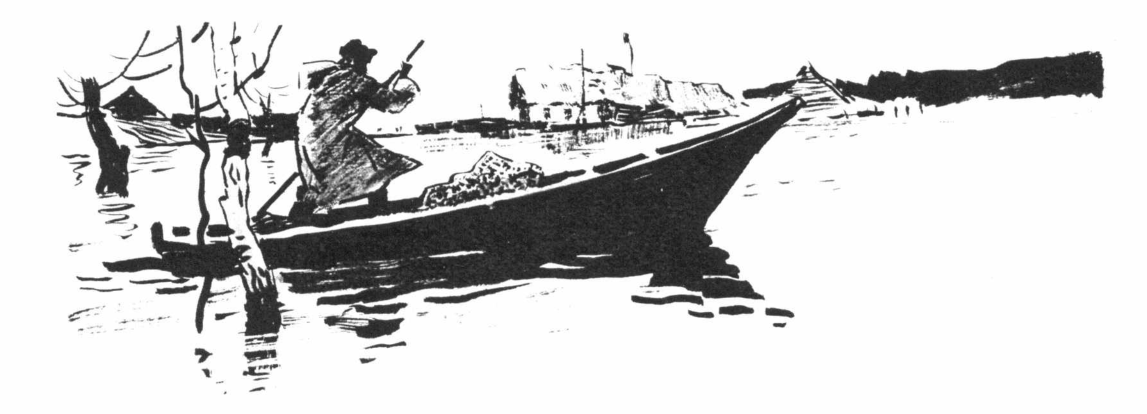
— И тебе не стыдно говорить такое, хабалка ты этакая?!

— А лучше, коли я тайком от тебя?

— Выброс из головы-то, комсомолка!

— Комсомолка — разве не баба? Разве не живой человек?

— Да ну тебя! — отмахнулась Феня и, поднявшись, взялась за веник.— Полезай-ка теперь ты. Я из тебя сейчас дурь-то выбью!

Н. БАЛАШОВА

Чему научили тебя, режиссер?

В театре печальное событие. Не принят, не утвержден спектакль. Тот самый спектакль, на который возлагали надежды, который уже значился на афише. Спектакль, явившийся дипломной работой молодого режиссера — вчерашнего студента и завтрашнего художника, последним его экзаменом на творческую и профессиональную зрелость.

Спектакль, попросту говоря, забракован. В форме, может быть, даже интересно задуманной режиссером и осуществленной актерами, он искажает действительность. Представляет жизнь в таких мрачных красках, которые вызывают у зрителей чувство безысходности, отчаяния.

Что же это за спектакль? Мрачная трагедия? Кровавая мелодрама?.. Отнюдь нет! Детская пьеса А. Хмелика: «Жил-был тимуровец Лаптев». Жанр пьесы определен — хоть и длинно, но четко — «вполне вероятное происшествие в двух действиях с прологом и эпилогом». Вылилось же это «вполне вероятное» происшествие в событие необыкновенное, из ряда вон выходящее. А страдательной стороной оказался Челябинский ТЮЗ, где после четырех просмотров с участием представителей театральной общественности, после жарких споров было вынесено суровое, но единственно верное решение: спектакль к показу не годен.

Не годен потому, что режиссер Г. Бражник наделил юных героев пьесы А. Хмелика, обыкновенных советских школьников, такой нарочито «усложненной» психологией отпетых рвачей и стяжателей, сделал их столь умудренными «жизненным опытом» маленькими негодяями, циниками и эгоистами, что картина недалекого будущего, когда эти подонки подрастут и станут хозяевами жизни, могла только в самых беспросветных

тонах предстать перед ошеломленными зрителями.

Конечно, грустно, что театр не выполнил план по постановкам, понес материальные убытки. Но гораздо печальнее, что в коллективе произошел раскол. Одни актеры согласны: спектакль плохой! Другие, поддерживая порочный замысел постановщика, протестуют, чуть ли не подают заявления об уходе; имя режиссера они окружают ореолом «мученичества».

Больше же всего печалит, даже тревожит, что постановка «Тимуровца Лаптева» — это уже второй спектакль Г. Бражника на профессиональной сцене, вызывающий столь серьезные возражения. И они вновь рождены неточной, неверной режиссерской трактовкой драматургического материала.

«Счастливые дни несчастливого человека» (Г. Бражник поставил эту пьесу А. Арбузова во время своей преддипломной практики на сцене Рижского театра русской драмы) тоже оказался спектаклем, весьма близким к челябинской работе режиссера по атмосфере, по всему настроению. А это значит, что мрачная безысходность в ощущении окружающей жизни и в воспроизведении ее на сцене — уже не случайность, не творческая неопытность, не результат неумения выстроить спектакль, а нечто вроде творческого кредо, нечто вроде программы молодого режиссера.

Все, кто видел челябинский спектакль Г. Бражника, говорят, что был на нем отпечаток талантливости. Значит, тем сильнее оказался бы моральный ущерб, который этот спектакль мог нанести зрителям, если бы вошел в репертуар ТЮЗа.

К счастью, в Челябинске этого не случилось. А могло случиться! Могло произойти здесь нечто подобное тому, с чем встретились зрители Рязани, где П. Штейн, режиссер-дипломант ГИТИСа имени Луначарского, поставил пьесу Лопе де Вега «Учитель танцев».

«Учитель танцев»... Память мгновенно подсказывает: огромная сцена Центрального театра Советской Армии, превращенная волшебной кистью художника И. Федотова в уголок далекой старины; кружится в вихре танца под звуки гитары и кастаньет красавец Альдемаро с очаровательной Флорелой...

Впервые рожденный более двадцати лет назад счастливым сочетанием талантов (постановщик В. Канцель, художник И. Федотов, композитор А. Крейн, балетмейстер В. Бурмейстер), «Учитель танцев», отпраздновав свое тысячное представление, до сих пор остается украшением афиши ЦТСА. Собирая полные залы, он несет зрителям — без различия возрастов — радость жизни, веру в добро и справедливость. И не будет преувеличением сказать, что, видно, не случайно другие театры не рисковали ставить эту вихревую, искристую, заразительно-веселую комедию. После постановки ЦТСА сделать лучше, казалось, невозможно!

А в Рязани рискнули... Да еще как рискнули!

...На тускло освещенную авансцену выходит крепко сбитый молодой человек в костюме, являющем странную смесь современности (белый свитер, спортивные брюки) с отголосками причудливой испанской моды XVI века. Это герой, Альдемаро. Ленивым шагом идет он вдоль рампы, бросает скучающий взгляд в зал, проверяет, крепко ли стоит канделябр у портала... Он еще ничего не успел сказать, ничего совершить, но уже в самой подчеркнутой будничности его прохода, нарочитой индифферентности взгляда читается «замысел» будущего спектакля. Дескать, уважаемые зрители, не ждите, что мы будем всерьез играть какого-то там «Учителя танцев», написанного четыреста лет назад испанским чудаком по имени Лопе де Вега. Давайте-ка лучше вместе посмеемся над героями пьесы, готовыми чуть ли не жизнью пожертвовать ради любви! Мы играем пародию...

И действительно, спектакль Рязанского драматического театра оказался самой настоящей пародией на искрометного, кипящего страстями, вечно юного и вечно прекрасного «Учителя танцев», созданного жизнелюбивым талантом Лопе де Вега. Уставший вроде бы и от жизни и от успеха у женщин, Альдемаро, судя по всему, давным-давно растратил весь пыл своей молодости. Теперь он уже вряд ли способен на какое бы то ни было серьезное чувство. Люди докучают ему. И даже преданный слуга Белардо — такой же устало-безразличный, как и его хозяин,— является для Альдемаро обузой.

Что же касается прекрасной Флорелы, ради которой Альдемаро должен был преодолеть столько препятствий, то ее в спектакле просто не оказалось. Ибо нельзя же было принять за нежную, гордую и решительную дочь испанского гранда резво бегающего по сцене угловатого, голенастого подростка в белых колготках и васильковой мини-юбке, с прической «конский хвост»!..

Между прочим, были здесь и музыка (композитор А. Кремер) и танцы (балетмейстер П. Гродненцкий), полностью соответствующие общему «замыслу» спектакля. Нервные, резкие ритмы, резкие, порою почти конвульсивные движения словно вобрали в себя элементы всех современных западных танцев, от рок-н-ролла до ча-ча-ча.

Одного только не было в этом эклектичном, странно изломанном спектакле, герои которого — опустошенные духовно и усталые физически — с горькой иронией взирали на окружающий мир. Не было души и сердца Лопе де Вега, его светлой веры в людей, жажды жизни и радости жизни.

Правда, по ходу спектакля в зале не раз звучал смех. Но смех этот был невеселый, иронический. Недаром с программы спектакля исчезло точное определение жанра пьесы — комедия; его заменили ничего не значащими словами «спектакль с музыкой и танцами»...

С грустью вспоминая рязанского «Учителя танцев», я думаю не о том, что его постановщики должны были копировать спектакль Центрального театра Советской Армии. Копия всегда остается только копией. Настоящий художник ищет в искусстве свои пути — это общеизвестно. Однако ищет их не вопреки материалу, не наперекор содержанию, жанру произведения, а лишь в наиболее полном и глубоком его раскрытии, без оглядки на быстро проходящую «моду».

А истоки рязанской театральной эпопеи, лежащие на поверхности, явно идут от моды, следуя которой, например, считается «неприличным» в наш рационалистический век бурно и страстно выражать свои чувства. Современный герой, дескать, должен быть сдержанным, холодно-рассудочным, ироничным. Чувствительная же мишура, которой придавали такое большое значение «предки»,— всего лишь признак их отсталости, а посему достойна самого жестокого осмеяния.

Вот и сконструировал дипломант ГИТИСа П. Штейн свой спектакль на основе этих ходячих, как разменная монета, мыслей. Только ведь копировать чужие мысли столь же неплодотворно, как и чужие произведения!..

Челябинский и рязанский спектакли — совершенно различные постановки. Да и пьесы тоже ничего общего не имеют. А по настрою своему, по мироощущению постановщиков — это спектакли близкие, родственные. Оно и понятно. Оба режиссера — дипломанты ГИТИСа, однокурсники, ученики А. Эфроса, чьи собственные спектакли всегда вызывают весьма справедливые упреки со стороны критики.

А вот теперь, увы, те же самые спорные позиции пытаются занять в искусстве и ученики А. Эфроса.

Некоторое время тому назад смотрела я в Куйбышеве спектакль Театра юного зрителя. Это была «композиция», созданная театром по произведениям современных поэтов: Р. Рождественского, А. Вознесенского, Е. Евтушенко и других. Театр собрал поэтическую «элиту», и — боже ж ты мой! — что на этой основе сотворил режиссер! Извивались в конвульсиях девицы, облитые черным трико, изображая какую-то пантомиму. Метались на сцене по кубам и параллелепипедам юнцы с гитарами и без оных. Выстреливали световые пистолеты, озаряя мертвенным белым светом (крупный план, как в кино!) растерянные лица юных исполнителей. Завывала магнитофонная музыка. Под колосниками что-то крутилось: то ли какие-то пропеллеры, то ли крылья... И с благоговейным ужасом взирал на все это зрительный зал — пятиклассники!.. Ставила же всю эту несусветную мешанину милая девушка, вчерашняя студентка режиссерского факультета Ташкентского театрально-художественного института имени А. Н. Островского — З. Внукова... Наверное, ей очень хотелось показать свою «эрудицию», свою осведомленность в вопросах «современной» режиссуры. Тут тебе и Таганка, и Малая Бронная, и туманные отблески заезжих мировых звезд!..

Спектакль был претенциозен по форме, но внутренне пуст. Ибо у начинающего режиссера никакой собственной «программы» за душой не обнаружилось. Демонстрировался лишь нехитрый багаж пестрых, отовсюду нахватанных впечатлений.

Вот тут бы руководству театра и местным органам культуры и объяснить девушке — спокойно, разумно и доказательно — ненужность подобных вычурных экспериментов, особенно на сцене ТЮЗа. Куда там! Театр безмерно гордился своим нелепым сценическим детищем: с его появлением он ведь «приобщился» к столичным «образцам»!.. «Честь мундира» оказалась выше здравого смысла, выше чувства ответственности.

А через несколько месяцев в Туле — и тоже, между прочим, на сцене ТЮЗа — увидела я русскую классику. Теперь это уже не были чисто подражательные, зрительные впечатления режиссера от столичных спектаклей, перенесенные на периферийную сцену. Нет, здесь было вполне осмысленное «современное» прочтение известного произведения классики. Притом оно опять было сделано человеком, не лишенным таланта.

Почти полное отсутствие гримов. Сцена, разумеется, без занавеса. Стилизованные под сегодняшний день костюмы. Единая декорация — покатый станок, обтянутый холстом, покрашенным под нероструганые доски. Такой же портал, дощатые ступени, уводящие куда-то вниз, к реке, невидимой, но ощущаемой совсем рядом.

Эта серая, словно пропыленная, без единого листочка, без единой зеленой веточки декорация, гнетущая своим унылым однообразием, вдруг оживала только в последнем акте, освещенная каким-то волшебным сиреневым светом. Начинала сверкать и переливаться река в перламутровом сиянии луны. На скамейке — тоже вся в сиреневом — возникала, будто сотканная из тумана, скорбная, тонкая фигура Ларисы Огудаловой. Ибо спектакль этот был не чем иным, как «Бесприданницей» А. Н. Островского!

Но, увы, подлинное волшебство театра осеняло сцену только в финале, и длилось оно считанные минуты. А все остальное время по неструганым доскам ходила моложавая Харита Игнатьевна — мать Ларисы, простоватая, мещанистая, растерявшая в мелочах повседневной жизни весь свой огудаловский апломб, свою умную изворотливость. Плакала настоящими слезами — но при этом очень вяло и как-то равнодушно сопротивляясь матери — вполне современная Лариса, белокурая, с округлым лицом, вздернутым носиком и все той же пресловутой прической «конский хвост»... Вася Вожеватов — обаятельный современный юноша — встревал в «игру за Ларису» весьма сдержанно и без особого энтузиазма. А близорукий Карандышев был абсолютно безлик. И все это шло в сопровождении громких, тоже стилизованных под современность гитарных переборов...

Стремление свести трагедию преданной и поруганной любви до уровня ординарной купли-продажи в среднемещанской среде, к тому же всеми зримыми приметами своими откровенно смахивающей на нашу сегодняшнюю жизнь, было налицо. И подсказывало зрителю: никакой возвышенной любви не было да и быть не могло, следовательно, и копья ломать не из-за чего... Правда, в финале Карандышев все-таки стрелял в Ларису, но тут уж ничего нельзя было поделать: сюжет обязывал!..

Зато какой «богатый» подтекст нашла режиссура в разговорах тетки Карандышева с Иваном, слугой из трактира, которого пригласили сервировать стол на званом карандышевском обеде! Как выяснилось на спектакле, Ефросинья Потаповна воспылала запоздалой страстью к сытому, вальяжному, ленивому слуге, развращенному щедрыми купеческими чаевыми. Пагубное это влечение так завладело бедной женщиной, что она даже при почетных гостях, не стесняясь суда мирского и небесного, прижималась по всем углам к своему «возлюбленному».

Сыграна была эта сюжетная линия — вовсе не предусмотренная Островским! — так «сочно», что пятнадцатилетний зрительный зал буквально заходился восторженным гоготом. И невольно напрашивался вопрос: неужели тульским школьникам суждено было именно в такой вот «интерпретации» приобщиться впервые к сокровищнице русской классической драматургии?!

Зная другие работы молодого режиссера, я могу ручаться, что, наверное, ничего, кроме озорства и бравады, стремления прослыть оригинальным, «модным», не стояло за постановкой «Бесприданницы». Но чувство ответственности?! И не просто ответственности как режиссера данного спектакля, но и как главного режиссера театра в Туле, который именно и возглавляет Р. Соколов!

Трудно сказать, о чем больше спорят сегодня и что называют «проблемой № 1» на театре — режиссуру или драматургию. Наверное, все-таки режиссуру. Потому что, как ни сетуют деятели театра на отставание современной драматургии, как ни укоряют писателей за отсутствие новых пьес, премьеры появляются одна за другой, и в каждом театре за сезон их бывает не меньше пятишести. Но так ли много среди премьер спектаклей, которые действительно становятся событием театрального мира, подлинно новым, оригинальным прочтением драматургического произведения? И всегда ли читается в них ясная мысль: **во имя чего**, для кого взята режиссером данная пьеса, что хотел он сказать ею зрителям?..

Вот когда под таким углом зрения смотришь на сегодняшнюю режиссуру, то видишь, увы, что **настоящих** режиссеров — не тех, что с дипломами, а тех, кто действительно имеет право на это звание! — не так уж и много. А главных режиссеров, способных возглавить крупные театральные

организмы, стать их идейными и художественными руководителями — не по должности, а по творческому и моральному праву! — вовсе единицы.

Поэтому ничего удивительного нет в том, что десятки театров периодически оказываются без главных режиссеров. Пустуют места и режиссеров очередных, хотя театральные вузы каждый год выпускают немало дипломированных специалистов.

Что же здесь происходит?..

В прошлом году довелось мне присутствовать на экзаменах по специальности режиссерского факультета Государственного института театрального искусства имени А. В. Луначарского.

Запомнились интересно (в большинстве своем) решенные полуэтюды-полусцены, придуманные самими студентами первого курса под художественным руководством Ю. А. Завадского... Легко, весело, искрометно были сыграны водевили на втором курсе у М. О. Кнебель. По-настоящему взволновали некоторые отрывки, поставленные и сыгранные третьекурсниками А. А. Гончарова... Все, казалось бы, шло отлично по части воспитания чисто профессиональных качеств будущих режиссеров. Но именно **профессиональных!** Взятых как бы вне того времени, когда эти качества в них воспитывались... Потому что, если бы им, сегодняшним ученикам, а завтрашним идейным и художественным руководителям театральных коллективов, почаще говорили об их **гражданском долге,** напоминали, что многое на нашем идеологическом фронте зависит именно от их политической зрелости, то ведь самый репертуар экзаменационного показа был бы, наверное, иным. Во всяком случае, не таким мрачным, каким предстал он на третьем курсе, где что ни отрывок, то разбитые жизни, распадающиеся семьи, духовный кризис героев... А в финале был показан еще и отрывок из пьесы Э. Ионеско «Стулья».

Отрывок этот, беспомощно сыгранный, столь же беспомощно был решен режиссерски. Да и понятно: на учебной сцене советского театрального вуза студенты-третьекурсники играли Ионеско — признанного всем буржуазным миром мэтра драматургии абсурда! Это ли не абсурдная ситуация!

Но еще более абсурдной, печальной и настораживающей была реакция студенческой аудитории. Молодежь разразилась бурными, долго не смолкавшими аплодисментами, которые весьма недвусмысленно говорили о своеобразной «солидарности» зала с теми «смельчаками», которые вдруг рискнули показать экзаменационной комиссии «самого главного авангардиста»!

Отрывок играли от силы пятнадцать минут, и он, наверное, скоро позабылся. Но разговоры вокруг «героизма» тех, кто выбрал для экзамена пьесу Ионеско, наверняка оставили куда более глубокий след в молодых душах. Хотя если спросить у любого из тех, бурно аплодировавших ребят, что именно пленяет их в драматургии абсурда, вряд ли они смогли бы вразумительно ответить... «Мода»! Вот и все!..

Однако театр абсурда только кажется пустой и безобидной забавой; в его основе лежит философия человеконенавистничества, страх перед жизнью и опустошенность. Утрата смысла человеческого существования. Признание бесполезности борьбы со злом. Короче — капитуляция перед силами реакции, зла... Этого-то либо не знали, либо не захотели знать те, кто играл и ставил злосчастный отрывок из «Стульев».

Молодости свойственны крайности. А педагогам?

Разве не они в ответе за воспитание в каждом из своих студентов не только будущего художника, но и сегодняшнего гражданина? Тем более что педагоги и наставники в своей собственной-то творческой практике почти все (за редким исключением) исповедуют иное кредо.

Кто из любителей театра не помнит таких спектаклей А. Гончарова, как «Визит дамы», «Жив человек»...

Не темное царство, дающее возможность поиграть всеми оттенками черного, а тот яркий луч, который указывает дорогу к свету,— вот что всегда было главным в режиссуре А. Гончарова, даже если в основе его спектаклей лежали весьма спорные пьесы зарубежных авторов.

В самом страшном и мрачном истинный художник всегда ищет доброе и светлое, возвышая, а не принижая человека. Не противопоставляя силу разума силе чувств, а находя их гармоническое сочетание...

Молодой режиссер выходит из стен театрального института. Диплом у него на руках. За плечами солидный багаж полученных профессиональных навыков и... странная безответственность в вопросах идеологических. Кажется, будто эта область его и не касается вовсе! А в результате — случай, происшедший с дипломантом ГИТИСа Г. Бражником. Случай, может быть, исключительный. Но ведь спектакли, подражающие далеко не лучшим столичным «образцам» — особенно тем, которые уже приобрели некую «сенсационную известность»,— появляются десятками. И каждый из них — в меру таланта постановщика — не проходит бесследно для зрителей. Ибо в тенденциях модной нынче «дегероизации», дешевого «осовременивания», под которое молодые режиссеры в равной степени «подгоняют» Шекспира и Лопе де Вега, Островского и Чехова (и даже произведения советских авторов, написанные 20—30 лет назад!), таятся тлетворные зерна скепсиса, нигилизма, потребительства... Таится бацилла попрания всех и всяческих идеалов вообще.

Думается, немаловажное значение в том, какие позиции будет отстаивать, выйдя из стен института, будущий молодой режиссер, имеет глубина его знания жизни. Его связь с жизнью.

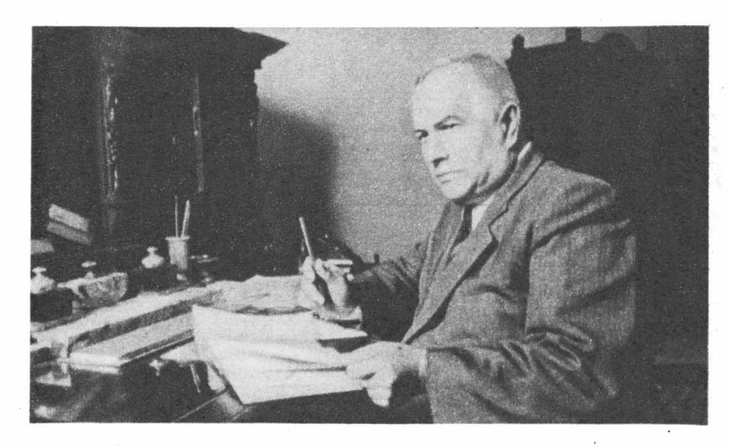
Не секрет, что в театральные вузы идет по преимуществу городская молодежь. В большинстве своем это юноши и девушки из тех же семей творческой художественной интеллигенции: дети актеров, режиссеров, писателей... И лишь очень незначительное число детей рабочих поступает, скажем, в тот же ГИТИС имени Луначарского. А количество детей колхозников здесь совсем уж ничтожно мало. Отсюда и возникает некоторая замкнутость, если можно так выразиться, «кастовость», студенческого контингента театральных институтов. И как логическое следствие этой замкнутости — **узкий круг интересов,** однобокое направление мысли будущих художников сцены...

А почему бы не давать путевки в ГИТИС **народным театрам** страны — людям, чья зрелость — идейная и художественная — уже подтверждена практикой...

В начале текущего сезона по решению Министерства культуры РСФСР во многие театры страны были назначены — в качестве главных режиссеров — наиболее зрелые, наиболее интересно проявившие себя в период учебы выпускники ГИТИСа 1966—1968 годов.

Это смелый эксперимент.

И только тот, кто выдержит с честью трудное испытание на зрелость, сможет ответить делом, спектаклями на требовательный вопрос зрителя: «Чему же научили тебя, режиссер?»

Константин Зубов

Вл. ПИМЕНОВ

Константин Александрович Зубов был одним из интереснейших людей среди театральных деятелей старшего послереволюционного поколения. И как-то странно, что в печати, в исторических очерках о современном театре мы встречаемся не только с именами К. С. Станиславского и В. Э. Мейерхольда, А. Попова, Р. Симонова и Н. Охлопкова, но и Горчакова, Петрова, Лобанова, Кожича... А вот имени Константина Александровича Зубова в этих случаях почти не встречаем — впрочем, так же как и имен А. Г. Крамова, К. П. Хохлова, Л. А. Волкова, Л. С. Вивьена...

Зубов был замечательным актером, виднейшим представителем старой актерской школы, ярким выразителем особенностей театральной культуры, выросшей на традициях русской интеллигенции, тесно связавшей театр и литературу. Он принадлежал к числу тех образованных людей, кто двигал вперед актерское искусство, развивал его, делал современным.

Когда говоришь о Зубове, нельзя ограничиться чем-то одним. Он был отличным организатором. Умный, тонкий режиссер, он умел привести спектакль к той законченности художественного решения, ансамблевости, которая была типична для великолепной школы Малого театра. Он был и блестящим актером, воспитанным школой русских мастеров. Так сложилась его биография, что в молодости, окунувшись в науку в Парижском университете, он продолжил образование в Санкт-Петербургском университете и в том же Петербурге закончил школу актерского мастерства. В советский театр он пришел уже сложившимся, опытным мастером.

Многие годы, проведенные в Театре Революции, в Московском Замоскворецком театре имени Ленсовета (там, где сейчас филиал Малого театра), обогатили К. А. Зубова опытом руководителя столичных театров. За ним все более утверждалась репутация отличного организатора советского театра.

Из спектаклей в театре имени Ленсовета, руководимом К. А. Зубовым, у меня в памяти остался «Дворянское гнездо». Это был очаровательный лирический спектакль, овеянный волной искренних чувств, глубоких страданий, бесконечной верой в благородство души человеческой.

Актер поразительной сценической свободы, Зубов, войдя в труппу Малого театра, отлично вжился в великолепный ансамбль таких блестящих мастеров, как Радин, Климов, Головин, Царев М. И., Ильинский И. В., Владиславский, Светловидов, Сашин-Никольский, Лебедев В. Ф., Ленин М. Ф. и другие. Он создал галерею ярких, филигранных по отделке сценических образов, и его по праву надо причислить к плеяде выдающихся русских актеров. Обычно в театральной среде о нем больше вспоминают лишь как о режиссере-организаторе — это несправедливо. Ему принадлежат спектакли, получившие Государственные премии; он создатель таких великолепных постановок, как «Варвары» и «Васса Железнова» Горького.

Лучшие постановки пьес, осуществленные Зубовым,— «Великая сила», «Пигмалион», «За тех, кто в море!», «Порт-Артур».

В Малом театре К. А. Зубов стоял в центре всей жизни коллектива. Он знал интересы актеров и строил репертуар так, чтобы занять каждого актера. Думал об актере, искал для него роль, соответствующую дарованию. Все актеры вспоминают Зубова как настоящего хозяина, который понимал, что, если актер простаивает без дела,— это бесхозяйственность! Но Зубов был не диспетчером, передвигающим фигурки на репертуарной доске; он был **творческим** руководителем, добрым советчиком, и с ним считались во всех случаях творческой актерской жизни.

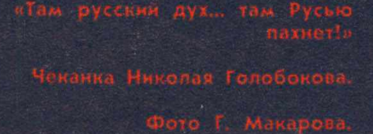
Всегда следил он за тем, чтобы труппа пополнялась актерами, отвечающими особенностям школы Малого театра. И комплектование труппы было делом его рук. Это он пригласил А. Д. Дикого — и как актера и как режиссера. Он был художником широкого кругозора. Режиссеров приглашал сво-

«Там русский дух... там Русью пахнет!»

Чеканка Николая Голобокова.

Фото Г. Макарова.

бодно — не в пример многим другим театрам, замыкавшимся в узком круге «своих» постановщиков. Во время его руководства спектакли ставили Дикий и Петров, Равенских и Страдомская, Цыганков и Гладков...

Сам Зубов, работая над новой постановкой как художественный руководитель, не стремился к тому, чтобы оттеснить своего сорежиссера на «второе» место. Так, «Великую силу» он ставил вместе с Н. Петровым, «Вассу Железнову» — вместе с Е. Велеховым, «За тех, кто в море!» — с В. Цыганковым и т. д.

Во всех спектаклях, созданных Зубовым, мы всегда видели ясную идейно-художественную цель: он был противником ложных «новаторств». Жизненная правда, скрепленная бытом, крупными характерами, соответствующими Малому театру, любовно произнесенным словом, всей красотой речи,— эти качества, десятилетиями утверждавшиеся актерами старших поколений, лелеял и пестовал Зубов, развивая высоко ценимое им реалистическое искусство Малого театра.

Внимательно смотрел он на карту российских театров. И, замечая актера, близкого по творчеству, привлекал в Малый театр. Так в коллектив пришли Григорьев из Казани, Комиссаров из Ярославля, Солодова из Таганрога, Маркушев из театра имени Станиславского, Матвеев, Быстрицкая, Кенигсон, Аверин, Шарлахов, Доронин, Любезнов, Константинов, Штраух, Хохряков — из различных московских театров... Внимателен был Константин Александрович и к молодежи. При нем выросли Телегин, Афанасьев, Ликсо, Роек, Овчинникова и многие другие.

С деятельностью Зубова была связана и практика тесной совместной работы с драматургами в театре. Авторами Малого многие годы были А. Н. Толстой, Л. М. Леонов, К. А. Тренев, Б. С. Ромашов, Н. Ф. Погодин, А. Е. Корнейчук, Б. А. Лавренев, Вс. Вишневский, Г. Мдивани, Д. И. Зорин и другие. С каждым из них Константин Александрович был в дружеских, товарищеских отношениях.

В практике Малого театра еще в сороковые годы систематически проводились читки новых пьес на труппе, с участием драматургов, которые охотно приходили на читку пьес. Заведовали литературной частью Малого театра А. Н. Толстой и Л. М. Леонов. Не раз мне приходилось слышать от Б. Лавренева, А. Корнейчука и других писателей о том, как им помогал Зубов, приходя на помощь в трудную минуту творчества. Пьеса «За тех, кто в море!» не просто появилась на сцене Малого театра; у пьесы были серьезные противники. Некоторые театры проявили к пьесе излишнюю осторожность. Позиция Малого театра и, в частности, Зубова была определенной: он был за пьесу!

Спектакль, поставленный вскоре после окончания Великой Отечественной войны, стал яркой иллюстрацией глубокой человечности и неприглаженной правды. Спектакль получил Государственную премию.

Непросто было и с постановкой пьесы «Великая сила». Пьеса вызвала критику. Говорилось, что Ромашов «пережал» в критике «руководящих лиц», слишком акцентировал явления бюрократизма и карьеризма. Ромашов просил К. А. Зубова пригласить в качестве постановщика пьесы Н. В. Петрова — он был тогда главным режиссером Театра транспорта. Спектакль начали готовить. Б. С. Ромашов продолжал работать над текстом. Но что-то не ладилось. Тогда Зубов, не оттесняя Петрова, стал работать вместе с режиссером и коллективом. Он приложил много усилий, чтобы спектакль вышел боевым, программным, бьющим не только по бюрократизму, но и по стыдному для нашей науки приспособленчеству, низкопоклонству перед западной культурой. Спектакль также получил Государственную премию.

К. А. Зубов был не только режиссером, но и активным организатором постановки пьесы «Крылья». А. Корнейчук рассказывал, что после читки пьесы к нему подошла А. А. Яблочкина и сказала, что хотела бы сыграть в спектакле роль Горицвет — старой учительницы Ромодана, секретаря обкома. Роль была маленькая, всего в одном эпизоде. «Напишите для меня эту роль побольше, сделайте диалог пошире во время встречи с Ромоданом»,— сказала актриса Корнейчуку. Тогда А. А. Яблочкина находилась уже в преклонном возрасте, но ее желание участвовать в спектакле было так искренне, что Корнейчук написал роль заново, а Зубов сделал все, что бы великая актриса ее сыграла.

Малый театр, руководимый К. А. Зубовым, держал направление на драматургию, связанную с жизнью, выдвигающую крупные проблемы современности...

Зубов умел быть веселым и увлекательным собеседником.

Последний раз я видел его на улице Горького, у Елисеевского магазина. Он подошел к автомобилю и стал складывать какие-то кульки и свертки. Улыбаясь, ответил на мое приветствие и сказал: «Еду за город. Что-то стал утомляться. Заходил в ВТО. Просят выступить, а я, знаете ли, выступать не люблю».

Мне показалось, что Константин Александрович располнел, стал менее подвижным, тяжеловатым, хотя, как всегда, был приветлив и общителен. Он пошутил над своей полнотой, сказав, что ему рекомендуют больше ходить, а он все больше передвигается в машине. Посетовал на то, что многое теперь уже запрещено ему врачами, но он не сдается и хочет быть до конца настоящим гедонистом. Помахал рукой и уехал...

...Недавно советский народ и все прогрессивные люди мира отметили 100-летие со дня рождения А. М. Горького. Широко отмечал эту дату и советский театр. Много говорили и писали о лучших горьковских спектаклях, но никто, к сожалению, не вспомнил о том, что были спектакли, которые явились как бы преддверием горьковского юбилея, ставшие классикой, шедеврами советского театрального искусства. Среди них были и остались классическими спектакли «Васса Железнова» и «Варвары» в Малом театре в постановке К. А. Зубова. «Варвары»—это был спектакль-концерт, в котором все пело, все поражало своей подлинной артистичностью.

Сам Зубов играл роль Цыганова. Если бы мы попытались представить себе иное решение этого образа, то мы все равно пришли бы к тому, что сделал К. А. Зубов. Он сумел воссоздать в образе Цыганова время, целую эпоху, которую Горький продолжил в «Жизни Клима Самгина». Она привела таких, как Цыганов, в лагерь контрреволюции. Цыганов Зубова — блестящее создание характера, определенного в своей идейной точности, на редкость многогранного. Тут цинизм и ирония, находчивость и интеллигентность, внешняя воспитанность, простота и свобода движений, умение расположить к себе людей «тонкостью» обхождения...

Как живой стоит Зубов и в образах Хиггинса в «Пигмалионе», Боленброка в «Стакане воды». А вот русский барин, дворянин Фамусов; здесь Зубов передал черты слуги и хозяина: высокомерие и низкопоклонство, широкая натура богатого человека и рядом мелочность обывателя, старого селадона, сладострастника и ...законника нравственности...

Последней работой Зубова как актера был образ бездарного генерала Стесселя в спектакле «Порт-Артур». Стессель — отвратительное порождение царской армии, ее генералитета, тупого и безынициативного, подчиняющегося не смыслу, а букве приказа. К. А. Зубов создал образ жалкий и страшный. Это самодовольный, упивающийся властью пустельга и тряпка, подкаблучник своей жены, такой же властной, но твердой в своих планах, беспардонно вмешивающейся в дела своего мужа. Стессель Зубова — то худшее, что воспитала система шаркунов, способных на позирование перед войском и на предательство за кулисами. Отличная актерская работа Зубова украсила финал его творческого пути.

Когда пытаешься прийти к какому-то обобщению работы, сделанной для театра Зубовым, как его организатором, режиссером и актером, становится особенно ясно, что в свое время советский театр получил умного, превосходного режиссера и выдающегося актера. Созданные им сценические образы останутся на многие годы в ряду того, что сделано великими мастерами сцены.

Почему же не написаны статьи и книги о сценических зубовских созданиях? Мы ведь лишь только напоминаем о них в этой статье.

Может быть, потому, что творчество Константина Зубова, вся его деятельность неотделима от Малого театра и так слита с ним, что рассматривается только в единстве с ансамблем театра? Но мы и поныне восхищены его талантом. И надеемся, что к творчеству великолепного советского режиссера и актера обратят свои взоры историки советского театра.

КОГДА ПОЕТ МЕТАЛЛ

Каждый раз в своих частых поездках по стране, знакомясь с писателями, художниками, артистами, со всеми, кто по долгу своего призвания обязан служить «Великому делу любви», ибо искусство — это прежде всего любовь, я всегда задаю вопрос: «Кого вы считаете своим учителем в творчестве?»

— Кого? — Молодой орловский художник Николай Голобоков задумался.— Знаешь, я бы назвал несколько имен мастеров кисти, резьбы, чеканки, керамики. И это, несомненно, были бы мои учителя. Но я по призванию художник-прикладник. А, как правило, все мы, ну, может быть, не все, но в большинстве учимся своему ремеслу у безвестных художников, имя которым — народ.

А сейчас такое время настало, что все больше и больше людей с пристальной любовью и вниманием разглядывают древнюю фреску, икону, чеканный оклад к ней, свистульку, сделанную руками вятского мастера, вологодские кружева... Как все это красиво! Сколько душевной теплоты, выдумки, сколько необыкновенных линий, точных штрихов в каждом таком вот памятнике! Именно памятнике. Интересно, что история говорит с нами душевной красотой народа, воплощенной руками мастеров в своих произведениях.

Вот они-то и есть, если говорить обо мне, учителя. Но одного учителя я все-таки назову.

Я молча слушал Николая. Только что мы смотрели его работы, разложив их на длинном редакционном столе, расставив на стульях и просто у стен в конференц-зале. «У лукоморья дуб зеленый», «Три девицы под окном», «Тридцать три богатыря», «Лес и дол», «Птица Сирин»...— так назывались работы художника. Пушкинской сказкой веяло от воплощенных на жести рисунках, родным росным, аукающим в грибном лесу детством, лесной Псковщиной и широкой степной Орловщиной были полны эти работы.

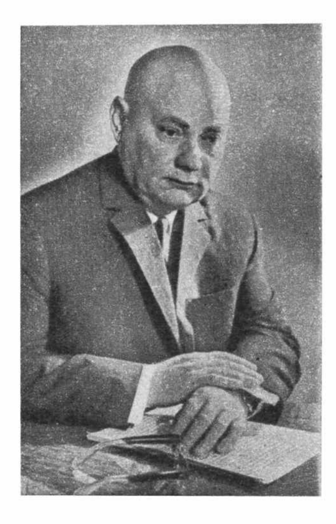
Мальчишкой полюбил Николай русскую частушку, поговорку, задорную, озорную песню, улыбку полюбил. Выучившись играть на трехрядке, не раз веселил вечерами друзей игрой в ремесленном училище, где впервые понял, «что и железо петь может». А в юношеские годы, уже будучи учащимся Абрамцевского художественно-промышленного училища, играл на деревенских свадьбах от Александровской слободы, считай, до самого Ярославля. Вот оттуда и пришли в его работы пастух с коровкой Буренкой, и старик со старухой на мотороллере, и удивительный зверь Турлы-мурлы, и гуси-лебеди, и прощание с журавлями, и еще многое, многое, что удалось увидеть и услышать в родных русских лесах.

Многому научила Николая Голобокова жизнь. Пройдя свой пока еще не очень-то большой путь от ученика судостроительного ремесленного училища до преподавателя в детской художественной школе города Орла и художника-чеканщика, он по-прежнему свято хранит завет деда. Иван Фомич, благословляя внука в трудовую жизнь, сказал просто: «Когда у тебя в руках ремесло — это главное».

Ремесло Николая Голобокова — искусство русской чеканки. И ему его совершенствовать, искать, и находить, и стремиться к тому, чтобы пел металл, чтобы радовал человека.

— И все-таки я назову своего учителя,— говорит Николай.— Учителя каждого русского, кто встал на трудный путь служения искусству. Имя ему Александр Сергеевич Пушкин.

Ю. СБИТНЕВ

ВО ИМЯ СВЕТА НА ЗЕМЛЕ

К 60-летию со дня рождения С. Бабаевского

По-разному складываются писательские судьбы. Одни годами терпеливо и настойчиво разрабатывают определенную тему, ищут свое «творческое лицо», но долго пребывают без внимания критики и широкого признания читателей. Другие, наоборот, почти с первых шагов громко заявляют о своем появлении на литературном небосклоне. Но известность их нередко исчезает так же быстро, как и появляется. Часто бывает, что писатель переживает кризисы и творческие взлеты, и трудно уследить за его «ростом». Как бы то ни было, но его значимость, его место в литературе в конце концов определяются значимостью того, что им создано.

Семен Бабаевский принадлежит к числу тех писателей, которые вошли в литературу не вдруг, не сразу, но вошли уверенным, твердым шагом и честно несут это высокое звание. Первый рассказ Семена Бабаевского «В учениках» был опубликован в газете «Красный пахарь» в 1929 году. Одна за другой выходят новые книги писателя. И хотя они своевременно не были замечены критикой, читатель увидел, что в литературу пришел оригинальный, талантливый писатель, со своим видением мира, с живым, образным словом.

Широкую известность и признательность читателей Семену Петровичу Бабаевскому приносит его послевоенный роман «Кавалер Золотой Звезды», удостоенный Государственной премии. Это был один из первых значительнейших наших романов, показывающих восстановление разрушенного войной колхозного хозяйства. В нем перед нами в полный рост встают волевые, закаленные войной люди, которым предстоит возродить к жизни опаленную огнем родную землю.

Становление и мужание нового человека привлекает внимание многих художников слова. В этом смысле Сергей Тутаринов Бабаевского не только не повторяет «ходы» героев-предшественников, а идет значительно дальше, помогает увидеть глубинные процессы формирования духовных сил человека.

Проза Семена Бабаевского принадлежит к значительным явлениям новой литературы России, рожденной Великим Октябрем. Знакомишься с ней и словно видишь волнующееся море хлебов, бескрайние пыльные дороги с убегающей вдаль цепочкой телеграфных столбов, слышишь голоса степных птиц, ощущаешь медвяный запах трав.

Неутомимый творческий поиск, патриотическая преданность родному краю, любовь к людям, к жизни приводят писателя к новым творческим замыслам. Один за другим выходят в свет его романы: «Сыновний бунт», «Родимый край», повести: «Сухая Буйвола», «Сестры», «Четыре Раисы», рассказы, очерки... Герои произведений С. Бабаевского — пахари, чабаны, сельские учителя, партийные работники и советские руководители. Писателю удается талантливо, ярко выявить суть жизненных ситуаций, глубоко раскрыть заповедные мысли людей, их взаимоотношения.

В этом же убеждает новый роман Семена Бабаевского «Белый свет», поступивший недавно на книжные полки. В центре острого действия его — бывший секретарь обкома Холмов. Но слово «бывший» как-то не совсем вяжется с образом этого чистого, бескомпромиссного и честного человека. Не столько болезнь, сколько сложившиеся обстоятельства стали причиной его ухода на пенсию. Однако Холмов не допускает и тени обиды или недовольства на свою судьбу. Ибо это человек дела, натура цельная, гордая, волевая.

Положение главного героя романа, оказавшегося в иной роли, позволяет ему посмотреть на себя и на людей как бы с другой, новой стороны. И некоторые промахи и просчеты, которые прежде допускались им в работе, Холмов видит более отчетливо. И не только видит. Новый ракурс подмеченных им явлений наводит его на глубокие размышления. Он много анализирует и обобщает, пытаясь разобраться в самой сути, в природе многих, ставших типичными, недостатков работы, поведения людей.

Обращение писателя к такой важной теме — существо партийной работы, стиль руководителя — решение смелое. Оно, как известно, высоко и почетно, но налагает на художника и большую ответственность. Семен Бабаевский талантливо решил эти трудные проблемы. Синтез исследователя и художнический поиск помогли ему создать сложные, глубокие и правдивые образы наших современников. Такие черты героев, как их преданность своим идеалам и делам, С. Бабаевский раскрывает образно неповторимо.

Неторопливо ведет писатель своего главного героя по прикубанской степи. Его встречи со станичниками происходят на колоритном фоне строящихся станиц, колхозных и совхозных усадеб. Со свойственным чувством юмора С. Бабаевский рисует бытовые сцены, по-мастерски умело и бережно использует в языке своих героев акценты казачьего говора.

Творчество С. Бабаевского трудно разделить на какие-либо периоды, ибо каждое его произведение как бы вытекает одно из другого, дополняет каждое предыдущее.

И поэтому с большим интересом открываешь новые страницы его книг. Мысленно переносишься в шумящий человеческий круговорот, на широкие кубанские степи, щедро освещенные южным солнцем. И всегда испытываешь одно и то же желанное чувство — чтобы встреча с новой книгой этого писателя была не последней.

Сергей ЛИСИЦКИЙ

Зоя ГРАЖДАНСКАЯ

ЛИРИЧЕСКИЙ ТРИПТИХ

МАТЕРИ

От морей до морей,
До далекой звезды
Слышен крик матерей:
— Берегись беды!

И огня. И воды.
И на помощь зови!
Берегись вражды!
Берегись любви!

Канонад, батарей
Заглушая вой,
Слышен крик матерей:
— Берегитесь войн!

Нас иначе б выплавить,—
Вы простите нас:
Мы не можем выполнить
Ваш простой наказ!

Мы от вас рождены,
В жилах ваша кровь.
Умирать должны
За свою любовь!

ЮНОСТЬ

Сядь в уголке и задумайся
(В сторону хлам!),
Что оставалось от юности
Сломанной — нам?

Не развлечений кукольных
Пестрая пыль —
Груды домов обугленных,
Ребра стропил.

Десны кровоточащие
После цинги.
Сердце, еще кричащее
Слово: «Враги!»

В сердце — жестокая ссадина,
Гнева желвак:
Родина не украдена,
Но — чуть жива.

Обувью деревянною
Щелкая на ходу,
Мы начинали раны ей
Лечить в том году.

Чтоб из больной и заброшенной
Стала светла.
Все же у нас хорошая
Юность была!

МОЯ БЕРЕЗА

Моя береза, как мир, стара,
Почти упала.
Но поднялось из ее ствола
Стволов немало.

Моя береза — ей сотня лет,
А может, двести.
Но тех отростков белейший цвет
Под стать невесте.

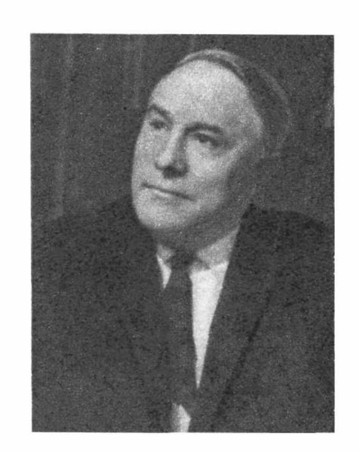
Моя береза растет до звезд
И не устала.
Там двадцать пять молодых
берез —
Корона старой.

Там двадцать пять белоснежных
свеч
С огнем зеленым.
О, как хочу я тебя сберечь
И твою корону!

Моя береза, до звезд расти,
До синих окон!
Моя береза, меня прости,
Что я далёко!

Я здесь, где город скрестил пути,
Где дышат трубы...
Как я сумею тебя спасти
От лесоруба?

ГЛАВНОЕ — ЗАНЯТЬ ЧЕТКУЮ ПОЗИЦИЮ

БЕСЕДА С РЕДАКТОРОМ ЖУРНАЛА «ИСКУССТВО КИНО»

Известный писатель, критик и публицист Евгений Данилович Сурков, назначенный недавно главным редактором журнала «ИСКУССТВО КИНО», по просьбе редакции поделился с нашим корреспондентом Н. Зыбиной планами дальнейшей работы журнала, своими раздумьями по поводу важнейших современных проблем кинокритики и киноискусства, рассказал об основных задачах, стоящих перед журналом на ближайшее время.

Главная задача журнала — занять определенную и четкую позицию в современном кинематографическом процессе. Позицию, которая способствовала бы укреплению той «линии огня», где идет бой за партийное, ленинское понимание важнейших проблем века, помогла бы кинематографистам освободиться от всего мелочного, несостоятельного, конъюнктурного, что налипает на их произведения — как ракушки на дно корабля — и затрудняет ход самого корабля...

Думается, для выполнения этой задачи необходимо в кинокритике прежде всего преодолеть тот, я сказал бы, «раздраженный субъективизм», который неизбежно ведет к потере главного: потере ощущения живой причастности ко времени, когда частное, личное, чисто вкусовое отношение к явлениям кинематографии выдается за народное.

На страницах журнала «Искусство кино» мы хотим широко развернуть углубленную борьбу с той девальвацией киноискусства, в результате которой на экранах появляются картины, лишенные большой, смелой мысли, своеобразного видения жизни, самостоятельности режиссерской концепции.

В этих целях мы предпринимаем большой обмен мнениями на тему «ДУХОВНЫЙ МИР СОВРЕМЕННИКА И ЭКРАН». Наши страницы мы предоставим и мастерам кинематографа, и зрителям всех профессий, и критикам. В этой дискуссии должна по возможности более полно, наглядно выявиться мера соответствия творческих исканий мастеров кино духовным запросам зрителей, народа.

В процессе подготовки дискуссии у меня появилось ощущение, что зритель порой больше знает о жизни, чем те, кто иной раз разговаривает с ним с киноэкрана; что диапазон мышления советских людей, глубина их представлений о мире несоизмеримы с интеллектуальным уровнем многих картин и что именно поэтому глубина раскрытия в них характеров, образов, проблем справедливо не удовлетворяет тех самых людей, о которых такие картины рассказывают... Нам всем важно было бы понять, почему психология человека, вросшего всеми корнями в действительность, черпающего из нее силы для ощущения себя хозяином жизни, хозяином всего нашего необъятно широкого советского мира, так слабо и неточно, поверхностно отражается на экране. Почему, иными словами, образ человека — хозяина своего большого советского дома — так редко появляется в кинематографе.

Разрешая такие вопросы, придется, вероятно, вступать в прямую полемику с некоторыми режиссерами, сценаристами, критиками. Но мы будем делать это, опираясь на положительный опыт, накопленный киноискусством. И не в прокуренных кабинетах студий или сценарных коллегий, а выходя на широкие просторы истинно всенародного обсуждения.

Мы сейчас пристально думаем о том, как превратить наш журнал — при всей его специальной направленности — в орган прежде всего отчетливого и сильного общественно-политического звучания. Как сделать, чтобы теоретическое освещение даже узкопрофессиональных проблем помогало бы разработке, уточнению эстетических нормативов нашего кинематографа, велось бы в контексте тех споров о месте искусства в атакующем строю, какие ведутся в литературе, театре... Изолированность кино в ряду других искусств — явление вредное, тормозящее наше развитие.

Среди важнейших вопросов, которые ставит перед собой журнал,— обращение к лучшим традициям отечественного кинематографа во всей их исторической полноте.

Несколько лет тому назад было высказано мнение, что с 1935 года по 1956 год наша кинематография была «заморожена». Мы ставим своей задачей наглядно доказать порочность подобного суждения, ведущего опять-таки к девальвации, обесцениванию художественных явлений, которые — очень важно это видеть! — образуют ЕДИНУЮ цепь, одно нерасторжимое целое. Ведь если внимательно разобраться в фактах, то именно в 30-е годы в кино были открыты формы сюжета, позволившие с большой идейно-художественной глубиной показать единство человека и истории. В таких фильмах, как «Член правительства», «Юность Максима», «Великий гражданин», «Комсомольск», и других невозможно не видеть великой организующей силы, того мощного ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗАРЯДА, который сыграл огромную роль в становлении и формировании героического, несгибаемого характера поколения, победоносно прошедшего через войну. Думается, в том факте, что именно это поколение выиграло войну с фашизмом, сыграла свою немалую воспитательную роль и кинематография 30-х годов.

Особого внимания требует сейчас военная тема. К ней наш кинематограф обращается часто. Но, видимо, сегодня пора снова подниматься к высоким психологическим и социальным обобщениям, отказываясь от бытовизма, ложной «надрывности», мелкотемья в освещении величайшего исторического периода в жизни нашей страны.

Особой важности задачи падают на плечи кинокритиков, занимающихся проблемами зарубежного кино. Здесь работает много талантливых, широко осведомленных людей. Но их статьям иногда не хватает классовой, политической заостренности; не хватает умения разглядеть за той или иной картиной картину охваченного непримиримыми противоречиями мира.

Мне представляется очень важным наладить для читателей журнала «Искусство кино» постоянное и серьезное ИЗУЧЕНИЕ РАБОТ КРУПНЕЙШИХ МАСТЕРОВ и нашей и зарубежной кинематографии. В связи с этим мы имеем в виду опубликовать целую серию статей о кинематографистах нашего поколения. И не только для того, чтобы рассказать о богатстве творческой палитры лучших режиссеров, актеров, сценаристов, операторов, но главным образом для того, чтобы яснее, глубже уяснить себе, на что мы должны опираться в нашем движении вперед.

В особенности важно при этом, чтобы советский кинематограф предстал на страницах журнала как явление МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ: чтобы кругозор пишущих у нас критиков не был замкнут Москвой и Ленинградом. Кинематографисты Украины, Грузии, Узбекистана, Литвы, Молдавии, Киргизии, Казахстана, других республик окрепли, творчески возмужали настолько, что, не учитывая постоянно их достижений и художественных открытий, просто нельзя говорить о современном кино.

Твердо держась принципа социалистического реализма в киноискусстве, всегда помня о широчайшем диапазоне этого понятия и чуждаясь «генерализации» какой-либо одной стилевой линии, одной школы, мы будем критиковать отсутствие самостоятельности кинематографического мышления, непонимание исторических основ оптимизма, присущего мировоззрению советских людей. Мы постараемся, в частности, развенчать то странное представление о «добре», о возможности «всепрощения», которое проявляется сейчас в работах некоторых наших кинодеятелей, теряющих в своем творчестве социальные критерии. Такие, например, фильмы, как «Источник» (Ленфильм), «Игры взрослых людей» (Рига), «Жажда над ручьем» (Мосфильм), «Короткие встречи» (Одесса), получат, надо надеяться, на страницах нашего журнала оценку с позиций высокой требовательности.

Бережно поддерживать все истинно талантливое, смелое, отмеченное печатью истинной народности и самобытности — такова наша ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА. Именно во имя того, чтобы расчистить дорогу для настоящего, большого и умного искусства, мы будем бороться с ремесленничеством и конъюнктурщиной, серостью красок и узостью кругозора, мешающими видеть широчайшие, открывающиеся перед нами исторические горизонты.

Аркадий ВАЙНЕР,

Георгий ВАЙНЕР

РОМАН В ДОКУМЕНТАХ

Рисунки В. КАРАСЕВА.

Я, СЛЕДОВАТЕЛЬ...

ЛИСТ ДЕЛА 66.

Патроны от пистолета «ТТ». Они все время удерживали мое внимание. И о них я думал, читая протокол допроса охранника Миронова. Я опоздал на два дня. Если бы я успел с ним поговорить, он наверняка рассказал бы мне много, много важного. Но он позавчера умер. Остался только протокол...

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
охранника МИРОНОВА (Копия из уголовного дела № 781).

...По существу заданных мне вопросов могу показать следующее:

В мои обязанности входит обеспечивать безопасность инкассации. Мы оба — инкассатор и я — вооружены. Восемнадцатого сентября мы, как обычно, производили инкассацию денежной выручки нескольких магазинов. В магазин № 17, где выручка самая большая, мы с инкассатором Баллоде приехали перед самым закрытием, то есть около двадцати часов.

Выручка магазина была уже подготовлена, мы оформили инкассаторскую ведомость и, выйдя из магазина, направились к ожидавшей нас у подъезда автомашине. Баллоде с денежной сумкой шел впереди, а я — следом за ним. Прохожих было как раз мало, всего двое: слева от нас шла по тротуару какая-то женщина, а справа — молодой высокий мужчина. Внезапно, проходя мимо нас, мужчина поднял руку, и вслед за этим я услышал два выстрела. Баллоде сразу же упал вперед, лицом вниз, подмяв под себя сумку. Я почувствовал тупой удар в живот, ужасную боль и понял, что преступник выстрелил и в меня. Я упал на бок. Что было потом, я помню плохо, но все же я видел, как грабитель бросился к Баллоде, нагнулся и стал вытаскивать из-под него сумку, а Валдис ее не отпускал, и он бил его пистолетом по голове. Уже теряя сознание, я перевалился на другой бок, выдернул из кобуры пистолет и стал стрелять в преступника с левой руки, потому что правая совсем отнялась. Бандит повернулся ко мне, направил на меня пистолет, и я подумал: «Вот пришла моя смерть». Но его пистолет только щелкнул, а выстрела не было. Тогда я еще раз выстрелил в грабителя. Последнее, что я помню,— он выпрямился и бросился бежать через улицу. Потом я потерял сознание. Очнулся только вчера вечером, в больнице.

Приметы преступника я запомнил плохо, потому что видел его всего несколько секунд и был сильно испуган.

Вопрос. Подозреваете ли вы кого-нибудь в этом преступлении?

Ответ. Нет. Я совершенно не представляю, кто бы это мог быть.

Вопрос. Рассказывали ли вы кому-нибудь об особенностях своей работы, объектах инкассации, о суммах выручки?

Ответ. Никогда. Да и не интересно это никому. Кроме того, это прямо и категорически запрещено служебной инструкцией.

Протокол мне прочитан. Записано с моих слов правильно.

По просьбе гражданина Миронова, в связи с тяжелым состоянием его здоровья, за него расписалась медсестра 2-й городской больницы

ЗЕЛМА СИЛИНЯ.

Допрос произвел следователь
КРУМИНЬ.

ЛИСТ ДЕЛА 67.

У Бандита, видимо, кончались деньги.

Сознавая безнадежность своего занятия, я все время пытался прикинуть, сколько у него денег было и сколько он потратил. Как только деньги кончатся, он кого-нибудь убьет. Теперь дорога каждая минута. Каждая минута может стать непоправимой. Среди людей бродит бешеный волк. Загнать его в капкан мне пока не удается.

Я вспомнил, как старый следователь Вадим Иванович Машкин однажды сильно удивил меня. Он протянул зажженную спичку Панову и Синицину, те прикурили, и Машкин задул огонь. Потом зажег новую спичку и прикурил сам. Я рассмеялся. Машкин покосился на меня и сказал:

— От одной спички третьему прикуривать не дают.

— Это почему еще? Спички дешевые?

— Дуралей. С фронта обычай. Пока двое прикуривают, можно успеть прицелиться. Вот третьего-то и убивают...

...На инкассаторов, конечно, напал Бандит. «Почерк» его. Способ нападения, приметы, вид оружия — пистолет «ТТ», исключительная дерзость — все говорит за то, что здесь побывал Бандит.

Ну, а вдруг я ошибаюсь? Вдруг я помчусь по

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14—20, 22.

следу другого преступника, руководствуясь старыми представлениями о «своем» Бандите? Тогда я неизбежно окажусь в тупике. И нового не поймаю и старого упущу.

Нет. Мне нужны непреложные доказательства того, что я не напал на чужой след. Надо сравнить патроны, найденные в Крыму и в Риге.

Надо спешить. Бандит прикурил уже дважды. Я обязан успеть прицелиться первым...

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
о назначении баллистической экспертизы
Гор. Рига.

Я, СЛЕДОВАТЕЛЬ, рассмотрев материалы уголовного дела № 4212 по факту убийства Е. К. Корецкого и уголовного дела № 781 о разбойном нападении на инкассатора,

УСТАНОВИЛ:

В обоих случаях преступник применил, судя по стреляным гильзам, обнаруженным на местах преступлений, огнестрельное оружие типа пистолета «ТТ».

В связи с этим необходимо проверить, не совершены ли оба преступления при помощи одного и того же оружия.

Принимая во внимание, что по делу необходимо получить заключение специалистов,

ПОСТАНОВИЛ:

Назначить по настоящему делу баллистическую экспертизу, на разрешение которой поставить вопрос: «Из одного и того же, либо разного оружия стреляны пули и гильзы, обнаруженные на местах преступлений в Крыму и в Риге?»

СЛЕДОВАТЕЛЬ.

ЛИСТ ДЕЛА 68.

Следователь Круминь сказал:

— Не знаю, утверждать не могу, но, судя по тому, как ловко он воспользовался проходным двором, похоже, что работал местный...

Я почти не слушал его, стоя у окна, иссеченного дождевыми каплями, все время раздумывая об убийце. Я вспоминал распростертое на траве тело Жени Корецкого, красные глаза капитана Астафьева, окаменевшую Тамару Ратанову, маленького Баллоде с залитым кровью лицом и судорожно зажатой в руках инкассаторской сумкой. Я пытался представить себе ползущего по грязному тротуару Миронова, с пистолетом, пляшущим в левой руке... И никак не мог увидеть его лица и от этого не мог больше ни о чем думать. А лицо Миронова все никак не появлялось, рушилось, крошилось, будто я лепил его из застывающего гипса. От этого было так тяжело, что я негромко застонал.

— Что с вами? — спросил Круминь.

— Ничего. Сердце немного колет.

— Возьмите таблетку валидола, помогает.

— Спасибо, не надо. Уже прошло. У вас фотография Миронова есть?

— Есть. А зачем вам?

— Дайте-ка посмотреть...

Он протянул мне фотоснимок — курносое лицо на потрескавшейся тусклой бумаге. Таких на каждой улице тысяча. А теперь будет 999. Убили человека.

Круминь сказал:

— Вы допрос дворника лучше прочитайте...

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
Густава КРАСТЫНЬША

(Копия из уголовного дела № 781)

...Дом № 29 по улице Суворова, который я обслуживаю и в котором живу со своей семьей, имеет проходной двор, выходящий на улицу Рацениc. Восемнадцатого сентября, примерно в половине восьмого вечера, после ужина, я вышел на улицу Суворова, прогулялся до угла и вернулся к своему дому уже по улице Рацениc. У ворот я встретил знакомого — Черницкого Сигизмунда, который шел из бани. Мы остановились и несколько минут разговаривали. Я заметил, что около тротуара, рядом с нашим домом, стояла светлого цвета «Волга». В ней никого не было, но мотор работал. Я еще подумал, что, наверное, шофер отошел к киоску за сигаретами. Мы поговорили с Черницким и разошлись. Я вошел во двор и почти сразу же услышал два выстрела, а следом за ними — еще три или четыре. Они доносились с улицы Суворова. В ту же секунду во двор с улицы Суворова вбежал мужчина высокого роста в сером костюме. В руках у него был пистолет. Он пересек двор и, не обратив на меня внимания, выбежал на улицу Рацениc. Через несколько секунд я услышал шум отъезжающей машины. Я побежал за ним на улицу и, выглянув из ворот, увидел удаляющуюся «Волгу». Ту самую, что стояла около нашего дома. Машина скрылась в направлении вокзала. Я вернулся во двор, куда уже подоспели работники милиции. От них я узнал, что бандит напал на инкассаторов. Я рассказал им все, что видел. Номер той машины я не запомнил. Цвет ее был светлый, а точнее сказать не могу, не приглядывался.

Записано с моих слов правильно

КРАСТЫНЬШ.

Допрос произвел следователь КРУМИНЬ.

ЛИСТ ДЕЛА 69.

Бандит просил по телефону «маслят». Значит, патроны у него на исходе. Неизвестно только, что ответил ему иногородний абонент. Но самое непонятное: откуда взялась «Волга»? Сначала я подумал о машине Корецкого, но потом отбросил эту мысль. Линнасте категорически утверждала, что никакой машины у ее замечательного кавалера не было. Нет, машина Жени осталась где-то между Крымом и Ригой.

И вдруг я вспомнил про автомобильный номер, который Бандит возил с собой в портфеле. Я набрал номер телефона уголовного розыска:

— Пришлите мне еще раз сводку о происшествиях по городу за 17 и 18 сентября...

ОТДЕЛ МИЛИЦИИ РИЖСКОГО ГОРИСПОЛКОМА
Сводка
о происшествиях по городу
за 18 сентября

...п. 6. УГОН АВТОМАШИНЫ.

Между 14 и 18 часами от дома № 7 по Первомайской улице с места постоянной стоянки неизвестным лицом угнана автомашина «Волга», государственный номерной знак № ЛА-96-73, светло-серого цвета, принадлежащая гражданину Дулицкому Н. В., проживающему в квартире 21 по указанному адресу.

Розыск ведет городской отдел милиции...

ЛИСТ ДЕЛА 70.

Я чувствовал, как меня душит время. Его почти совсем не оставалось. Надо было успеть, надо опередить Бандита.

Я позвонил начальнику телефонной станции и устроил ему скандал. В научно-техническом отделе обещали до вечера закончить экспертизу патронов. Успеть, успеть! Как это писал Лист на партитуре: «Играть быстро. Еще быстрее. Как только можно быстро! И еще быстрее...»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ

...В результате исследования экспертиза установила:

1. Три стреляные гильзы из коробки с надписью «Солнечный Гай» и две стреляные гильзы из коробки с надписью «Рига» однотипны и представляют собою гильзы от пистолетных патронов типа «ТТ».

Сказанное в равной мере относится и к пулям.

2. Совокупность особенностей следов, обнаруженных на тех и других боеприпасах, совпадающих между собой, дает основания для категорического вывода о том, что боеприпасы, изъятые с места происшествия в Солнечном Гае и в Риге, стреляны из одного и того же оружия, а именно пистолета «ТТ»...

ЛИСТ ДЕЛА 71.

Все совпадало. Больше сомнений нет — это дела Бандита. Но я очень удивился, когда узнал, что «Волгу», угнанную им перед нападением на инкассатора, нашли на следующий день. Бандит почему-то бросил ее в Олайне — в 25 километрах от Риги.

Я позвонил хозяину «Волги» Дулицкому и попросил срочно приехать ко мне.

— Но моя машина ведь уже найдена? — удивился Дулицкий.

— У меня есть к вам несколько важных вопросов. Приезжайте быстрее. И, пожалуйста, на вашей машине...

Дулицкий оказался чопорным сухопарым человеком в больших роговых очках. Он так много говорил слово «мое» с разными существительными, что я устал от него. Дулицкий умудрился вмонтировать это слово даже в шутку: «Я, видите ли, возражаю, когда в моей машине ездят без меня». Не знаю почему, но он произвел на меня впечатление человека, который носит в карманах две пачки сигарет — хорошие — для себя, а плохие — для «стрелков».

Он сказал:

— Я ведь обычно держу мою машину в моем гара́же...

Дулицкий все время говорил «в гара́же», «из гара́жа», «около гара́жа». И меня это почему-то злило...

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
ДУЛИЦКОГО

«...Восемнадцатого сентября я, как всегда, был на работе, где пользуюсь служебной автомашиной. Моя «Волга», в связи с ремонтом моего гаража, стояла на улице рядом с моим домом. Мой рабочий день заканчивается в семнадцать тридцать, а в восемнадцать часов я уже был возле своего дома. Здесь я сразу обнаружил отсутствие моей машины. Последний раз я ее видел в четырнадцать часов, когда уезжал из дома после обеда. Значит, ее угнали между четырнадцатью и восемнадцатью часами, о чем я и заявил в милиции. Утром девятнадцатого сентября в Олайне, недалеко от железнодорожной станции, нашли «Волгу». Меня сразу же вызвали туда, и я увидел свою машину. Однако номер с нее был украден, а сама она, к моему изумлению, была сверху — вся крыша и боковые ободы — перекрашена в белый цвет. Причем сделано это было явно на скорую руку, небрежно и в один слой. Это все для меня совершенно непостижимо — зачем надо было перекрашивать мою машину и похищать с нее номер.

Подозрений против кого-либо я не имею. Я вообще не мог предположить, что кто-нибудь сможет угнать мой автомобиль: помимо электрической «секретки», он был снабжен великолепным нестандартным замком. Однако вор непонятным мне способом вырубил замок, а секрет в электрической схеме каким-то образом обошел.

Вопрос. Не обратили ли вы внимания на спидометр? Следствию важно знать, сколько наездил угонщик.

Ответ. Да, естественно, сразу же. Угонщик проехал всего около ста километров.

Протокол мною прочитан, дополнений и замечаний не имею

ДУЛИЦКИЙ.

Допрос произвел

СЛЕДОВАТЕЛЬ...»

ЛИСТ ДЕЛА 72.

Я вышел с Дулицким на улицу и внимательно осмотрел его машину. Белая краска была грубо нанесена на верхнюю часть кузова, кое-где она уже лупилась, в отдельных местах смазалась или засохла потеками. Личинка замка была вырублена аккуратно, и размер отверстия в двери был больше диаметра личинки всего на миллиметр.

— У вас ничего не пропало из машины?

— Вроде бы ничего. Ах, да! Исчезла из багажника моя новая камера, которую я купил для запасного колеса.

По лицу Дулицкого было видно, что он хочет вернуться со мной в кабинет, чтобы я внес в протокол его заявление о пропаже камеры. А я долго ходил вокруг машины, пытаясь сообразить, где Бандит успел пускай плохо, но все-таки покрасить машину.

— Вы говорите, что пропала камера?

— Да. Бесследно пропала моя новая камера.

Вот тут-то я наконец понял. Пропавшая камера, пистолет с набалдашником и банка с краской в портфеле Бандита, перекрашенная машина, как мостовые опоры, легли под рельсы моей догадки. Пистолет был, видимо, кустарно изготовленным, но очень эффективным пульверизатором. Шлангом с двумя штуцерами он соединял его с вентилем туго накачанной камеры, заливал краску в набалдашник — и краскопульт готов. Жидко разводя краску и покрывая ею автомобиль в один слой, Бандит за час-полтора успевал перекрасить машину.

Теперь все ясно. Он загонял краденый автомобиль в ближайший лес, ставил краденый номер, быстро красил низ или верх машины, чем разительно менял ее внешний вид. А дальше ехал уже совершенно спокойно. Точно так он поступил с машиной Дулицкого. Он, наверное, давно высмотрел, когда приезжают в магазин за выручкой, и поэтому сразу после обеда угнал «Волгу». До Олайне — двадцать пять километров, а он наездил около ста. Значит, угнав машину, он выехал за город, перекрасил ее и вернулся к вечеру в Ригу. Краска, судя по прилипшим песчинкам и пыли, даже не успела высохнуть. Но ему было наплевать: на этой машине Бандиту требовалось проехать всего один раз.

Проходной двор он тоже присмотрел заранее. Очень возможно, что его выбор поэтому и пал на магазин номер семнадцать. Он оставил машину на улице Рацениc с работающим мотором и, когда вырвать сумку не удалось, пробежал через двор, сел в кабину и удрал в Олайне. Но если он просто хотел скрыться, то ведь ехать в Олайне глупо! Проще было бросить машину где-нибудь на соседней улице. Ведь просто глупо же было мчаться в Олайне!

— Не понял?..— строго спросил Дулицкий.

Я не заметил, как последние слова произнес вслух.

— Это я не вам,— сказал я, попрощался с Дулицким и пошел к себе.

В кабинете, на столе, уже лежала справка с междугородной...

В ГОРОТДЕЛ МИЛИЦИИ,
СЛЕДОВАТЕЛЮ

(На ваш запрос № 147с)

Рижская междугородная телефонная станция сообщает, что 17 сентября в 22 час. 30 мин. с индивидуального телефона номер 3-99-89 состоялся междугородный разговор в кредит по льготному тарифу с абонентом в городе Львове гр. БЕРЕЗКО (индивидуальный номер 37-54)

Зам. начальника Рижского телефонного узла

ВЕРНИЕКС.

Окончание следует.

ГОСТИ «ОГОНЬКА»

По приглашению журнала «Огонек» в Москву приехал известный итальянский фотокорреспондент Кайо Гаррубба с супругой. За время пребывания в СССР Кайо Гаррубба намерен сделать ряд фоторепортажей для итальянского коммунистического еженедельника «Вие Нуове».

Н а с н и м к е: наши гости в редакции журнала.

ДАР ГЕТЕ РУССКОМУ НАУЧНОМУ ОБЩЕСТВУ

Известно, что Иоганн Вольфганг Гете, более всего прославившийся своими поэтическими творениями, был и выдающимся ученым-натуралистом, проявлявшим глубокий интерес к различным отраслям естественных наук своего времени — физике и химии, минералогии и геологии, метеорологии и ботанике...

Великий поэт и натуралист поддерживал связи со многими учеными и научными обществами различных стран, в том числе и России. В связи с этим обращает внимание следующее краткое известие, появившееся в одном из русских научных журналов за два года до смерти автора «Фауста»:

«Гете, знаменитый германский поэт, прислал значительное число горных пород и других ископаемых, находящихся в окрестностях Карлсбада в Богемии (т. е. нынешнего г. Карловы Вары, Чехословацкой Социалистической Республики.— Вл. Б.), с подробным печатным описанием оных на немецком языке.

Сие приношение тем приятнее было для Общества, что получено от мужа, коего прелестные творения известны всему свету».

«Труды Минералогического общества в Санкт-Петербурге», 1830, ч. 1.

КУРЬЕЗНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

На страницах одной из старейших русских газет, «Московских ведомостей» (1786, февраля 25, среда, № 16), можно видеть следующее сообщение:

«АНГЛИЯ, из Лондона. Февраля 3-го. Один забавник пересчитал в здешнем городе всех женатых мужчин и замужних женщин и хочет ежегодно издавать список оных. По его исчислению (в справедливости которого позволяется однако ж усомниться) находится здесь:

Жен, которые убежали от своих мужей	1 132
Мужей, которые оставили своих жен	2 348
Разведенных законно мужей и жен	4 175
Супругов, кои живут в явной между собой вражде	17 345
Супругов, кои пред глазами чужих людей живут хорошо друг с другом, а в самом деле один другого терпеть не могут	13 279
Супругов, кои равнодушны друг к другу	55 246
Таких, коих посторонние почитают счастливыми	3 175
Таких, кои в сравнении с другими благополучны	137
Действительно счастливых пар	13

Вл. БЕЗЪЯЗЫЧНЫЙ

Мануил СЕМЕНОВ

Рисунки И. СЕМЕНОВА.

Кое-что о козлах

Заметки натуралиста-юмориста

Козлы известны давно. В древние, дохристианские времена козлы были ритуальными животными. Сохранились старинные книги, где изречения мудрецов и философов далекого прошлого оттиснуты на козлиной коже. Она же употреблялась на барабаны и, как утверждают знатоки, придавала этому инструменту чудесное звучание. Есть сведения, что козлы сопровождали Александра Македонского в его завоевательных походах. Правда, неизвестно, какую роль они при этом выполняли. Можно лишь предположить, что козлы подталкивали оробевших легионеров в спину или чуть пониже.

Несмотря на то, что козлы имеют столь славное и древнее прошлое, они не выродились и не деградировали, хотя это случалось с представителями многих предшествовавших цивилизаций. Козлиное племя так молодо, будто всевышний произвел его на свет лишь в прошлый четверг. У козлов подвижный, живой ум, и, как мы увидим из дальнейшего, они остро чувствуют современность.

И БЮРОКРАТИЗМ МОЖЕТ ПРИНЕСТИ ПОЛЬЗУ

Голодный волк упорно преследовал козла, но тому удавалось ускользать от хищника. И вот однажды волк загнал козла в пещеру, из которой не было выхода.

— Ну что, попался, козлик? Сейчас я тебя съем! — сказал волк, облизываясь.

— Пожалуйста,— покорно согласился козел.— Я сам все время разыскивал вас, чтобы предложить себя в качестве вашего первого завтрака.

— Как? — удивился волк.— Ты хочешь, чтобы я тебя съел по твоему же собственному желанию?

— Совершенно верно,— подтвердил козел.

— Тогда это меняет дело. Чтобы быть съеденным по собственному желанию, надо обратиться с просьбой в письменной форме. Таков порядок.

Козел жив-здоров по сию пору. Его заявление все еще ходит по инстанциям...

КОЗЕЛ В ОГОРОДЕ

Козел стал главным редактором издательства. Одна за другой тут начали выходить книги: «Листья», «Молодые побеги», «Кустарники». Издавались и переиздавались пособия по огородничеству. На всех других рукописях козел ставил одну и ту же короткую резолюцию: «Забодать!»

ТОЛЬКО НЕ ЭТО

Козла вызвали в торг и сказали:

— Назначаем вас директором магазина «Свежая капуста». Сегодня же принимайте дела.

Вместо того, чтобы радоваться и ликовать, козел взмолился:

— Только не это! Если я чем-то провинился, дайте мне любое другое наказание. Умереть голодной смертью — это так мучительно!

Козел знал, что при существующих порядках заготовки и доставки свежих овощей полки его магазина будут всегда пустыми.

ПОРА

Из подъезда дома они вышли крадучись. Их было четверо. Один прятал под полой пиджака какой-то сверток. Стараясь не шуметь, они пересекли двор и приблизились к сарайчикам, где жильцы держали всякую живность.

— Бей его по рогам! — сказал тот, что нес сверток.

Раздался страшный грохот. Сладко дремавший жилец из четырнадцатой квартиры на пятом этаже вздрогнул и проснулся.

— Вставай, Маша! — разбудил он жену.— За грибами идти пора. Наши пенсионеры уже козла забивают!

ИЗ МОЛОДЫХ, ДА РАННИЙ

Коза подошла к своему домику, постучала в дверь и запела:

— Козлятушки, ребятушки,
Отопритеся, отворитеся...
Ваша мать пришла,
Молочка принесла!

Старший козленок скомандовал:

— Не открывайте! Пусть она еще коньяка принесет. Эти молочные коктейли мне уже в горло не лезут!

ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ

Две старушки встретились на рынке.

— Слышь, Матвевна,— сказала одна старушка,— коза-то моя опять молока прибавила. Целую крынку теперь надаиваю.

— И я надаиваю крынку,— ответила другая.— Моя тоже молока прибавила.

...В городе уже вторую неделю шел месячник зеленых насаждений.

ТАКОВ ЕГО УДЕЛ

Странные вещи стали происходить в последнее время на торговой базе. Приедет комиссия, обнаружит непорядки в хранении товаров, а директор и глазом не моргнет.

— Правильно товарищи подметили. Приму меры.

И ставит козлу на вид.

Нагрянет ревизия, а директор опять спокоен.

— Согласен, есть недостача. Сделаю выводы.

И опять строчит приказ: объявить козлу выговор с занесением в трудовую книжку.

Сослуживцы удивляются и пристают к козлу:

— Почему терпишь, почему не жалуешься? Ведь не ты же в этих непорядках и недостачах виноват!

А тот только усмехается и молчит. Он-то хорошо знает свою роль. Полгода назад его приняли на должность козла отпущения.

ЗАГУБЛЕННЫЙ ТАЛАНТ

Козлы большие мастера лазить и совершенно не боятся высоты. Поэтому, когда козлик подрос, на семейном совете было решено отдать

В. А. ВАТАГИН

Мы так привыкли, что у входа в зоопарк нас с детства встречает добродушный медведь; кажется, он стоит там вечно... В подмосковных рощах, у асфальтовых трасс в березняке и в сосновом лесу бродят грозные львицы, сидят нахохлившись хищные кондоры, гордо вышагивают круторогие архары. Все они живут в пейзаже и поэтому кажутся нам совершенно живыми.

Но не все знают имя волшебника, который создал из камня, дерева и мрамора этих симпатичных и милых зверей. Его имя — Василий Алексеевич Ватагин.

Кто из нас не восторгался его изумительными рисунками к «Маугли» Киплинга — черной Багирой, мудрым Балу, свирепым Шерханом...

Великий труженик почти семьдесят лет отдал творчеству. Ватагин, безусловно, один из крупнейших анималистов мира. Его скульптуры — плод увлеченного, искреннего, вдохновенного труда. Он писал: «Представьте, я не ошибся: в полене действительно сидели моржи, а в этом камне был заключен носорог». И Ватагин волшебным резцом выпускал на свободу из каменного плена тысячи чудесных образов.

Ватагин ушел от нас. Но он оставил людям светлый мир своих созданий. Великое ему за это спасибо!

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ

Очередная встреча с читателями «Огонька» была проведена 15 мая в Доме журналистов.

Главный редактор А. В. Софронов рассказал о планах журнала в связи с подготовкой к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Перед собравшимися выступили главный художник И. В. Долгополов, редактор международного отдела Н. Б. Пастухов, спецкорреспондент А. Сербин, фотокорреспондент А. Награльян, поэты В. Фирсов и Л. Шикина, международный гроссмейстер Сало Флор.

Во встрече приняли участие заместитель главного редактора Б. В. Иванов, редактор фотоотдела Д. Н. Бальтерманц, заведующий отделом спорта В. Я. Злочевский и заведующий отделом писем Л. Г. Мурашова.

его в цирк. Козлик успешно освоил цирковую специальность и проворно бегал по высоко натянутому канату. Зрители неизменно награждали рогатого артиста аплодисментами.

После удачного дебюта прошло довольно много времени. И вот козлик стал замечать косые взгляды коллег. До него стали доноситься обрывки разговоров:

— А козлик-то наш совсем не растет!

— Да, застыл артист...

И даже его собственная мамаша, когда он рассказывал ей о своих успехах, обиженно поджимала губы. Она завидовала тем коллегам козлика, которые, начав в одно время с ним, успели сделать блестящую артистическую карьеру.

Тогда козлик решил овладеть более интеллигентным жанром. Он накупил кучу разнообразных музыкальных инструментов и объявил, что отныне будет выступать как музыкальный эксцентрик и куплетист.

Настал вечер премьеры. Одетый в экстравагантный голубой фрак, козлик выбежал на арену и запел:

— Ме-е-е!

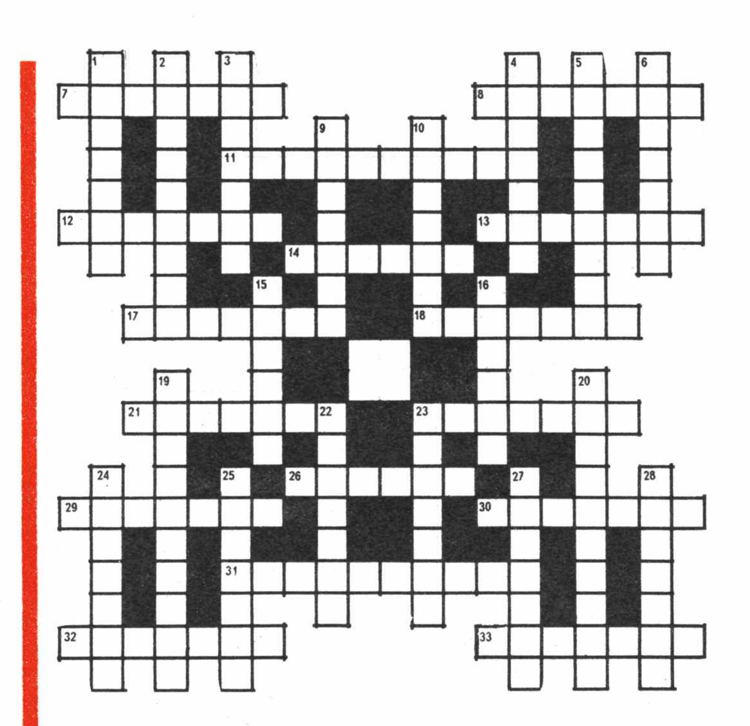
А дальше ни бе ни ме. Освистанный зрителями, изруганный дирекцией, козлик навсегда покинул цирк.

Какого канатоходца загубили!

ТОЧНЫЙ АНАЛИЗ

В одном городе заметно упала продажа бритвенных лезвий, помазков и образовались сверхнормативные запасы мыльной пены. Торговые работники заволновались: в чем дело? Решили привлечь на помощь счетно-аналитическую машину. Когда в нее заложили все исходные данные, машина медленно выдала ответ:

«Новая мода докатилась до нашего города. Молодые козлы начали отращивать бороды».

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Персонаж произведения М. Горького «Мать». 8. Дощечка для смешивания красок. 11. Пьеса А. Доде. 12. Речь, обращенная к самому себе или к зрителям. 13. Форма для отливки типографского набора. 14. Ископаемая смола хвойных растений. 17. Областной центр в РСФСР. 18. Положение, принимаемое без доказательств. 21. Заголовок раздела, главы. 23. Порт на берегу Мексиканского залива. 26. Спортивный снаряд. 29. Теплое течение Тихого океана. 30. Землеройно-транспортная машина. 31. Правописание. 32. Участок суши или моря, оборудованный для учебных стрельб. 33. Остров в Средиземном море.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Озеро в Венгрии. 2. Повесть Л. Н. Толстого. 3. Условная линия, делящая землю на два полушария. 4. Круглый хлеб. 5. Единица веса. 6. Пристройка у входа в дом. 9. Персонаж драмы А. С. Пушкина «Русалка». 10. Морская птица. 15. Приспособление для установки аппаратов. 16. Литография. 19. Повесть А. С. Пушкина. 20. Поездка группы людей с научным заданием. 22. Овощное растение. 23. Столица государства в Азии. 24. Картина И. И. Шишкина. 25. Русский хирург. 27. Советский гельминтолог, академик. 28. Фотографическое изображение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали: 5. Либретто. 7. Гиперион. 8. Бакуриани. 11. Кактус. 12. Кторов. 13. Радий. 15. Катет. 16. Миасс. 17. «Отверженные». 18. Лотос. 20. «Земля». 22. Эльба. 25. Минога. 27. Триоль. 28. Ломоносов. 29. Капитель. 30. Апостроф.

По вертикали: 1. Киловатт. 2. Страус. 3. Опенок. 4. Кострома. 6. Опушка. 7. Гризли. 9. Стетоскоп. 10. «Возмездие». 14. Дождь. 19. Тримитас. 21. Мельхиор. 23. Локоть. 24. Борона. 26. Апогей. 27. Творог.

Повесть Анатолия Калинина «Цыган» печаталась в «Огоньке» в номерах 50—52 за 1960 год, 47—50 за 1968 год.

Она привлекла внимание широкого круга читателей и вызвала многочисленные отклики.

Продолжение повести «Цыган» читайте в следующем, 24-м номере журнала «Огонек».

Ц. СОЛОДАРЬ

Начался летний сезон — и вдруг о фигуристах?

Нет, не вдруг. И не потому только, что во многих городах, где имеются искусственные катки, этот прекрасный спорт давно уже стал круглогодичным. Дело в другом: в «Огонек» все идут письма читателей, интересующихся истоками триумфа наших фигуристов на последнем чемпионате мира и, главное, ближайшими перспективами фигурного катания.

Авторы многих писем — школьные учителя. Деталь весьма отрадная и закономерная. За последнее время педагоги прочно включили фигурное катание в сферу не только физического, но и эстетического воспитания. В самом деле, можно ли, кроме гимнастики, назвать другой вид спорта, столь неразрывно сливающийся с искусством?

И понятны сетования одиннадцати луганских учителей на то, что печать мало еще рассказывает о фигурном катании, понятна и горячая просьба учителя из села Молочное И. Т. Рящина к «Огоньку» поместить фото (и обязательно цветные, подчеркивает Иван Тимофеевич) замечательных советских победителей чемпионата в Колорадо-Спрингс, которыми восхищаются все ценители красоты.

Да, турниры нынешнего года — европейский и мировой — ознаменовались полновесным торжеством советской школы. Именно школы! Даже те, кого трудно заподозрить в избытке доброжелательности к советскому спорту, признают, что наших фигуристов всегда можно отличить по стилю и манере, а главное — содержанию и направленности их композиций. Полнейшее отсутствие легковесной эстрадности, сочетание спортивной точности с вдохновенным размахом, наконец, слитность всех этих элементов с музыкой — вот, пожалуй, наиболее броские приметы, покоряющие миллионы зрителей.

За несколько минут до открытия чемпионата в Колорадо-Спрингс знакомая мне по Олимпийским играм в Гренобле нью-йоркская журналистка заявила:

— В Гренобле ваши две пары — Людмила Белоусова и Олег Протопопов и Татьяна Жук и Александр Горелик оттеснили Синтию и Рональда Кауфманов на третье место. В Колорадо-Спрингс этого не повторится. Синтия и Рональд станут чемпионами, потому что они современней, динамичней всех других пар! Поэтичность и лиризм Белоусовой и Протопопова были откровением несколько лет тому назад, а сейчас победит молодая отвага. И темп, темп, темп!

Кто же ярче всех продемонстрировал на американском льду молодую отвагу? Московские студенты Ирина Роднина и Алексей Уланов. А Татьяну Жук и Александра Горелика прекрасно заменили Тамара Москвина и Алексей Мишин.

Напрасно, стало быть, некоторые американские спортивные обозреватели столь недвусмысленно уповали на отсутствие Татьяны Жук и Александра Горелика. Отвечу, кстати, на вопрос луганских учителей и других читателей: вернется ли на лед этот замечательно слаженный дуэт?

Александр успешно пробует свои силы в спортивной журналистике, а согласившись участвовать в художественном фильме «Голубой лед», он, конечно, отдал себе отчет в том, что этот шаг разлучает его с любительским спортом. О планах Татьяны я спросил в Колорадо-Спрингс ее брата и тренера Станислава. Он ответил мне обнадеживающей улыбкой, которую несложно было расшифровать так: материнство не заставит Татьяну покинуть лед.

Многих читателей по-настоящему волнуют дальнейшие планы создателей лирико-поэтического стиля в парном катании четырехкратных чемпионов мира Белоусовой и Протопопова. Хотя на последнем чемпионате они заняли только третье место, есть еще порох в пороховницах этих замечательных спортсменов. Окрыленному упорству олимпийских чемпионов, их умению не сдаваться, их неугасающей и, надо признать, весьма успешной борьбе с «возрастным цензом» могут поучиться многие.

...Вернувшись в прошлом году из Гренобля, мы с Юрием Нагибиным под свежим впечатлением побед наших дуэтов начали писать сценарий «Голубой лед». Рабочим эпиграфом к образу главного героя мы для себя избрали совершенно, казалось бы, далекое от спортивной жизни утверждение великого русского ученого И. П. Павлова: «Рефлекс цели есть основная форма жизненной энергии каждого из нас. Жизнь только того красна и сильна, кто всю жизнь стремится к постоянно достигаемой, но никогда не достижимой цели...»

И вот год спустя в Колорадо-Спрингс, словно подтверждая эти мудрые слова, Алексей Уланов в ответ на поздравления говорит мне:

— Чего скрывать, я рад, бесконечно рад! Но меня уже преследует мысль: а как будет выглядеть наша композиция в будущем году? Надо тренироваться и искать, искать и тренироваться — ведь до первенства страны всего десять месяцев...

— А до первенства мира всего какой-нибудь год.

— Не такой уж большой срок...

Рефлекс новой цели уже завладел, конечно, и нашим талантливым танцевальным дуэтом — Людмилой Пахомовой и Александром Горшковым. Они отлично выступили на американском льду и хотя не победили прославленных английских танцоров, но завоеванное ими серебро очень высокой пробы.

Многие привыкли к закономерности английской гегемонии в танцах на льду, но Людмила и Александр вместе со своим тренером Еленой Чайковской не намерены подчиняться этой привычке.

— Мы представляем страну, взрастившую Анну Павлову и Галину Уланову, создавшую уникальный моисеевский ансамбль и самобытную «Березку», воспитавшую несметную плеяду талантливых танцоров, пришедших в искусство из гущи народа. Мы должны быть первыми и в танцах на льду.

И первые рубежи взяты. Нелегкой ценой! Ведь судьи тут руководствуются не очевидными и безоговорочными сантиметрами и десятыми секунды, а такими зачастую весьма расширенно толкуемыми понятиями, как артистизм, изящество, непринужденность, а иногда и «маркой» танцоров, их многолетней репутацией. И в такой сложной обстановке Людмила и Александр не только решительно оттеснили европейских вице-чемпионов, англичан Жаннет Сомбридж и Джона Лэйна, но вплотную приблизились по оценкам к четырехкратным чемпионам мира Диане Таулер и Бернарду Форду. Как сигнал победы прозвучал на чемпионате искрометный «Выходной марш» Дунаевского, а «Озорные частушки» Щедрина звенели под аккомпанемент щедрых хлопков всех зрителей, которых частенько весьма трудно было расшевелить из-за сильного пристрастия к проводившимся неподалеку укрощению мустангов и игре в гольф.

Людмила и Александр не копируют чемпионов. Жизнерадостность своего советского современника, его оптимизм — вот что пронизывает их композицию. И при всем том танцы Пахомовой и Горшкова на льду продолжают оставаться подлинным спортом — в них ни грана того, что отдает невзыскательными зачастую приметами «айс-ревю».

И еще отрадное обстоятельство: о втором дуэте советских танцоров можно с полным правом сказать: «Молодо да зелено!» — партнерше девятнадцатилетнего Вячеслава Жигалина «мисс Татьяне Войтюк» всего только пятнадцать лет. Впрочем, Таня, воспитываемая весьма молодым тренером Татьяной Тарасовой, далеко не самая юная участница крупнейших международных турниров. Из Германской Демократической Республики приезжают фигуристки, в сравнении с которыми их землячка, всеобщая любимица, шаловливая Габи — ныне чемпионка мира в одиночном катании — Габриэль Зейферт начинает казаться чуть ли не ветеранкой. На чемпионат мира приехала двенадцатилетняя Соня Моргенштерн, а на рижский турнир «Янтарные катки» — ее сверстница Кристина Эрат. Умеют, значит, тренеры ГДР находить одаренных фигуристов международного класса среди детворы!

Почему так отстают наши одиночники? Почему третье место Сергея Четверухина в Европе пока еще предел? Проще всего было бы сослаться на порядком надоевшее, извечное пристрастие судей к обязательной программе. Иной одиночник с унылым педантизмом и старательностью «первого ученика» выполняет фигуры так называемой «школы» и зарабатывает столько очков, что вполне компенсирует монотонность и даже топорность своей произвольной композиции, где должна проявиться индивидуальность и одухотворенность фигуриста. Было такое и в Колорадо-Спрингс. Показавшая неодухотворенную и скучную произвольную композицию фигуристка стала тем не менее призершей за счет «школы». И все же дело не только в этом. Наши тренеры не сумели еще, видимо, привить одиночникам своего, не канонического, подлинно нового стиля, не сумели неразрывно сплавить одиночное катание с музыкой.

Нам нужно больше тренеров — «хороших и разных». Не ради красного словца приведено выражение Маяковского: тренеры наших звезд именно тем хороши, что они сугубо разные. Неистов в беспокойных исканиях и в беспредельной вере в своих учеников наставник Родниной и Уланова — Станислав Жук. Пытливое экспериментаторство и умение глубоко и вдумчиво анализировать отличают тренера серебряной пары, неизменно внешне спокойного Игоря Москвина. Свою неуемную убежденность в преимуществах и грядущем торжестве отечественной школы танцев на льду сумела привить Пахомовой и Горшкову Елена Чайковская. Но подобных тренеров у нас еще мало. Появятся новые — и мы увидим новые композиции, и, может быть, не под музыку мозаичную, а специально написанную композитором. Появятся и новые костюмы — это далеко не мелочь, ибо — чего греха таить! — экипировка наших фигуристов зачастую оставляет желать много лучшего. И, главное, появятся у новых тренеров новые ученики — и не только дуэты, но и солисты, одиночники. А искать их надо, конечно, там, где «мальчишек радостный народ коньками звучно режет лед».

Колорадо-Спрингс — Москва.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

На первой странице обложки: А. С. Пушкин. Автопортрет.

На последней странице обложки: Рисунки А. С. Пушкина.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

А 00357. Сдано в набор 16/V-69 г. Подписано к печ. 3/VI-69 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 1007. Заказ № 1406.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Фото Л. Бородулина.

Ирина Роднина и Алексей Уланов — чемпионы Европы и мира.

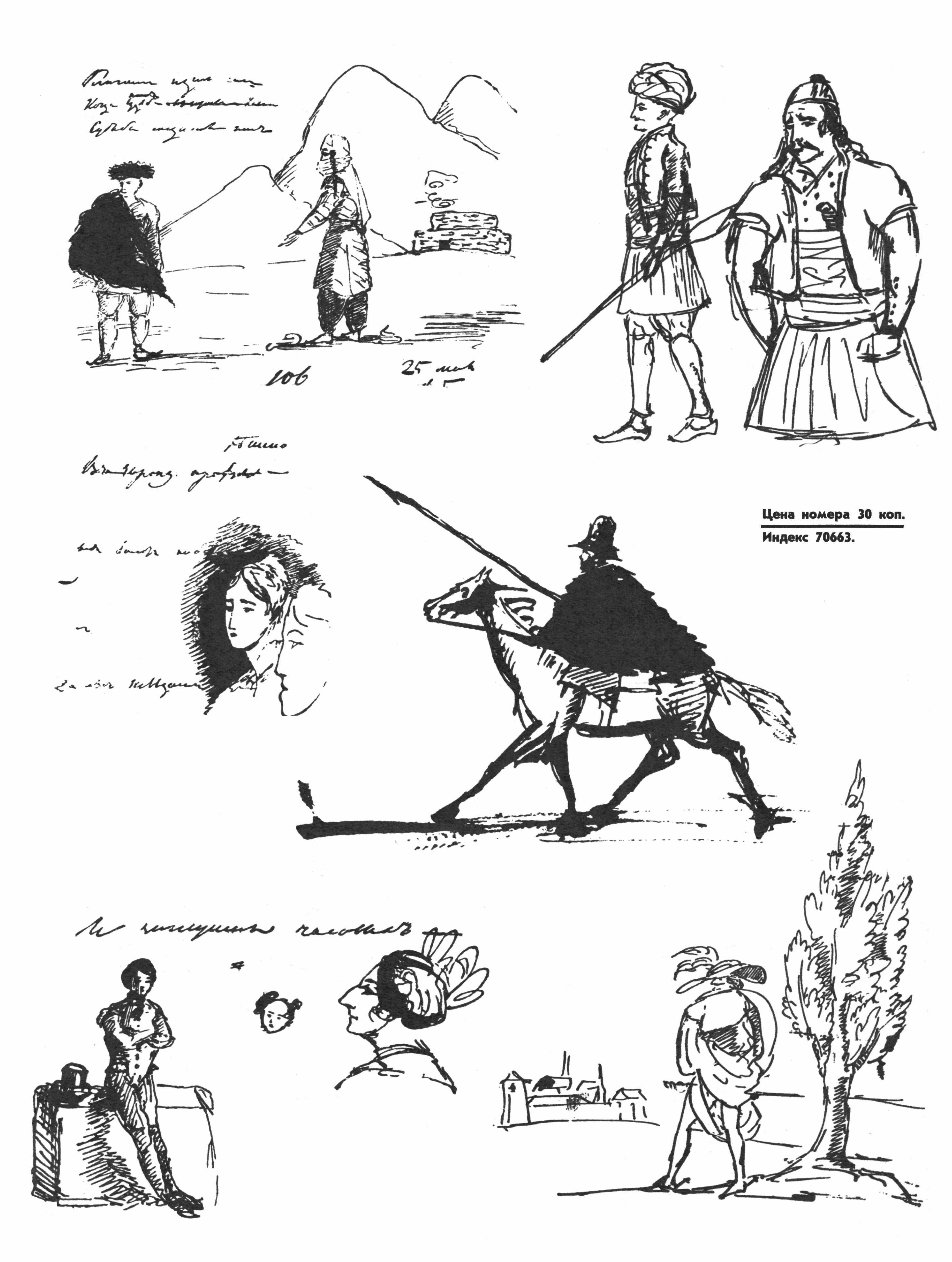
Тамара Москвина и Алексей Мишин — серебряные призеры чемпионата мира.

Габриэль Зейферт (ГДР) — чемпионка мира. Первой поздравила ее мать, она и тренер Габи.

Людмила Белоусова и Олег Протопопов — олимпийские чемпионы и бронзовые призеры чемпионата мира.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.